

И. Е. БАРЕНБАУМ КНИЖНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

И. Е. БАРЕНБАУМ

КНИЖНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~
~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~
~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~
~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~
~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~
~~W~~ ~~W~~ ~~W~~ ~~W~~

W

И. Е. Б А Р Е Н Б А У М

КНИЖНЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

Москва
Книга 1980

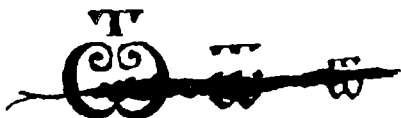
76.11

Б 24

Б $\frac{61001-017}{002 (01)-80}$ 2-80 4503000000

© Издательство «Книга», 1980 г.

Глава I
**„ГОСУДАРЕВА
ПИСЬМОПЕЧАТНЯ“**

Новая столица была наименована «Санкт-Петербург». Это было любимое Петрово детище. «Свой» град, сотворенный собственными руками, по собственным планам.

И перед новою столицей
померкла старая Москва,
как перед юною царицей
Порфиноносная вдова...

Так писал Пушкин, восхищаясь творением Петра.

В новой столице все должно быть по-иному, на европейский манер — дома, улицы, мосты, набережные. Здесь разместились все правительственные учреждения во главе с Сенатом. Учреждались школы, училища — Артиллерийское, Инженерная рота, Морская Академия, Медицинская школа, музеи. По воле Петра на Васильевском острове завели Кунсткамеру.

Санкт-Петербург благоустраивался, хорошел. Пора было обзаводиться новой столице и своей печатней.

Несколько сот лет, с того самого времени, когда возвели по указу царя Ивана IV первую на Руси печатную «штанбу» и стали печатать в ней книги не хуже, чем в Венеции и Фригии, центром книжного дела была Москва.

И при Петре Московский печатный двор поставлял книги для всего обширного российского государства. Потребность в книгах была велика. Но уже не в богослужебных, для духовного чтения. Нужны были книги учебные — математические, морские, инженерные. Для цифровых школ и училищ, книги-помощники, книги-наставники. Царь Петр понимал — без книг нет ни ученья, ни знаний, ни великих дел. И задумал он расширить печатное дело. Было решено завести русскую типографию в Амстердаме. Находясь в 1697—98 гг. в Голландии, царь поручил купцу Яну Тессингу и толковому переводчику и типографу Илье Копиевскому печатать для нужд России на славянском, голландском и латинском языках — географические карты, чертежи, «персоны», книги по архитектуре, военному искусству, песенники. При этом строго наказал, «чтоб те чертежи и книги напечатаны были к славе великого государя нашего царского величества превысокому имени и всему Российскому нашему царствию меж Европейскими монархи, к цветущей наивящей похвале, и ко всеобщей народной пользе и прибытку и ко обучению всяких художеств и ведению, а пониженья б нашего царского величества превысокой чести и государства наших славы в тех чертежах и книгах не было»¹. Амстердамские издания через порт Архангельск доставлялись в Москву и другие города Российского государства, «отчего... царского величества подданные много службы и прибытка могли по-

лучати и обучатися, во всяких художествах и ведениях»².

Петр любил книги, много читал, учился сам и заставлял учиться других. Указывал, что печатать, что переводить. Он сам редактировал рукописи, правил корректуры. Был и здесь, как во всем, решителен и крут. В январе 1709 г. Петр писал из Сум начальнику Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину, ведавшему Московской типографией: «Господин Мусин-Пушкин, письмо ваше купно с книшками Римплеровыми и Борсдорфовыми дошли, также и азбука. Но печать во оных книгах зело пред прежнюю худа, нечиста и толста, в чем вам надлежит посмотреть гораздо, чтоб так хорошо печатали, как прежние, а имянно против кумплементальной и слюзной. Також и переплет против оных же, ибо нынешней присылки переплет очюнь дурен, а паче всего дурен оттого, что в кореню гораздо уско вяжет, отчего книги таращатца, и надлежит гораздо слабко и просторно в кореню делать»³.

Речь шла о книгах «Римплерова манира о строении крепостей» и «Побеждающая крепость» А. Э. Богсдорфа. Петр сравнивал их с ранее вышедшими: «Книгой о способах, творящих водохождение рек свободное» — книга «слюзная» и с «Прикладами, како пишутся комплементы разные...» — «кумплементальная», по словам Петра.

Необычайно был строг царь и к переводчикам. Особенно выговаривал за промедление. В 1718 г. Мусин-Пушкин писал переводчику Поликарпову: «Да для чего, спрашивал государь, по сию пору не переведена книга Виргиния Урбина о начале всяких изобретений, книга небольшая, а так мешкаете. Отпиши о том Лопат-

тинскому». Дело все же тянулось и Мусин-Пушкин снова адресуется к Поликарпову: «Писал я к тебе многожды о переводе книг, и чтоб говорил ты отцу Лопатинскому, дабы скорее переводил, а ныне Великий Государь приказал, ежели не переведут книг, лексикона и прочих, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведут»⁴.

В 1724 г. Петр обратился в Синод по поводу перевода первой части сочинения В. Г. Гохберга о немецком сельском хозяйстве. Разгневанно писал: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять, только для того, чтоб велики казались чего, кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит»⁵. А чтобы было понятно, как надо поступать — сам сократил «негодные» места и послал книгу в Синод для образца.

По поводу издания книги Самуила Пуффендорфа «Введение в Гисторию Европейскую...», состоявшей из двух трактатов, царь Петр писал: «первой — о должности человека и гражданина, другой — о вере христианской; но требую, чтобы первый токмо переведен был, понеже в другом не чаю к пользе нужде быть, и прошу, дабы не по конец рук переведена была, но дабы внятно и хорошим штилем»⁶.

Часто цитируют письмо Петра переводчику И. Н. Зотову: «Книгу о фортификации, манеры Блонделевой, которую вы переводили, мы оною прочли, и разговоры зело хорошо и внятно переведены, но как учить оной фортификацию делать, также в табелех мера не именовано, футы ли или тоузы, то зело темно и непонятно переведено, который лист переправя, вклеили в кни-

гу, а старый вырезаф, притом же посылаем, где сами увидите, прогрешение или невнятность»⁷.

Нужда в переводчиках была велика. Переводили все, кто знал толк в языках, не взирая на чины и звание: ближайшие сподвижники Петра I — Я. В. Брюс, К. Н. Зотов, А. А. Виниус, деятели церкви — Г. Бужинский и Ф. Лопатинский. Были и специальные переводчики: М. П. Шафиров, Ф. П. Поликарпов, Б. Волков, В. Козловский, Ф. Кролик. Переводить заставляли даже пленных шведов.

Сам Петр говорил по-голландски, понимал по-французски и по-немецки. Требовал хорошего знания языка и от других. За год до смерти Петр подписал указ: «Для переводу книг зело нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевести то не может. Того ради заранее сие делать надобно таким образом: которые умеют языка, а художеств не умеют, тех отдать учиться художествам, а которые умеют художества, а языку не умеют, тех послать учиться языкам... художества же следующие: математическое, хотя до сферических триангулов, механическое, хирургическое, архитектур, цивилис, анатомическое, ботаническое, милитарис, гидронка и прочия тому подобныя»⁸.

Но вернемся к Петербургу.

29 апреля 1710 г. Петр послал Мусину-Пушкину приказ — «станок друкарный с новыми литерами... сюда прислать по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, также и с людьми»⁹. Одновременно велено было прислать наборщиков, тередорщиков (печатников), батырщиков (набивали краску на литеры), пере-

плетчика с помощником. Прибыли в начале 1711 г.— 4 наборщика, 2 тередорщика, 2 батырщика с типографским станом и шрифтами.

В 1712 г. прибыли из Москвы гравировальный мастер Девит и 7 мастеровых Печатного двора. Через два года привезли еще два типографских стана. Перевели в Петербург и гравировальную палату «грыдырованных дел мастера» Петра Пикарта — пасынка завербованного на русскую службу голландского гравера Адриана Шхонебека. Доставлен был сюда и малый походный печатный стан, сопровождавший Петра I «при турецкой акции». К 1726 г. в Петербургской типографии было занято 80 человек. В гравировальной мастерской, кроме Пикарта, трудились русские мастера — Алексей Зубов, Иван Мякишев и Алексей Ростовцев. В год на оплату штата шло 3562 р. 79 коп. и 464¹/₂ юфти хлеба¹⁰. Дело было по тем временам обширное.

Новоустроенная столичная типография именовалась «Государевой письмопечатней». Называли ее и иначе: «Санкт-Петербургская типография», «Государственная типография», а то и просто — «Друкарня». Петр называл ее «своей» типографией.

Во главе Петербургской типографии был поставлен цейх-директор Михаил Аврамов. Юношей он был послан Петром учиться в Голландию. В начале XVIII в. служил Аврамов дьяком в Оружейной палате. В вере и в деле был неистов. У него же в доме поначалу размещалась и сама типография, а два года спустя, в 1713 г. перевели ее на Троицкую улицу, в небольшой домик в три окна, вроде тех «образцовых мазанок», которые строились по приказу Петра «для маниры».

Приступили, наконец, и к печатанию книг.

Поначалу это были лишь реляции и календары. Первой была напечатана реляция о взятии крепости Новогеоргиевской. Вышла она 11 мая 1711 г.— «Реляция о поведении бывшем в армии Его Царского Величества мая 30 числа 1711, о бою с турка и постановлением вечного мира».

Затем последовали: «Книга юрналлов, описующих взятия фортеций и баталий в швецкой войне», «Изъявление фейрверка в день Нового 1712 года», «Казания (проповеди) о милости с истинной». Эти последние до нас не дошли, о них известно лишь из поздних литературных источников.

Первая точно датированная книга вышла из Петербургской типографии 7 июля 1712 г.— «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» Э. Ф. Кромпейна.

Одной из первых книг была «Книга Марсова или воинских дел». Внешним видом она напоминала альбом. «Книга Марсова» была задумана как книга славы русского оружия — рассказы о победах русских войск в Северной войне. Материал собирали и добавляли в ходе печатания. Сброшюровывали книгу, когда появлялась необходимость, по «внезапному требованию» Петра I.

Достоинство книги — ее гравюры. Над ними трудились, «грыдыровали», как говорили в те времена, А. Шхонебек, П. Пикарт, Алексей Зубов. На заглавном листе «Книги Марсовой» помещена виньетка, изображающая вид на Неву и Петропавловскую крепость. За ней следует гравированный портрет Петра I в окружении аллегорических фигур. Изданию «Книги Марсовой» Петр уделял много внимания. Часто бывал в типографии, просматривал пробные оттиски,

РЕЛЯЦИЯ О ЯЗЫТИ ГЕЛЗЕНФОРСА.

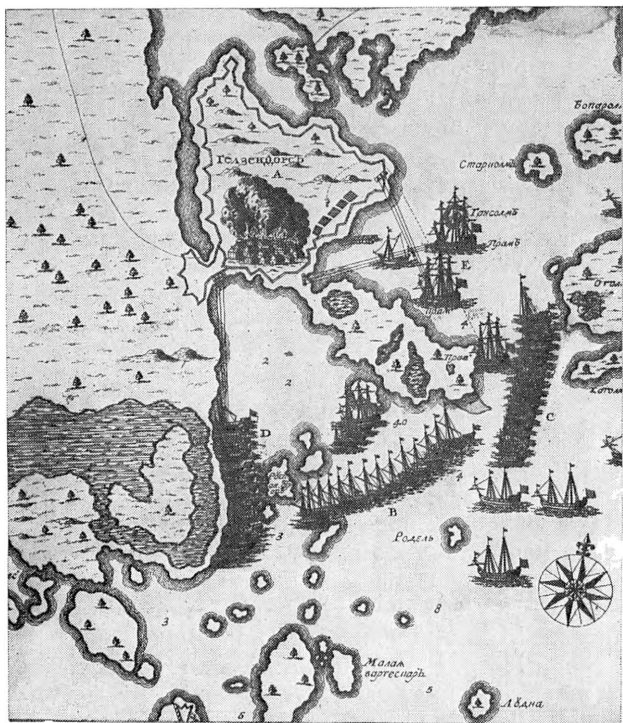
и о воеводѣ мѣстѣ церковнаго вѣдѣнства, подъ командою генерала адмирала и кавалера господина Липавина, подъ оному фортификаціи моремъ на грѣбныхъ судахъ, въ припадѣхъ сего мѣста.

Мѣста въ то день, послѣ полуночи напередъ пошла авангарды, пономѣхъ къ ордерваши и арригарды, и спали суды авангарды въ правую сторону гелзенфорса несприятельскихъ батарей [которыя батареи въ самомъ мѣстѣ гелзенфорсѣ] не далѣе отъ авангарды къ ордерваши сошлись, а въ то время, когда всѣ суды отъ авангарды къ ордерваши сошлись, не допустила, для того, что шутъ мѣсто было узко, и много осирожовъ, и для того суды къ ордерваши [подъ командою адмирала графа Липавина] спали на лѣвую къ лѣвой сторонѣ, а два прѣма, на которыхъ были большіе пушки, спали на правую сторону напередъ авангарды, и къ гелзенфорскому посаду горавдо бѣжало, и ушли по несприятельскихъ батареямъ стрѣлять, но несприятель такъ же съ своихъ батарей пушками стрѣлялъ. Однако въ то время не смотря на стрѣльбу изъ, стрѣляли по нѣмъ самыя большіе пушки, и въ то же время засѣла, куды и галѣи бомбардирской

эскадры послѣ прѣма въ гелзенфорсѣ, и изъ одного марштра бомбы едва не во всю ночь въ посады вросли. отъ чего съ вечера гелзенфорскіе посады загорѣлись, между тѣмъ въ то время да въ указъ, да въ саданы вѣтрался съ судахъ на берегъ, а именно авангарды съ правой стороны на островъ, который лежалъ противъ самого посаду, а къ ордерваши и арригарды по лѣвую сторону. И тѣмъ ночью противъ единичнаго числа, учинено, а именно на передъ вышла на берегъ отъ авангарды оцѣлихъ прѣма, грандерской, трюмной, и вошелъ предъ сѣверою, въ посады, который уже тогда лежалъ горѣлъ, но несприятель когда послышался идущее къ себѣ российское войско, сами еще вѣхтан, и оставая шестъ пушекъ, и довольно число минувши и ружья и мундиръ, побѣжали въ боргу [которыхъ сказали около 2000 человекъ и болѣе] въ сученіе къ своему генералу Либскеру, а мѣдѣи гелзенфорскіе лѣзли, прѣдѣ своихъ саданъ всѣ вѣтрался, и побѣжали къ лѣвой, и хотя по оцѣлихъ посаду послана была за несприятельскіхъ въ погоню нѣмѣ парта, однако до гнѣтъ изъ не могли, только у переправъ побѣжали нѣсколько человекъ въ погоню саданъ, и въ то же время у гелзенфорса съ утра до трехъ часовъ

читал и правил корректуру. В Библиотеке Академии наук в Ленинграде хранится экземпляр «Книги Марсовой» с собственноручными правками Петра: вместо Юрьева поставлено Дерт, вместо нарочинный флот — эскадра, вместо кавалеров — офицеры. Им же выправлены и гравированные рисунки.

В Петербургской типографии печатались и гражданские книги. Так стали называть книги, напечатанные новым шрифтом, введенным в России еще в 1708 г. и официально утвержденным в 1710 г. До этого времени все книги в России печатались церковными литерами — кириллическим полууставом. Так печатались издания Ивана Федорова в XVI в. и затем вплоть до XVIII столетия все книги — будь то религиозные или светские. (Впрочем, книг светских печаталось мало. В XVII в. — вышло всего 7 назва-

Реляция о взятии Гельсингфорса, 1713 г.

ний). В петровское время положение изменилось. Богослужбная, церковная книга продолжала издаваться и немалыми тиражами. Но все больше стало выходить учебной, научной, технической, прикладной литературы. Именно в ней нуждались государство и общество, в первую очередь.

Светская утилитарная книга петровского времени резко контрастировала с громоздким рисунком церковнославянских изданий. Издревле русский алфавит вобрал в себя черты греческого полууставного письма. Перестраивая Россию по европейскому образцу — города, внешний облик людей, их быт, уклад, образ мышления, Петр остро чувствовал несоответствие внешнего облика книги ее содержанию. Подобно тому, как по указу Петра было велено носить камзолы, брить бороды, повелел Петр преобразовать и азбуку.

«При Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды» — говорил позднее Ломоносов, имея в виду реформу шрифта.

Новые литеры, отлитые в духе латинских, появились еще в Амстердамских изданиях Тессинга и Копиевского.

Над созданием новых букв и отливки по ним литер в начале XVIII в. трудились «чертежник и рисовальщик» Куленбах, талантливый словолитец Михаил Ефремов. Надзирал за всем предприятием Мусин-Пушкин. Эскизы букв выполнял и сам Петр. В течение нескольких лет думали, искали, сравнивали.

23 мая 1707 г. Петр подписал указ: «сделать вновь азбуки против образцов на русском языке каковы образцы из походу привез боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин и в приказе книг печатного дела мастеровым людям словолитцом Григорию Александрову, Михаилу Ефремову, Василию Петрову сей великого государя имянной указ сказан, чтоб им словолитцом против тех присланных образцов азбуки, пунсоны и материцы делать с великим поспешением и тщанием»¹¹.

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКІ
СЕМЛЕМѢРІЕ

Издается новопитографскимъ тисненемъ,
повелѣніемъ благочестивѣннаго великаго государя
нашего царя, і великаго князя,

Петра Алексіевича,

всехъ великихъ, і милыхъ і бѣлыхъ росси синодальнаго
при благороднѣшемъ государѣ нашемъ царевнѣ
і великомъ князѣ

Алексіи Петровичѣ.

Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ

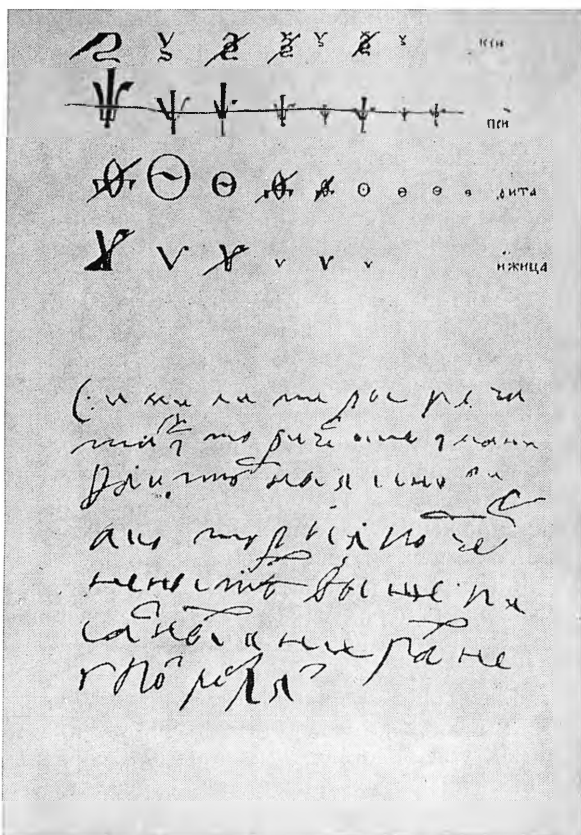
Въ лето мѣроуаіа 7216 Олѣ рождества же по плоти бога
слова 1708 Индіаи первого
мѣсяца Марта.

*Титульный лист первой книги,
набранной гражданским шрифтом*

[3]

Факсимиле гражданской азбуки
с исправлениями Петра I

Факсимиле почерка Петра I

Долгое время считалось, что в основу новой азбуки были положены начертания латинских букв — так называемой «антиквы».

Советский книговед, специалист по шрифтам А. Г. Шицгал убедительно доказал: за основу брался почерк русских людей конца XVII в., который уже отличался от церковнославянского письма — был более округлым, простым, ясным. Была принята во внимание и латинница.

В 1708 г. вышла первая книга, набранная новым шрифтом, — «Геометриа славенски землемерие». Затем появились «Приклады како пишутся комплементы разные» и «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное» или книга «Слюзная», как ее именовали в обиходе.

Работа над новым шрифтом продолжалась. По указанию Петра в азбуку вносили изменения.

Наконец, в 1710 г. был создан проект с «изображением древних и новых письмен славянских, печатных и рукописных».

...Петр I, просмотрев листы, решительным росчерком пера вычеркнул не понравившиеся ему церковнославянские буквы:

«От»

«пси»

«кси»

На обороте переплета царь начертал: «Сими литерами печатать исторические и манифактурныя книги, а которые подчернены, тех в вышеписанных книгах не употреблять».

В Московской типографии книги печатались и новым, и старым шрифтом. Петербургская типография печатала новым — «гражданским».

К новому шрифту привыкали не сразу. Реяции, афиши, публицистические сочинения, все, что шло в «народ», еще долго печатали кириллицей, так казалось привычнее, понятнее. В. К. Тредиаковский признавался: «сия очам

восклекавшѣ ѿ земли въ домъ свой
чловѣкъ тотъ: рыдая. Прокла-
же на мнози поудивляхъ и разгнѣ-
хъ суща на на когоже (ниже
его имаше прогнѣву кому) само-
моль же сѣбѣ паче порицая
пало шнѣхъ иже есѣ емоу быв-
шѣ, и поставляхъ на себѣ:

восклекавшу. отъиде въ домъ
своѣ словѣхъ твоихъ рыдая. Про-
кляхъ же на мнози поудивляхъ и раз-
гнѣхъ убо не на когоже (ниже
его имаше прогнѣву кому) само-
му же сѣбѣ паче порицая яко
отъисбренія его сему быв-
шу. и поставляхъ на себѣ. Иже

*Образец набора славянскими
и гражданскими буквами 1708 г.*

российским сперва было дико, и делало некото-
рое затруднение в чтении, особливо ж таким,
которые и старую московскую с превеликою за-
пинкою читают»¹². Новое — как это часто бы-
вает — воспринимается с трудом. Постепенно все
же читатели привыкли к новому шрифту, почув-
ствовали «вкус» к книгам гражданской печати.
Тот же Василий Тредиаковский с восхищением
писал: «Прекрасна была сия самая первая пе-
чать: кругла, мерна, чиста»¹³.

Одна за другой выходили из Петербургской
типографии книги гражданской печати: «Книга
ордера или во флоте морских прав» — с гравю-
рой на меди с изображением Невы, Петропав-
ловской крепости, «Книга считанія удобнаго ко
употреблению всякому хотящему без труда по-
знати цену или меру какия вещи», «Лявреа, или
Венецъ безсмертныя славы... князю... Меншико-
ву», «Книга пропорции оснаски кораблей ан-
глинской», «Книга устав воинский» и многие
иные.

Остановимся на наиболее примечательных
изданиях, опубликованных в Петербургской ти-
пографии.

В 1716 г. вышла в свет книга «География или краткое земного круга описание». В первой четверти XVIII в. появились четыре издания этой книги. Помимо чисто географического материала в ней приведены таблицы долготы и широты различных городов мира. И что интересно — в русском издании таблица была дополнена координатами многих русских городов.

Сочинение нидерландского механика, физика и математика Христиана Гюйгенса «Книга мирозрения, или мнение о небесноземных глобулах и их украшениях» издавалось дважды — в 1717 и 1724 гг. Это было первое в России печатное издание, в котором излагалась в популярной форме, доходчивым разговорным языком система Коперника: описывалось строение солнечной системы, строение и движение планет. Гюйгенс допускал мысль о наличии органической жизни на других планетах Вселенной. Директор Петербургской типографии М. П. Аврамов получил в 1716 г. приказ Петра напечатать книгу Гюйгенса целым «выходом» («заводом») в количестве 1200 экз. Ознакомившись с рукописью, Аврамов пришел к выводу, что это «атеистическая книжищица сумазбродного автора». «Вострепенувшись сердцем и ужаснувшись духом», он решил сократить тираж. Петр в это время был за границей и, воспользовавшись его отсутствием, Аврамов напечатал только 30 экз. Когда Петр вернулся, Аврамов послал ему донесение, в котором писал, что «оная книжищица самая противная, богомерзкая», и что автора и переводчика этой книги следовало бы «сжечь в трубе»¹⁴. В дальнейшем книга вызывала неудобольствие церкви и подвергалась преследованию, как «богохульная».

Любопытна напечатанная в Петербургской типографии в 1724 г. книга «Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана на французском языке». Авторство книги в русском издании приписано французскому маршалу Вобану, выдающемуся знатоку военно-инженерного искусства. В действительности сочинил ее де Камбрэ. Во французском издании на титуле значится: «Manière de fortifier de Mr de Vauban... mis en ordre par Mr le Chevalier de Cambrai».

В предисловии к русскому изданию говорилось: «Единым словом глаголя такового доселе о фортификации учения краткого, ясного и удобопознаваемого, искусный свет европейский не видел».

Специалисты длительное время спорили о переводчике этой книги. В предисловии к ней утверждается, что она, по распоряжению Петра I, «предложена есть Василием Суворовым». Следовательно, книгу переводил отец будущего прославленного русского полководца.

Имеется и свидетельство Александра Васильевича Суворова, правда, в пересказе его адъютанта Е. Б. Фукса, что он обучался уже в детстве по книге Вобана. Суворов как будто бы рассказывал Фуку: «Покойный батюшка перевел его (Вобана) по высочайшему повелению Государя императора Петра Великого с французского на российский язык, и при ежедневном чтении и сравнении с оригиналом сего перевода, изволил сам меня руководствовать к познанию сей для военного человека столь нужной и полезной науки»¹⁵.

Все же сомнения в связи с этим переводом возникали потому, что Василию Суворову, когда

он переводил «Истинный способ укрепления городов...», было... 15 лет.

Ясность в этот вопрос внес историк техники и технической книги В. В. Данилевский. Он документально установил, что В. И. Суворов состоял с 9 мая 1722 г. при Петре I денщиком и переводчиком и по должности своей, естественно, мог переводить книгу де Камбрэ¹⁶. Что же касается возраста переводчика, то в XVIII в. известно немало случаев, когда книги переводили учащиеся цифирных школ, кадетских училищ и корпусов, по возрасту даже более юные, чем Василий Суворов. Иностранный язык изучали с детства, а переводчиков не хватало. Поэтому переводы поручали всем, кто сносно владел иностранным языком.

Книга «Истинный способ...» де Камбрэ примечательна еще и тем, что к ней приложен словарь, включающий 350 военных терминов. Составил этот первый русский военный словарь тот же Василий Суворов, посланный в юности за границу изучать военно-морское дело. Именно с этой книги и словаря, по-видимому, началась военная школа будущего генералиссимуса А. В. Суворова.

А вот еще одна примечательная книга — «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению», напечатанная в Петербургской типографии в 1717 г.

Книга эта издавалась в XVIII в. неоднократно, переписывали ее часто и от руки.

Это был учебник, в котором излагались правила поведения и хорошего тона.

В допетровской Руси обучались житейским правилам по Домострою. Молодые люди коротали время в боярских и княжеских теремах и хо-

ромах, девушки — в девичьих светелках; общались между собой редко. Культура общения была примитивной, порой грубой.

Петр заставил всех выйти в свет. Он сам любил ассамблеи, маскарады, фейерверки, гулянья, разные потехи. Устраивал многолюдные застолья с участием приезжих иностранцев. Тут-то и понадобилось знание «обходительных манер». Своих отечественных руководств по этикету в это время не было, и тогда стали переводить иностранные — немецкие, голландские, французские.

«Юности честное зерцало» была одной из самых популярных книг такого рода.

Стиль изложения правил грубоват, сегодня кажется немного смешным, но по существу верным. Подобные книги печатаются, как известно, и в наше время и тоже быстро расходятся. Надо полагать, и сегодня в них есть нужда.

В 1726 г. в Петербургской типографии третьим изданием была напечатана еще одна знаменитая книга петровского времени — «Приклады како пишутся комплементы разные».

Слово «комплементы» происходит от французского *complément* — письма. Книга представляет собой, таким образом, письмовник, предлагавший образцы писем и деловых бумаг, общепринятых в Западной Европе. «Образцы» приводились на любой случай: «Объявительное писание о супружестве», «Благодарственное писание за угощение», «Поздравление к новому году», «Сожалетельное писание к некоторому министру, у которого жена умре», «Благодарственное писание к некоторой госпоже о дозволенном доступе». Встречается и такое, например: «Утешительное писание от приятеля к приятелю, ко-

п р и к л а д ы
к а к о п и ш у т с я
к о м п л е м е н т ы
разныя на немецкомъ языкѣ,
то есть писанія

отъ потентатовъ
къ потентатомъ,

Посудравительныя і сожалѣтельныя, і инныя:

Такожде между сродниковъ
і приятелей.

Переведены съ Немецкаго на Россійскій языкъ
напечатаны повелѣніемъ благочесті-
вѣйшаго великаго Государя Царя,
і великаго Князя

п е т р а а л е к с і е в і ч а

Всехъ великихъ і малыхъ і обѣдѣхъ росси
самодержца.

при благороднѣшемъ Государѣ царевичѣ,
і великомъ Князѣ

а л е к с і і п е т р о в і ч ѣ.

Въ царствующемъ великомъ Градѣ Москвѣ.
лѣта Господня 1708. Апрѣля.

*Титульный лист одной из первых книг
гражданской печати*

торый злую жену имеет». Всего в книге собрано 130 «комплементов» — «поздравительные, просительные, утешительные, сожалательные».

«Приклады» велел перевести сам Петр I. Это была одна из первых книг гражданской печати, вышедших в 1708 г.

Подобно «Юности честному зерцалу», «Приклады» имели воспитательное значение. До того в письмах русских людей употреблялись уничижительные формулы, типа «раб твой», «рабыня твоя», ко всем обращались на «ты». Писали так, например: «Государю моему брату князю Василию Васильевичу братишко твой Ивашко Куракин челом бьет», «Государю моему князю Василию Васильевичу женишка твоя Дунька челом бьет до лица земнаго...»¹⁷

«Приклады» вводили вежливое обращение «Вы». По форме письма стали писаться с большим чувством собственного достоинства: «Моя госпожа», «Мне дрожайший приятелю», «Ваш моей госпожи прилежный слуга». Правда, язык «комплементов» был все же тяжел, высокопарен, обороты витиеваты. Но следует учесть, что это был перевод с немецкого оригинала. Сравнить надо не с тем, как мы пишем сегодня, а с тем, как писали в допетровской Руси. Тогда полезность изданий типа «Приклады» станет особенно понятной.

В Петербургской типографии печаталась знаменитая петровская газета «Ведомости». Это была первая в России печатная газета. До нее в XVII в. составлялись в посольском приказе рукописные «Куранты» — для царя и его ближайшего окружения. В них содержались сообщения о событиях за рубежом, почерпнутые из иностранных газет и журналов.

Первый номер петровской газеты, не дошедший до нас (известен лишь по рукописным копиям), вышел еще 17 декабря 1702 г., второй — 27 декабря того же года и называется особо: «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотенбурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году».

Номер от 2 января 1703 г. сохранился в печатном виде. Вот что сообщалось в нем. «На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мортиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов... А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит.

Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической Штюрманской школе более 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве, ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: на реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавляли изрядну, от чего чают немалую быть прибыль московскому государству».

Со 2 января 1703 г. «Ведомости» стали выходить регулярно. Именно с этой даты ведется летоисчисление нашей отечественной журналистики.

Внешне петровские «Ведомости» ничем не напоминают современные газеты. Небольшого раз-

САНКТЪПЕТЕРЗБУРХЪ,

В Ъ Д О М О С Т И .

Полученные Сего Іюня въ 28 день, 1711.

Изъ лагару изъ волоской земли,
изъ заднестра за мѣлю, 31 дня
маія.

Его Царское Величество изволилъ
сюда пріипти изъ яворова 22 дня,
погожѣ маія, которого дня и
королевъ

*Заглавный лист
петровскихъ «ведомостей» за 1711 г.*

мера — в одну восьмую листа — они состояли из 4—8 страничек, сложенных в виде брошюры.

С 3-го номера за 1711 г. на первой полосе появилась гравюра, изображающая вид с Невы на Петропавловскую крепость и летящего Меркурия с трубой и жезлом — покровителя торговли и известий.

Тираж «Ведомостей» колебался от нескольких десятков до нескольких тысяч. Различной была периодичность: от одного, трех — до 30—40 экземпляров в год. Различной была и цена, в зависимости от важности номера.

«Ведомости» были органом официальным. Петр лично следил за изданием газеты, правил отдельные материалы и целые номера, собственноручно писал в газету «реляции». По его требованию корреспонденции в «Ведомости» писали военачальники: «енералы» и «адмиралы».

Непосредственно редакцией газеты занимались поочередно директор печатного двора в Москве Федор Поликарпов и Михаил Аврамов. С 1719 г. редактирование «Ведомостей» было поручено переводчику коллегии иностранных дел Борису Волкову. Имелся у «Ведомостей» и свой придворный хроникёр-переводчик Посольского приказа Яков Синявич. Его принято считать первым русским репортером.

«Ведомости» служили возвеличению Русского государства, отмечали успехи науки, просвещения, торговли, промыслов. Многие материалы посвящались военным событиям: Северной войне, Полтавской битве.

От них веяло победным духом: никто не должен был усомниться в преимуществах русского оружия, в доблести российского воинства, его благородстве и великодушии.

В. И. Ленин писал: «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹⁸. Это был «нетерпеливо самовластный помещик», по характеристике А. С. Пушкина.

Петербург был воздвигнут тяжким трудом многих тысяч крепостных крестьян, согнанных со всех концов Российского государства. Гнет, который испытывал народ, был велик. Это вызывало повсеместно ропот, недовольство, бунты.

Обо всем этом «Ведомости» сообщали редко. А если это и случалось, то сообщения преподносились в выгодном правительству свете. Так, в реляции о Булавинском восстании 1708 г. читаем: «Донской казак вор и богоотступник Кандрашка Булавин умыслил во украинских городех и в донских казаках учинить бунт. Собрал к себе несколько воров и единомышленников и посылал прелестные письма во многие города и села, призывая к своему воровскому единомыслию, и многие таковые ж вору и все донские казаки, иные по нужде, а иные по прелести его к нему пристали. И собравшеся многолюдством, ходили под города и в села для разорения и призывания иных в свое единомыслие, и того ради царское величество указал послать свои войска под командою господина Долгорукова, дабы того вора Булавина поймать и злый их воровский совет разорить»¹⁹. Далее в сообщении говорилось о том, как Булавин покончил самоубийством, о расправе над участниками движения.

Печатались в «Ведомостях» и иностранные известия. Материал для них черпали из европейских газет и журналов, писали в газету и

русские посланники, дипломаты, аккредитованные при европейских дворах.

Уже с 1711 г. «Ведомости» стали печатать в Петербургской типографии. Но отдельные номера продолжали выходить и в Москве. С 1717 г. «Ведомости» печатаются только в Петербурге гражданским шрифтом.

Борис Волков свидетельствовал о «Ведомостях»: «сии куранты нравны его императорскому величеству, который сам соизволит их прочитывать и погодно собирать, яко все курioзный в литературе монарх»²⁰.

«Государева писмопечатня» была первая и самая крупная в начале XVIII в. в Петербурге, но не единственная.

По указу Петра от 17 декабря 1718 г. велено было взять из Петербургской типографии один стан со всеми припасами и людьми в Сенат для печатания указов. Ее руководителем был назначен Иван Никитин — старейший наборщик Петербургской типографии. Первые издания Сенатской типографии датируются 1721 г. Печатались в ней законодательные документы по гражданской части: указы, манифесты, реляции, регламенты.

Инициатива основания типографии при Александро-Невском монастыре шла от сподвижника Петра I, епископа Феофана Прокоповича. Указ последовал 13 декабря 1719 г. И вновь типографский стан был взят из Санкт-Петербургской типографии. Новые типографии в столице были как бы «дочерними» Санкт-Петербургской.

Печатали при монастыре кириллическим шрифтом, но не только богослужебную литературу, а и учебники, книги для чтения. Вторым изданием был напечатан здесь «Духовный регла-

мент», печатались также «Слова» Феофана Прокоповича и другого сподвижника Петра, церковного публициста Гавриила Бужинского. В переводе последнего вышел «Феатрон или позор исторический» Стратемана. В предисловии к «доброхотному истории любителю» переводчик знакомил читателя с тогдашними понятиями об истории, о ее пользе и назначении.

С 1720 по 1724 г. в типографии при Александро-Невском монастыре было напечатано 12 изданий букваря Феофана Прокоповича «Первое учение отроком». Книга была не менее популярна, чем «Юности честное зерцало». В ней говорилось не только о пользе письма и чтения, но и о их вреде, если во все это вкладывать неверный смысл, если само воспитание ложно: «За лишением доброго воспитания, когда читать и писать научились, глухое тое искусство обращают себе на сродие злобы: и пишут клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пашквили, портят записи, договоры, духовницы, притворяют указы. Нецыи же, помышляя о себе, что понеже читать умеют, велми мудры суть, дерзают вымышлять плевелная учения, мнимая им богословская, и в народе раскол делают. И кто изочтет безчисленная таковых книжников злодействия, пером их творимая!»²¹ Пафос последних слов Прокоповича направлен против раскольников.

Руководил типографией Александро-Невского монастыря Степан Рудин.

И еще одна типография была учреждена в Петербурге по указу Петра I — при Морской академии. Оборудование для нее поставила все та же «Государева письмопечатня» в январе 1720 г. Морская типография носила сугубо ведомственный характер. В ней печатались указы

Адмиралтейской коллегии, пособия и руководства по военному и военно-морскому делу.

Первая книга из Морской типографии вышла в феврале 1722 г. Это было сочинение директора Морской академии Г. Г. Скорнякова-Писарева «Наука статистическая или механика». В 1724 г. в типографии Морской академии было напечатано руководство по управлению кораблем и командованию, составленное капитаном флота Кононом Зотовым. Называлось оно «Разговор у адмирала с капитаном о команде или Полное учение како управлять кораблем во всякия разныя случаи» и было написано в форме вопросов и ответов.

Одновременно с книгопечатанием развивалась в новой столице и книжная торговля.

В январе 1714 г. при Петербургской типографии была учреждена книжная лавка. Размещалась она в Гостином дворе. С тех пор стало принято торговать книгами здесь — на Суконной и Перинной линиях. Лавка походила на кладовую. Груды книг лежали на полках и на полу. Под широким прилавком покоились «грыдырованные куншты» и карты. Стены украшали царские «персоны», изображения кораблей, «галиота свейскаго» и другие гравюры. Первыми управляющими книжной лавки были типограф-печатник Василий Евдокимов и станочник Михайло Васильев.

Свою книжную продукцию Петербургская типография сдавала под отчет подъячему Федору Василькову, которого сменил позднее Андрей Чупреянов. Хранили ее в «казенном амбаре» на Оружейном дворе. Из амбара книги отпускались в книжную лавку. Сохранились сведения о распродаже книг. Они приводятся в монографии

С. П. Луппова «Книга в России в первой четверти XVIII века»²².

В первый год от продажи было выручено 192 р. 58 к. Деньги шли на бумагу, свечи, дрова и на покрытие типографских расходов. Торговля шла с переменным успехом. Более всего было продано книг в 1719 г.—на 2814 р. 13 к. Но это из общей суммы поступлений на 7581 р. 76 к. В итоге в книжной лавке и на складе скопилось немало нереализованной продукции.

И нет ничего удивительного в том, что в типографии мастерам платили не деньгами, а... книгами! В 1726 г. деньгами было выдано 1760 р. 76 к., а книгами—2736 р. 84 к. Аргументировали же эту меру так: «дабы оные книги от лежания не истлели». Расплачивались книгами и в последующее время, в Академии наук. Студент Алексей Протасов, будущий академик, просил о выдаче ему жалования за прошлый год, чтобы сшить себе к зиме теплое платье. Ему выдали «Описание триумфальных ворот» и еще несколько книг из академической книжной лавки.

Что же покупали петербургские жители? Большим спросом пользовались календари, воинские уставы, «Ведомости», азбуки, реляции. Хорошо шла гуманитарная и географическая литература: «История о разорении Иерусалима», «История о разорении града Трои», «География, или краткое земного круга описание», «Эсоповы притчи», и особенно — «Юности честное зерцало». Вообще население Петербурга охотно тянулось к светской книге, религиозные сочинения здесь шли не так «бойко», как в Москве. Сказывалось влияние нововведений царя.

Широко размахнулся Петр I. Щедро печатал книги, и только те, которые он считал нужными

и полезными Государству Российскому. Правда, чаще всего это были переводы с иностранного. Художественная литература при Петре I почти не издавалась, даже переводная. Исключение представляют «Эсоповы притчи». Петр любил басни мудрого Эзопа, знал многие из них наизусть и охотно при случае цитировал. Царь-реформатор не очень-то считался с привычками и вкусами своего народа. Любимые русскими читателями «гистории», «хождения», «повести», «сказания» по-прежнему переписывались и распространялись по стране во множестве списков.

Всего с 1701 по 1724 г. в России было издано 1877 названий книг и других печатных изданий. Из них в Петербургской типографии было напечатано 691 издание, в типографии Морской академии — 19, в Сенатской — 64, при Александро-Невском монастыре — 27²³. Большие тиражи изданий петровского времени расходились часто с трудом. Потребности русского общества не всегда совпадали с тем, что ему предлагали петровские типографии.

Многие не разошедшиеся при Петре книги уже после его смерти перемололи на бумажную муку. Исследователь книг гражданской печати XVIII в. В. Я. Адарюков, ссылаясь на опись 1752 г., пишет, что в складах Синодальной типографии накопилась такая масса нераспроданных изданий, что их велено было брать на обертку и продавать на бумажные фабрики. Часть петровских изданий была тогда же сожжена. Такие случаи повторялись и в последующие годы²⁴. Все это привело к тому, что в наше время петровские издания весьма редки. В том числе и те, на которых стоит марка «Государева письмопечатня»...

Глава II
РОССИИ
ВОЛЬНЫЕ СЫНЫ

Издатель «развращенных книг»

...Тускло горели восковые свечи. За окном еще расстилалась мгла. Было около 4 часов утра.

Над письменным дубовым столом склонился пожилой человек, длинные волосы спадали до плеч, большой открытый лоб отдавал в свете свечей желтизной...

Он что-то писал. Задумывался, потом снова продолжал писать. Это был Николай Иванович Новиков — выдающийся деятель русского просвещения и книжного дела второй половины XVIII века, человек замечательной и трудной судьбы. Он доживал свои дни в фамильном имении Авдотьино, под Москвой, старый, забытый всеми человек...

Родился Н. И. Новиков 27 апреля 1744 г. в старинной дворянской семье. Учился в гимназии при Московском университете, из которого в 1760 г. был уволен за отлучку без объяснения причин. С 1762 г. проходил военную службу в Измайловском полку, расквартированном в Петербурге.

28 июня 1762 г. Новиков — восемнадцатилетний солдат — стоял на часах у подъемного моста, перекинутого через ров, который окружал двор Измайловского полка. К мосту подсакали офицер и какая-то дама невысокого роста, закутанная в офицерский плащ. Новиков узнал ее. Это была великая княгиня Екатерина Алексеевна, а с нею гвардейский офицер Григорий Орлов... В тот день совершился дворцовый переворот — на престол взошла императрица Екатерина II.

Мог ли тогда он предполагать, как все обернется для него лично! Мог ли знать, что предвещал ему этот день, который, казалось, должен был принести счастье и процветание России...

В 1767 г. была создана по велению Екатерины II Комиссия по составлению нового Уложения. Намерения новой императрицы были честолюбивыми. Пусть эти Вольтеры и Дидро, философы-умники, убедятся, наконец, что царство божие может осуществиться и на земле, и ни где-нибудь, а здесь в Ее России. Екатерина написала для Комиссии Наказ.

«Для пользы своей Империи я обобрала президента Монтескье, не называя его, — писала она мадам Жоффрен, — надеюсь, что если с того света он увидит мою работу, то простит этот литературный грабеж для блага двадцати миллионов людей, какое из того должно последовать... его книга — это мой молитвенник»¹.

Удачно прокомментировал эти слова В. Боголюбов — автор книги «Н. И. Новиков и его время»: «Действительно, почти половина статей Наказа (около 250) прямо списаны из «Духа законов», но императрица неверно называет эту книгу молитвенником: из святых ее формул она

взяла лишь те, что целиком соответствовали ее грешной самодержавной власти и тщательно выкинула, что к ней не подходило...»².

Унтер-офицера Николая Новикова направили в Комиссию для составления письменных документов «о среднем роде людей». Он и раньше задумывался над тягостным положением людей простого звания, «третьего класса». Разбирая письма, предложения, челобитные крестьян, приходилось сталкиваться с фактами столь чудовищными, нетерпимыми, что хотелось тут же начинать что-то делать, чтобы облегчить участь многострадального русского народа.

Нет, канцелярские занятия были явно не для него! Так же, впрочем, как и военная карьера. Новикова тянуло к литературе, книге, хотелось помочь делом, трудами, просвещая невежественных, взывая к разуму и сердцу Российского дворянства...

Царь Петр разбудил могучие силы народа, но зло осталось, его еще прибавилось, крепостным людям чуть ли не запрещено читать, обращаются с ними как с быдлом... И это все в просвещенный XVIII век: в век Вольтера, Гельвеция, Гольбаха...

Более всего Новикова тянуло к изданию книг. Но с чего и как начать? Новиков решил посоветоваться с друзьями по Университету, съездил в Москву. Там удалось получить и заем от владельца университетской книжной лавки.

По возвращении в Петербург Новиков выпустил реестр книг, продававшихся на Большой Морской улице. Затем взял на комиссию книгу М. Д. Чулкова «Пересмешник, или славянские сказки» и, наконец, издал уже вполне самостоятельно «Две повести: Аристоневы приключе-

ния и рождение людей Промифеевых». Переводчик книги М. И. Попов самым лестным образом отозвался о Новикове, о его знаниях, любви к науке и словесности, самобытности и честности.

В 1769 г. в столице появился новый журнал — «Всякая всячина».

Как выяснилось, журнал редактировал Г. В. Козицкий — секретарь Екатерины II, на самом деле — сама императрица. Журнал был непривычный — сатиры на нравы, поучения, наставления. Выходившие до этого русские журналы были все серьезные: «Ежемесячные сочинения», «Полезное увеселение», «Трудолюбивая пчела»... Правда, сатира «Всякой всячины» была отвлеченная, «улыбчатая». «Всякая всячина» негодовала, например, по такому «возмутительному» поводу: «Многие молодые девушки чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что поднимают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего». Конкретных «мишеней» у журнала не было.

Впрочем, самое важное было все же в другом. «Всякая всячина» приглашала заводить новые сатирические журналы, ожидала появления «внуков» и «правнуков».

Новиков внял совету «прабабки» русских журналов. Тем более, что исподволь был готов к этому и ранее.

В том же 1796 г. он приступил к изданию своего первого сатирического журнала «Трутень». Название было выбрано, конечно, не случайно. А для того, чтобы читателю было еще яснее, издатель поставил эпиграфом строки из басни Сумарокова «Жуки и пчелы» — «Они работают, а вы их труд ядите». В каких «трутней»

метил журнал, догадаться теперь было не трудно. Целью своей Новиков поставил — издание трудов «сатирических, критических и прочих по исправлению нравов служащих». На страницах «Трутня» Новиков вывел целую галерею отрицательных персонажей. Перед взором читателей «Трутня» предстали тунеядцы и эгоисты, плуты и мошенники, придворные бездельники, Безрассуды, Змеяны, Глупомыслы и Мешковы, Наркисы и Ветрены, те, что умеют «искусненько пригибать указы», рабски подражают французской моде, а в совершенстве овладели лишь одной «волосо-подвивательной наукой», ибо усвоили: «хорошо завитые волосы скорее ума примечить можно: волосы снаружи, а ум внутри».

И Новиков зло издевался над ними.

В VI «Листе» «Трутня» можно было прочитать «объявление» такого рода: «Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям до просвещения своего разума и который объездив с пользою, возвратился уже совершенно свиньею, желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города»³.

Тон статей был смелый, даже дерзкий. Читатели понимали, кого именно имеет в виду издатель «Трутня», смеялись или, наоборот, негодовали. Иначе отнеслись к журналу Новикова в придворных кругах: «Не в свои де автор садится сани. Он де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая де смелость ничто иное есть, как дерзновение».

Екатерина II листала журнал, качала головой: задирист, речист! И, наконец, решила одернуть издателя «Трутня» через «Всякую всячи-

ну». В 19-м номере «Всякая всячина» в письме некоего Афиногена Перочинова советовала издателю «Трутня»: «1) Никогда не называть слабости пороком; 2) Хранить во всех случаях человеколюбие; 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) Просить бога, чтобы дал нам дух кротости и снисхождения»⁴.

Новиков сделал вид, что не понял наставлений, по-прежнему продолжая выступать с сатирой «на лица». Более того, он осмелился вступить со «Всякою всячиной» в спор и даже недвусмысленно величал ее «пожилой дамой»! Весьма прозрачно намекал Новиков и на незнание Екатериной II русского языка: «Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может»⁵.

Направление «Трутня» становилось все более обличительным. В 26-м «Листе» Новиков поместил «Копии с отписок крестьянских». Авторы отписок жаловались на своих помещиков, на нищету, чуть ли не требовали воли! Несчастный Филатка взывал в письме к своему барину: «По указу твоему господскому, я, сирота, твой, на сходе высечен, и клетки мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных; только мне взять негде, остался с четверыми робятишками, мал-мала меньше, и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем»⁶.

Новиков со страниц «Трутня» взывал к помещичьей совести: «Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самым собою во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими

рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком?»⁷

Это было неслыханной дерзостью. К тому же издатель «Трутня» сумел «совратить» и других журналистов — Эмина, Рубана. Их журналы — «Ни то ни се», «Адская почта» — поддержали Новикова в полемике со «Всякой всячиной». Терпение императрицы иссякло. Пошли придирки, досмотры, окрики — один за другим журналы закрывались.

Пришлось и Новикову умерить тон. Объяснил это читателям в новом эпиграфе, взятом из того же Сумарокова: «Опасно наставленье стро-го, где зверства и безумства много». А 22 апреля 1770 г. Новиков простился с читателями. В заключительном «Листе» он писал: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваши обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною»⁸.

На смену «Трутню» сразу же пришел новый журнал — «Пустомеля». Дух его и направление остались прежними: обличение порядков при дворе, царских «ласкателей», судей, «не имеющих совести, ни чести». Продолжалась полемика со «Всякой всячиной», не прекращались и нападки на императрицу...

Во второй книжке «Пустомели» было опубликовано сатирическое «Послание» Д. И. Фонвизина. Кучер Ванька заявлял в нем:

Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да сверх того еще приметил я, что свет
столь много времени неправдою живет,
что нет уже таких кашеев на примете,
которые б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,

слуги дворецкого, дворецкие господ,
друг друга господа; а знатные бояря
нередко обмануть хотят и государя...⁹

Вышло всего два номера «Пустомели» — по велению Екатерины журнал был закрыт.

Издавая сатирические журналы, Новиков расширял одновременно и книгоиздательскую деятельность.

Для пользы просвещения, развития наук и знаний нужны были справочные издания, публикации источников по истории России, летописей, документов...

В 1772 г. Новиков составил и выпустил в свет «Опыт исторического словаря о российских писателях». Это был примечательный труд, с которого по праву началась история русской литературоведческой науки. Достаточно сказать, что в «Опыте» содержалось 317 биографий и справок о русских писателях от X до XVIII в. Никого не пропустил составитель, ни одного мало-мальски известного литератора. Коллежский регистратор Веницеев написал несколько стихов, напечатать не успел, а в словарь попал. О другом сочинителе в «Опыте» сказано: «Рудаков, Иван, старший наборщик в академической типографии. Сей сочинял разные весьма изрядные стихотворения, а по большей части сатирические». В «Опыте» впервые были напечатаны его стихи. Симпатии Новикова были явно на стороне выходцев из народа, разночинцев — М. В. Ломоносова, Ф. Г. Волкова, С. П. Крашенинникова, И. П. Кулибина и других людей незнатного происхождения, но талантливых.

Пропустил Новиков лишь одно имя — императрицу Екатерину. Возможно, было неудобно упоминать о литературных забавах царицы, но

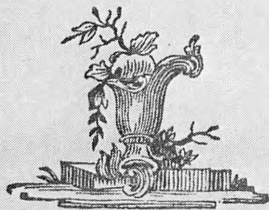
ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОΘИКА,

ИЛИ
СОБРАНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙ-
СКИХЪ, ДО РОССІЙСКІЯ ИСТО-
РІИ, ГЕОГРАФІИ И ГЕНЕА-
ЛОГІИ КАСАЮЩИХСЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

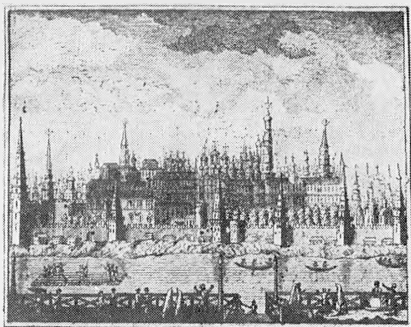
Вольнаго Россійскаго Собранія Членомъ,
НИКОЛАЕМЪ НСЕРИКОВЫМЪ,

ЧАСТЬ VIII.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1775 ГОДА.

*Древняя российская вивлиофика.
Титульный лист*

ДРЕВНЯЯ РОССІЙСКАЯ ИДРОГРАФІЯ.

Въ началѣ книги сея написанъ
царствующій градъ *Москва* на
рѣкѣ на *Москвѣ*, на лѣвомъ бе-
регу; а рѣка *Москва* вытекла по *Вя-*
земской дорогѣ, за *Можайскимъ* верши
съ шриццать, или не много больше.

а

л

*Начальная страница
Древней российской идрографии. СПб., 1773*

могла быть и другая причина — Новиков не хотел признавать в ней российского литератора. Ученые по этому поводу все еще спорят. Но факт остается фактом: Екатерины в «Опыте» нет. В предисловии к своему словарю Новиков писал: «Россия о преимуществах в науках спорит с народами целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются»¹⁰. Новиков утверждал в читателях национальное самосознание, взывал к их гордости, патриотизму. Сам был патриотом, не клонил головы ни перед иностранной культурой, ни перед собственной спесивой знатью. Любил свой народ, его труд, его гений.

«Опыт» получил широкую известность. На него ссылались, постоянно цитировали. Дени Дидро в числе других лучших русских книг вывез «Опыт» Новикова во Францию.

За «Опытом» последовали новые фундаментальные издания Новикова: «Древняя российская гидрография», «Древняя российская вивлиофика».

Это были сборники старинных русских рукописей, грамот, родословных, летописей, послужных списков. В «Древней российской гидрографии» впервые была напечатана «Книга большому чертежу» — сочинение XVII в. о водных путях России. Самые древние документы, опубликованные в «Древней российской вивлиофике», — Устав князя Владимира Святославича «О церковных судех, и о десятинах, и о церковных людех» и три новгородские грамоты XIII в.

В «Вивлиофике» уделено много места дипломатическим памятникам — описанию русских посольств, отправляемых за границу: в Константи-

нополь, Польшу, Китай, Венецию, Францию, Испанию, Рим, Мальту, Индию... Вот характерный отрывок, описывающий пребывание русского посольства во Флоренции в 1659 г.: «Флорентийский... князь приказал племяннику своему, Царского Величества посланникам сказать и возити в сады, по потешным палатам, и сморети двор княжий, княгинин, сына Космы, братьев Матиаса, Леопольда, Яна Гратияна и в них смотрели всяких вещей и садов и запон драгих. И посланники ездили по потешным дворам и по палатам 8 дней; а во дворе нижних палат с 50, и верхних с 50: а в них строство и вещи предивныя однозолотыя, и янтарныя, и хрустальныя, и столы аспидныя, изложены драгими травами с золотом; а во всякой палате стекла хрустальныя, в виду весь человек, аршина в полтора. Места и ковры и запоны драгие, разными образцы; и каковы палаты, таковы и запоны однотканые, а на них писаны бытия и иныя вещи. А в иных палатах проведена вода прехитрым делом: отвернут шуруп, и всех людей в палате омочит; а идет вода на разныя капли из камени и из решеток железных, и капли идут на конское побежище, а шуруп завернут, и воды станет только.

А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровыя и кипарисныя. В феврале месяце и плоды зреют: яблока предивныя и лимоны двои, одни величеством по шапке, и виноград двойной белый, да вишневый, и анис. А питья, вино церковное свежее, и белое французское, и малвазия, и аликант; а водок нет никаких, только лишь яковитка: пуще тройнаго вина, а пить дадут всего шуруп или два стеклянных. А ягод винных и изюму нет, а иных

овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иным имен не знаю. А днем от солнечного зноя не можно ходить, и в феврале все кроются в палаты; а красоту в садах нельзя описать: потому что не бывает у них зимы и снега, ни одного месяца. Рыбных садов много же, а рыбы дикия безчушуйныя. А затем и игр, органов, кимвалов и музыки много; а иные люди сами играют в органы, а никто ими не движет; а инаго описать не уметь; потому кто чего не видал, тому и в уме не придет»¹¹.

Немало было опубликовано в «Вивлиофике» бытовых и обрядовых памятников светского характера — «чино последований», церемониалов, торжественных событий.

Подробно описаны в них поставления и коронации великих князей и царей, царские свадьбы — Ивана IV, Михаила и Алексея Романовых, «свадьба розстригана, что назывался Царем Дмитрием, на Маринке» 8 мая 1606 г.

Приведем еще один отрывок из «Древней российской вивлиофики»:

«Лета 7055/1547 года, Февраля в 3 дня, в четверг, женился Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея России.

А понял Романову дочь Юрьева-Захарыина Настасию; а чин был свадебной как были свадьбы отца ево Великаго Князя Василья Ивановича всея России, писан тот впереди.

А на свадьбе у Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича был брат ево Князь Юрья Васильевич, и на первой день сидел за столом в большом месте; а в материно место была Князя Андрея Ивановича Старицкого Княгиня Ефросинья; а в Тысяцких был Князь Володимир Андреевич, брат Великаго Князя.

А в дружках были с Великаго Князя сторону, Боярин Князь Дмитрий Федорович Бельской со Княгинею, да Боярин Иван Михайлович Юрьева с женою.

А с Великой Княгини сторону Дружки были: Боярин Князь Иван Иванович Пронской со Княгинею, да быть было Василью Михайловичу Тючкову с женою, и Василей не был за тем, что убился с коня, а была жена ево, а в Васильево место был Дружка, Михайла Яковлевич Морозов.

Да в Свахах была Федорова жена Михайловича Нагова Авдотья; а кикю держала Федорова жена Ивановича Сукина; а за столом сидели Боярыни, Князь Васильева Львовича Нискова Княгиня Анна, да Петрова жена Яковлевича, да Васильева жена Яковлевича Анна»¹².

Новиков не случайно уделял внимание подробному описанию древних свадеб — ведь такие обряды сохранились в послепетровское время только среди небогатых дворян, купцов, крестьян. Новиков хотел сохранить для потомков описания ярких обычаев народного быта.

Публикация архивных источников, исторических документов имеет важнейшее значение для развития исторической науки. В них факты — драгоценные свидетельства прошлого, «мясо» истории. Новиков первым в России понял это. Получал материалы из Московского архива коллегии иностранных дел и Разрядного архива. Находил рукописные памятники в библиотеках Академии наук, Патриаршей, в Успенском соборе в Кремле и Киево-Печерской лавре. Через посредство Г. В. Козицкого Новиков воспользовался комнатной библиотекой Екатерины II в Зимнем дворце; поступали материалы из част-

ных библиотек — П. Н. Трубецкого, А. Д. Кантемира, П. С. Потемкина, обер-прокурора Сената Н. И. Неплюева и многих других. В разыскании и подборе документов Новикову оказывали помощь историки М. М. Щербатов и Г. Ф. Миллер, археограф Н. Н. Бантыш-Каменский, текстолог и библиограф Дамаскин (Д. Е. Семенов-Руднев). Новиков не жалел ни труда, ни средств, лишь бы содействовать процветанию наук, знаний. И всегда он думал о народе, о национальном духе и характере предков, стремился взять из прошлого все лучшее — для настоящего и будущего — «некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познать великость духа их, украшенного простотой»¹³.

«Древняя российская вивлиофика» составила 10 томов. Успех ее у читателей был невиданный. Пришлось переиздать уже в 20 томах. А позднее Академия наук выпускала даже «Продолжение Древней российской вивлиофики». Обращались к ней не только ученые, но и обычные читатели. «Вивлиофику» можно было найти в библиотеке каждого образованного помещика. По вечерам в глухой усадьбе собиралась за чаем вся семья, и кто-нибудь вслух читал новиковскую «вивлиофику». Так продолжалось еще и в первой половине XIX века¹⁴.

Новиков понимал, что большое дело требует усилий многих. Он постоянно искал единомышленников, помощников, людей опытных, знающих, полезных.

В 1773 г. Новиков организует в Петербурге свой первый издательский коллектив — «Общество, старающееся о напечатании книг». Установил связь с возникшим ранее в 1768 г. «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг

на русский язык». Целью «Общества» было издание книг, «очищающих от заблуждений и предрассудков». Русский читатель отныне мог читать на своем родном языке Гомера, Юлия Цезаря, «Путешествия Гулливера» Свифта, Фильдинга, Гольдони... Когда возникло «Собрание, старающееся о переводе...», Екатерина II мыслила, что это поможет отбирать для перевода только «благопристойные» сочинения. Получилось не совсем так. Среди переводчиков оказались и «вольнодумцы» — Яков Козельский, Александр Радищев. Радищев перевел, а Новиков издал — «Размышление о греческой истории» французского мыслителя-утописта Г. Б. Мабли. В примечаниях к тексту Радищев осмелился утверждать, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Так в российской печати еще никто не осмеливался высказываться.

На изданиях «Общества» — девиз: «Согласием и трудами». Это было содружество людей, объединенных единством помыслов и целей.

В апреле 1772 г. Новиков приступил к изданию нового сатирического журнала — «Живописец». Успех его у читателей был велик. Новиков в «Живописце» касался разных вопросов, сатира его была многолика — писал о литературе, о нравах дворянских недорослей, о щеголях и щеголихах. Но центральное место в журнале занимал крестьянский вопрос. Ему были посвящены острообличительные сочинения: «Отрывок путешествия в***» и «Письмо к Фалалею». И своим названием, и содержанием «Отрывок путешествия» был схож с книгой Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Автор «Отрывка» скрылся за криптонимом И***

Т***. Еще в XIX в. Л. Н. Майков, а в наше время известный ленинградский литературовед Г. П. Макогоненко расшифровали криптоним, как «Издатель „Трутня“». Согласился с этим и авторитетный специалист по литературе XVIII в. А. В. Западов. Но сын Радищева утверждал, что отрывок из «Путешествия» был опубликован в «Живописце». На его свидетельство ссылался русский историк и библиограф В. П. Семенников. Об этом же писали известные советские литературоведы Г. А. Гуковский и П. Н. Берков. В изданиях сочинений Радищева и Новикова «Отрывок» включается в раздел «Dubia» (сомнительное). В примечаниях к первому отрывку («Лист» 5) издатель «Живописца» писал, что это «блюдо... приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато». В «Отрывке» была нарисована поистине страшная картина русской деревни Разоренной, «обиталища плача». Здесь царил произвол помещиков, с людьми обращались как со скотом: «Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба, возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение»¹⁵.

О грубых, невежественных и алчных помещиках рассказывается и в письмах к Фалалее — сыну уездного дворянина Трифона Панкратьевича. Это были прообразы Скотининых и Простаковых — пресловутых героев комедии Фонвизина. Остроумно высмеивал Новиков в «Живописце» праздное дворянство, молодых щеголей и щеголих. У этих на уме одно: «Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы по моде... воздыхать кста-

те, хохотать громко, сидеть разбросану, иметь приятный вид, пленящую походку, быть совсем развязану. Вот моя наука! Она без сомнения важнее всех наук, и я знаю ее в совершенстве!» А вот язык, каким объясняются эти щеголи и щеголихи: «Мущина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть! Я от тебя падаю! Ах!.. ха, ха, ха»¹⁶.

Новиков понимал, что антикрепостнический дух журнала может вызвать гнев Екатерины II. Это побудило его прибегнуть к новой тактике. Он посвятил свой журнал «Неизвестному г. сочинителю комедии „О время“». Все знали, что автор комедии — сама Екатерина. Для смягчения Новиков помещал в «Живописце» комплиментарные в адрес императрицы стихи и оды. Но и это не помогло...

В начале июля 1773 г. «Живописец» — этот лучший журнал Новикова — прекратил свое существование. Прекратился журнал, но не его читательская судьба. Огромный успех побудил предпринять его переиздание — и на протяжении XVIII в. он был переиздан четыре раза.

Н. А. Добролюбов писал: «Новиков... был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру, смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий... Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца»¹⁷.

...Время было беспокойное. В 1773 г. в оренбургских степях поднял восстание крестьянский

«царь» — Емельян Пугачев. Войска его осаждали города и крепости. Екатерина была напугана, бросила на усмирение повстанцев крупные военные силы.

Новиков не мог в этих условиях гласно выступать против крепостничества в защиту обездоленных крестьян... С 8 июля по 2 сентября 1774 г. выходит последний журнал Новикова — «Кошелек». Первый «Лист» он поднес Екатерине. Журнал прославлял «древние российские добродетели», воевал против «французомании», «несмысленного обезьянства» дворянства. Название журнала имело двоякий смысл: кроме обычного значения слова «кошелек», второй, шедший от «французской моды», — так в то время назывался кожаный или тафтяной мешочек, который натягивался на парик и прикрывал косу. Это следовало понимать так — променяли, дескать, дворяне свой русский национальный кошелек — на французский, эфемерный.

В предисловии к журналу Новиков писал: «должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавия сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из превращения русского кошелька во французский...»¹⁸.

В то же время в журнале не было и намека на «квасной» патриотизм и воздавалось должное подлинным заслугам Франции и ее народа. В пятом «Листе» «Кошелька» Новиков с горькой иронией писал: «Россия только тогда может называться просвещенной, когда Петербург делается Парижем, когда русский язык будет во всех иностранных державах в таком же употреблении, как французский; или когда все наши крестьяне будут разуместь по французски...»¹⁹.

На девятом «Листе» издание «Кошелька» прекратилось.

Время шло. Вот уже был схвачен, допрошен и казнен Пугачев. Подверглись мучительным пыткам и были казнены его сподвижники, повстанцы.

Тяжело было у Новикова на сердце... Что делать, как поступать? Открытая борьба была невозможна, безнадежна. Но был и другой путь — путь личного самосовершенствования. Именно это предлагали масоны — «вольные каменщики», которых Новиков знал и в верность и честность которых он верил.

Масонство зародилось в начале XVIII в. в Англии и оттуда проникло вскоре во Францию и Германию. Масоны мечтали об общечеловеческом братстве. Большое значение они придавали обрядам, создавали свои «ордена», «ложи». Среди масонов было немало выдающихся людей: Гете, Песталоцци, Мирабо, Гердер, но были и авантюристы, вроде Калиостро, графа «Сен-Жермена», дурачившие европейских монархов, вызывавшие якобы «духов» и превращавшие неблагородные металлы в золото.

Тайные ложи масонов стали возникать в России с 30-х годов XVIII в. Одни шли в них потому что привлекала таинственность обрядов, мистическое начало. Другие примыкали к масонам потому, что были недовольны порядками, царившими в стране, нравами двора, Екатериной. Фрондировали. Помышляли не о революции — о дворцовых переменах. Среди русских масонов были поэт М. М. Херасков, князья Трубецкие, поэт В. А. Майков и комедиограф В. И. Лукин, граф И. П. Елагин. Люди просвещенные, покровители искусств и наук.

В 1775 г. Новиков вступил в масонскую ложу. Верил — так будет легче развивать просветительскую деятельность, издавать и распространять полезные книги.

В 1775 г. выходит третье издание «Живописца». Сюда вошло все лучшее из журнала и кое-что из «Трутня». Книга была освобождена от случайных материалов, малозначительных замечаний. В ней Новиков был представлен разносторонне — как писатель — мастер социального портрета, как самобытный мыслитель, ревностный сторонник всего прогрессивного.

Несколько книг вышло в 1776 г. В их числе: «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», «Скифская история» Андрея Лызлова, «Повествователь древностей российских, или Собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии российской». Последняя книга была адресована тем людям, которые не были заражены «французскими натуральной системы книгами, пудрою, помадою, картами, праздностию и всякими наружными украшениями и бесполезными увеселениями»²⁰.

Продолжал Новиков заниматься и журнальной деятельностью. В 1777 г. он предпринял издание первого в России библиографического журнала «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Вышло 22 номера. В предисловии к журналу Новиков писал: «Не желание охсуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная...»²¹. Журнал носил информационный характер. Позиция издателя сказывалась в отборе книг. Новиков осмелился дать описание Наказа, вышедшего из печати в 1770 г. Того самого Наказа, составленного для Уложенной

комиссии, о котором Екатерина предпочитала не вспоминать.

В Петербурге начало выходить и первое по духу масонское издание Новикова — журнал «Утренний свет» (1777—1780). Все материалы журнала были пронизаны нравственно-философскими идеями. «Познай самого себя» — этот масонский тезис стал ведущим для нового журнала. Человек и его самосовершенствование — такова была цель издания.

Вокруг журнала «Утренний свет» сплотились единомышленники Новикова; стали поступать пожертвования в пользу бедных. На эти средства содержались два училища — Екатерининское и Александровское.

Завершилось издание «Утреннего света» уже в Москве, куда Новиков переехал в 1779 г. По предложению куратора Московского университета и масона М. М. Хераскова он заключил контракт на аренду университетской типографии сроком на 10 лет. Переехал в Москву, потому что надеялся развернуть издательскую и просветительскую деятельность — там друзья, менее зависимые от царского двора, от мнения Екатерины II. «Близ царя — близ смерти» — говорила пословица.

Новиков уезжал в Москву, полный сил, замыслов, надежд.

Московский период — блистательнейший в жизни и деятельности Н. И. Новикова. В Москве выдающийся русский просветитель продолжает дело, начатое в Петербурге, развивает и расширяет его, поднимает русское книгопечатание в целом на новую высоту.

В истории русской культуры и просвещения «новиковское десятилетие» составляет особый

этап. Без него нельзя понять и оценить всю судьбу этого замечательного русского издателя.

В Москве Новиков деятельно взялся за дело. Начал с университетской типографии, которая из-за плохого состояния и светшальности оборудования терпела одни лишь убытки. Особое внимание Новиков обратил на шрифты, обновил их, приобрел новые, заменил оборудование. Вскоре типография Московского университета стала лучшей в России.

Уже в Петербурге Новиков стремился действовать «артельно». В Москве это проявилось особенно ярко. Новиков привлекает к издательскому делу своих петербургских и московских знакомых по масонской ложе, обращается за содействием и в провинцию. С ним сотрудничают профессора Московского университета С. Е. Десницкий, С. Г. Зыбелин, Д. С. Аничков, П. И. Страхов, А. А. Барсов и др. Новиков сблизился также с университетской молодежью. По его заказу они занимались переводами, вели корректуру статей и книг.

В 1782 г. при Московском университете появляется новый издательно-просветительский коллектив, созданный трудами Новикова и его друзей — «Дружеское ученое общество». Рядом с Новиковым работают видные писатели и ученые, масоны — М. М. Херасков, И. В. Лопухин, П. А. Татищев, И. П. Тургенев, профессор И. Г. Шварц, А. М. Кутузов и др. Сформулирована цель общества — «печатание учебных книг и забота о распространении познаний латинского и греческого языка... древностей, химии и исследования свойств вещей в природе». Общество преследовало и филантропические цели. На его средства были открыты несколько семи-

нарий — педагогическая, филологическая и переводческая. Учились в них одаренные дети, независимо от происхождения.

В 1781 г. Новиков (к тому времени женатый) приобрел дом близ Никольских ворот, на Лубянской площади, переехал туда с семьей, сюда же доставил типографию и открыл при ней книжную лавку.

В самом начале 1783 г. произошло важное событие. Был объявлен указ о вольных типографиях. В нем говорилось: «Всемиловитейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих столицах наших, так и во всех городах империи нашей, каждому по своей собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давать знать о заведении таковом Управе благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет»²².

Указ поощрял частную инициативу в книгоиздательском деле. И до этого указа в России были частные типографии, но их было мало, принадлежали они иностранцам, получившим от правительства особую лицензию на право их содержания. Отныне возможности отечественных издателей расширились. Каждый, кто имел средства и хотел открыть издательское дело, мог заводить печатный стан и печатать книги с разрешения Управы благочиния. Указ носил недвусмысленно выраженный охранительный характер. В издаваемых книгах не должно быть ничего «противного законам божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося». Цензура возлагалась на те же Управы благочиния, и строжайше предписывалось — «в случае само-

вольного напечатывания... соблазнительных книг не только книги конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были»²³. Яснее не скажешь.

Все же Указ 1783 г. открывал простор для книгоиздательской деятельности. Открывались новые типографии в Петербурге и Москве, в губернских провинциальных центрах, даже в помещичьих усадьбах. Не преминул воспользоваться этим правом и Новиков. Прощение подал он и его друг Иван Лопухин. Разрешение было получено, и Новиков основал две новые типографии.

Вскоре, в 1784 г. «Дружеское ученое общество» было преобразовано в паевое товарищество «Типографическая кампания». Капитал общества составлялся из взносов пайщиков. Было собрано около 100 тысяч рублей. Доходы общества достигали 40 000, а порой и 80 000 в год²⁴. Ничего равного этому предприятию не было до сих пор в России. Да и в Западной Европе издательских кампаний, столь значительных по масштабу деятельности, по финансовым возможностям, по числу выпущенных изданий и по влиянию на общество, не было. Даже «Типографическое общество», открытое во Франции в 1769 г. и в течение 25 лет печатавшее сочинения французских просветителей — Вольтера, Дидро, Гельвеция, Руссо, Мирабо и др. — не может сравниться с тем великим значением, какое имела «Типографическая кампания» Новикова для русской культуры и просвещения.

В распоряжении «Типографической кампании» были три типографии в Москве, несколько

книжных лавок, словолитня. Члены «Типографической кампании» не были только пайщиками. Они работали как переводчики, редакторы, книгопродавцы. Во многих случаях они же были авторами книг, вышедших под маркой «Типографической кампании». О масштабах деятельности паевого товарищества можно судить уже по тому, что оно давало в 80-х годах до 40% всей книжной продукции страны. Почти каждая вторая книга, вышедшая в это время в России, была издана Новиковым и К^о. На всех изданиях, выпущенных паевым обществом значилось — «Изданием Типографической кампании». Стремясь сделать книги как можно более доступными, Новиков обратил впервые внимание на однотипность изданий. Книги «Типографической кампании» отличаются небольшим форматом, компактны, для своего времени недороги, так, что их мог покупать разночинный читатель.

Внешнее убранство изданий «Типографической кампании» скромное и вместе с тем изящное. Они иллюстрировались аллегорическими виньетками на титульных листах, выполненными талантливыми художниками. Шрифты ясные, удобочитаемые.

Но основное, конечно, содержание изданий. В этом отношении Новиков стремился к универсальности, публикуя книги самой разнообразной тематики и типов. Объединяла же их всех общность идейной установки и целей — распространение просвещения в русском обществе, пропаганда передового мировоззрения, борьба с самодержавным деспотизмом и крепостничеством.

Осуществлению этих целей способствовал прежде всего перевод сочинений европейских писателей — философов, мыслителей, историков,

публицистов, романистов. Охотно издает Новиков произведения наиболее радикально настроенных представителей французской просветительной философии — Руссо, Вольтера, Мабли, Дидро. Выпускает переводные политические сочинения — о национально-освободительной войне в Северной Америке, о пребывании российского флота в Средиземном море. Многословные — в духе времени — заглавия книг, их беспристрастный характер помогли пройти цензуру. Действительно, трудно было усмотреть что-либо злонамеренное, опасное для самодержавия в книге под таким, например, названием: «История о аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныя в древние, средние и новейшие времена, до 1776 года; с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке...» Но читатель добирался до сути, и книга выполняла свою политико-просветительную роль. Цели просвещения преследовали и переводы исторических сочинений — «История от начала мира до древних времен», «Достопамятности французских и испанских королей», «Дух Генриха IV».

Разнообразный, яркий, красочный мир художественных образов, сюжетов, мыслей и идей находило русское читающее общество в романах, повестях, рассказах и пьесах Расина, Мольера, Бомарше, Лесажа, Свифта, Филдинга, Мильтона, Стерна, Смоллета, Лессинга, Гольдони и других европейских писателей, которых щедро издавала «Типографическая кампания». Все лучшее, что было в мировой литературе, стремился донести Новиков до русских читателей, пополняя их домашние библиотеки, прививая хороший вкус, любовь к чтению.

Уделяя большое внимание изданию переводной литературы, Новиков всячески содействовал развитию русской, отечественной литературы и науки. Также как и ранее, в Петербурге, Новиков и в Москве поощряет издание сочинений русских авторов, книг, пронизанных чувством истинного патриотизма, подлинного национального достоинства, любви к Отечеству, к его истории. В 80-х годах Новиков выпускает второе издание «Древней российской Вивлиофики», внося в нее новые документы, исправления и приводя весь материал в хронологический порядок. Выходят 12-томные «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова, исторические труды М. М. Щербатова, В. Н. Татищева, Ф. Прокоповича. Перездает Новиков и ряд летописных материалов, древних русских исторических повествований.

Выходят в Москве и географические труды, изданные Новиковым, например, «Топографическое описание города Казани», сочинения о российской торговле М. Д. Чулкова («Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах»).

Велики заслуги Новикова в ознакомлении русского общества с творчеством русских писателей, в издании произведений современных ему авторов М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова, А. О. Аблесимова, Н. П. Николева, В. И. Майкова, Ф. А. Эмина, А. А. Волкова.

Среди русских писателей второй половины XVIII в. одним из наиболее значительных был, несомненно, А. П. Сумароков. Новиков охотно издавал его сочинения, как отдельными изданиями, так и в виде собрания сочинений. Последнее дважды издавалось в 1781—1782 гг. и в 1787 г. и составило 10 книг. Более трети опубликован-

ных в нем произведений Сумарокова были дотоле неизвестны читателям. Издание было тщательно с любовью отредактировано, став на долгие годы образцом выпуска собраний сочинений русских авторов.

В 1787 г. Новиков предпринял вторым изданием «Собрание разных сочинений в стихах и прозе» М. В. Ломоносова. Вышел однако только первый том, в который вошли стихотворные произведения Ломоносова с подзаголовком: «В пользу и употребление российского юношества, обучающегося стихотворству». Издание чрезвычайно редкое. Единственный экземпляр этого тома хранится в Московском государственном университете.

Необходимо отметить еще одно направление издательской деятельности Новикова и «Типографической кампании» — выпуск сборников, посвященных русскому народному творчеству. Крупнейшим знатоком и собирателем отечественного фольклора был в XVIII в. М. Д. Чулков. Новиков помог издать составленный им сборник «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовныя, пастушеския, шутивыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий» в 6 частях. В 10 частях вышли «Русские сказки, содержащая Повествования о славных богатырях, сказки народные, и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения». Отметим также книгу В. А. Левшина «Вечерние часы, или Древния сказки славян древлянских».

Издания «Типографической кампании» были представлены многообразными типами. Здесь и научная литература, научно-популярные и спра-

Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений
 в стихах и прозе.
 Фронтиспис, титульный лист (справа).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ВСѢХЪ
СОЧИНЕНІЙ,
вЪ

СТИХАХЪ и Прозѣ,
покойнаго

*Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Ордена
Св. Анны Кавалера и Лейпцигскаго
Ученаго Собранія Члена,*

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА
СУМАРОКОВА.

Собранны и изданы
ВЪ удовольствіе Любителей Россійской Учености
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ

*Вольнаго Россійскаго Собранія при Император-
скомъ Московскомъ Университетѣ.*

Изданіе Второе.

Часть I.

ВЪ МОСКВѢ.

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова,
1787 года.

вочные книги, многочисленные буквари и азбуки, грамматики, иноязычные словари — таков, например, «Лексикон на французском, итальянском, немецком, латинском и российском языках».

Среди изданий «Типографической кампании» встречается и масонская литература: «Хризомандер, аллегорическая и сатирическая повесть важного содержания», «Познание самого себя» Иоанна Масона, «Карманная книжка для вольных каменщиков». Их все же было немного. Печатались книги и религиозно-нравственного характера. Потребность в них была еще велика, и не считаться с этим издателям было нельзя. К тому же это была немаловажная статья дохода издательской кампании.

Особую группу изданий московского периода составляют продолжающиеся и периодические издания — газеты и журналы. Это прежде всего, газета «Московские ведомости», которая в руках Новикова превратилась в популярный орган с хорошо поставленной внутренней информацией и зарубежными сообщениями. Тираж газеты достиг значительной для своего времени цифры — 4 тысячи экземпляров. В газете, ранее состоявшей из одних заметок, переведенных из иностранной прессы, стали печататься статьи, стихотворения, появился отдел библиографии. Направление «Московских ведомостей» отвечало антикрепостническим, просветительским убеждениям Новикова. Об этом говорили сообщения о борьбе американского народа за свою независимость, исполненные сочувствия и понимания. Публиковались также статьи, в которых доказывалось преимущество свободного труда перед рабским, подневольным.

К «Московским ведомостям» Новиков давал приложения — журналы: «Экономический магазин», «Магазин натуральной истории, физики и химии», «Детское чтение для сердца и разума». Выходил также журнал под названием «Прибавление к Московским ведомостям». Вместе с этими журналами-«спутниками» «Московские ведомости» превратились в подлинный университет знаний, просветительское значение которого было огромно.

С 1782 г. Новиков приступает к изданию журнала «Городская и деревенская библиотека». В нем издатель «Трутня» и «Живописца» вновь возвращается к сатирическому обличительному жанру. В журнале печатались также новинки европейской литературы. Правда, стремясь приохотить к чтению провинциальных помещиков и грамотеев, Новиков иногда печатал повести сомнительного художественного достоинства, вроде: «Любовь увенчанная, или приключения кавалера д'Аблинкура и девицы де Сен-Симон», «Девушка каких мало находится» и т. п. Но наряду с этим появлялись и серьезные произведения: например, «Два друга» и «Разговор отца с детьми о том, сколь опасно поставлять свой рассудок выше закона» Д. Дидро.

Украшением журнала стали «Пословицы российских» — короткие нравоучительные рассказы, напечатанные анонимно. Биограф Новикова — Г. П. Макогоненко считает их автором самого Новикова²⁵. Написанные с блеском, остроумно, «пословицы» затрагивали злободневные политические темы — взаимоотношение власти и народа, отношение самодержавия к просвещению.

Уже первые два рассказа — «Близ царя, близ смерти» и «Седина в бороду, а бес в ребро» —

воспринимаются как дерзкое обличение екатерининского фаворитизма. Содержание первого рассказа таково: молодой самаркандец отправляется искать счастья ко двору. Приглянувшись царице, он делает карьеру, а кончает на эшафоте. Перед казнью недавний царский фаворит возглашает, обращаясь к народу: «Теперь узнаю, но поздно, что близ царя, близ смерти». И автор заключает: «Слова сии столь твердо вкоренились в слышателях зревших, что вошли с тех пор в пословицы, и ежели хотят ныне изобразить опасность придворной жизни, то говорят: близ царя, близ смерти»²⁶.

Бесстыдное поведение русской императрицы отмечает пословица «Седина в бороду, а бес в ребро», раскрывающаяся в серии коротких рассказов о старой женщине, которая пленяется молодыми мужчинами. Один из них начинается так: «Имея седину в голове, женщина, я чаю, искушением беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марают любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит...»²⁷. Угадать в этом образе Екатерину II было нетрудно.

В рассказе «Фортуна велика, да ума мала» невежественный бездельник Лавид становится главой государства. При нем «начались роскоши... учредилась смертная казнь от богачей, желающих еще приобрести имение разорением бедных, кои хотели просить за них и коим одно только было решение, что рубили им головы»²⁸. Новиков устами предсказателя, «пустынного жителя» внушает: «Впредь будьте осторожны в выборе людей, поставьте над собою правителем человека, а не скота. Он достойную получил

смерть за свою глупость, и ему следует еще надпись: фортуна велика, да ума мало»²⁹.

Многое было начато Новиковым впервые: первый детский журнал «Детское чтение для сердца и разума», в котором начинал как детский писатель Н. М. Карамзин; первый в России журнал для женщин «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». Журнал был литературный, в нем печатались известные писатели: А. П. Сумароков, Я. Б. Княжнин, В. И. Майков. Издатель журнала стремился «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение». К каждому номеру прилагались и картинки «новых парижских» мод. Нередко это были карикатурные зарисовки тогдашних модников и модниц: «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Раскрытые прелести», «Убор а-ля белль пуль» и даже «Чепец побед»!

Продолжал издавать Новиков в Москве масонские журналы — «Московское ежемесячное издание» (продолжение «Утреннего света»), «Вечерняя заря», «Покоющийся трудолюбец».

Дела «Типографической кампании» шли успешно. В Москве и Петербурге книги продавались в собственных книжных лавках, в них работали приказчиками будущие известные русские книготорговцы — Н. Н. Кольчугин, М. П. Глазунов, И. П. Переплетчиков. Новиков охотно предоставлял им кредит, помогал открывать собственные заведения. Содействовал Новиков и развитию книжной торговли в провинции. В изданиях Новикова появлялись часто объявления такого рода: «Если кому угодно будет продажу сих книг учредить и в других городах Российской империи, таковые могут адресовать-

ся письменно или самолично в книжную лавку, где всевозможное к тому вспомоществование оказано будет, ибо в оной принято намерение доставить почтенным любителям российской литературы всевозможную способность в сообщении и всевозможные выгоды в ценах книг». В Архангельске и Вологде, Смоленске и Туле, Казани и Тамбове, а всего — в 17 губернских городах России с помощью Новикова были открыты книжные лавки. Прав был Карамзин, который говорил, что Новиков «всячески старался приохотить публику ко чтению, угадывал общий вкус и не забывал частного. Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, с догадкою, с дальновидным соображением»³⁰.

Казалось, ничто не могло помешать Новикову в его благородной просветительской, книгоиздательской и книготорговой деятельности. Но тучи надвигались. Екатерина считала Новикова «умным и опасным человеком». Она и в Петербурге относилась к деятельности Новикова с подозрением, чинила ему всяческие препятствия. Когда же в руки Новикова перешла типография Московского университета и возникла «Типографическая кампания», подозрительность ее возросла. На Новикова поступали доносы: то, дескать, он нарушает право издания, печатает без разрешения учебные книги, то его обвиняют в том, что он печатает тайно «развратные книги» в доме на Чистых прудах. Архиепископ Платон беседовал с Новиковым по настоянию Екатерины II, которая требовала испытать московского издателя в законах православной веры и выяснить — нет ли в его книгах «всяких нелепых тол-

кований о коих нет сомнения, что они не новые, но старые от праздности и невежества возобновленные»³¹. В типографии Новикова устраивались обыски. Московский архиепископ Платон в донесении о ревизии книг в типографии и книжной лавке Новикова, в целом мягком, призывал к уничтожению обнаруженных сочинений французских просветителей.

В 1787 г. Екатерина II подписала указ «О запрещении в продаже всех книг, до свято-сти касающихся, кои не в синодальной типографии печатаются». Этот указ был направлен, прежде всего, против Новикова и «Типографической кампании». Большая часть книг, изъятых на основании этого указа, принадлежала «Типографической кампании».

В 1789 г., еще до истечения срока аренды, Новикова лишили права арендовать типографию Московского университета на новый срок. А в 1791 г. «Типографическая кампания» была ликвидирована. Преследования, придирки, ограничения сделали свое дело. Вскоре последовал новый, еще более страшный удар. Новикова арестовали. Это случилось в апреле 1792 г. За два года до этого такой же участи подвергся другой замечательный русский деятель, писатель-революционер А. Н. Радищев за издание собственной книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Уже тогда Новикова собирались привлечь к дознанию, но на время отказались. Теперь настал и его черед. Екатерина твердо решила покончить с «вольномыслием» в России.

По приказу Екатерины II московский генерал-губернатор князь А. А. Прозоровский учинил в типографии и книжной лавке Новикова обыск — искал напечатанные якобы Новиковым

раскольнические сочинения. Екатерина писала Прозоровскому: «Вам известно, что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству. Но слух давно носится, что сей Новиков и его товарищи делали это отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностью слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может».

Новикова из Москвы доставили под стражей в Петербург, заточили в Шлиссельбургскую крепость. Императрица собственноручно составила перечень вопросов, которые начальник тайной экспедиции, известный «кнутабоец» С. И. Шешковский должен был «выяснить» у Новикова. И «выяснял». Добивались признания, что Новиков вкупе с московскими масонами готовил государственный переворот с целью водрузить на трон цесаревича Павла, вел по этому поводу переговоры с немецкими государями — якобы масонами. Приговор Екатерины гласил: «Рассматривая произведенные отставному поручику Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же, крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей... И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но в следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступ-

никами»³². Издателя «развращенных книг» объявили государственным преступником и приговорили к смертной казни. Екатерина по «человеколюбию» своему заменила казнь тюремным заключением на 15 лет.

Замечательного издателя-просветителя заточили в крепость. Книги, изданные им, сжигались. Имущество «Типографической кампании» шло с аукциона. Кто знает, какова была бы дальнейшая судьба Новикова, если бы не смерть Екатерины? Новый император Павел объявил амнистию. Был освобожден Радищев, вышел из крепости и Новиков. Жизнь продолжалась, но не было ни прежних сил, ни энергии, ни возможности начать все сызнова...

Оставалось одно — удалиться в родное имение, что он и сделал.

...Перо скрипело. В окно пробился первый луч солнца. Перед писавшим лежала раскрытая на титульном листе книга — ее украшали две переплетенные в виде монограммы буквы.

Издатель этих книг — выдающийся русский просветитель Николай Иванович Новиков доживал свои дни в фамильном имении Авдотьино, под Москвой. Здесь он занимался сельским хозяйством, устроил школу для крестьянских детей, библиотеку. Временами к нему приезжали старые друзья, вспоминали прошлое. В 1805 г. Новиков надумал было вновь взять в аренду типографию Московского университета, обратился к начальству, но никакого ответа на свою просьбу не получил.

В 1818 г. Новикова не стало.

Этот замечательный человек «подвинул на полвека образованность нашего народа... Память об нем почти исчезла; участники его трудов

разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства». Слова эти принадлежат Пушкину.

*«Большой вольтерьянец»
и «Крылов с товарищи»*

Среди иностранных писателей не было в России XVIII века более популярного имени, чем Вольтер. Знаменитый «фернейский отшельник» стал писателем почти русским. Произведения его неоднократно переводили, издавали, переписывали от руки.

Вольтера жаловала до поры до времени и сама Екатерина. Переписывалась с ним. Внушала ему мысль о том, что в ее царствование в России утвердился просвещенный абсолютизм. Дескать, сбылись мечты французских просветителей... Вольтер делал вид, что верит этому.

Вольтера издавали в это время многие. В 1785 г. в Петербурге вышло первое собрание сочинений Вольтера.

Но издатель скрылся за инициалами И. Р. Кто этот анонимный издатель? Почему он предпочел не указывать фамилии, а ограничился инициалами? Случайно ли?

...В апреле 1797 г. в селе Казинка Тамбовской губернии вспыхнул пожар. Горела усадьба помещика Рахманинова. Тогда же сгорели и устроенные здесь типография и книжный склад. Поползли слухи, что все это было неспроста, что поджог учинил сам хозяин усадьбы.

Иван Герасимович Рахманинов с детства пристрастился к чтению, литературе, изучал языки,

пробовал свои силы в переводах с французского языка. А затем — поездка в Западную Европу, знакомство с сочинениями энциклопедистов.

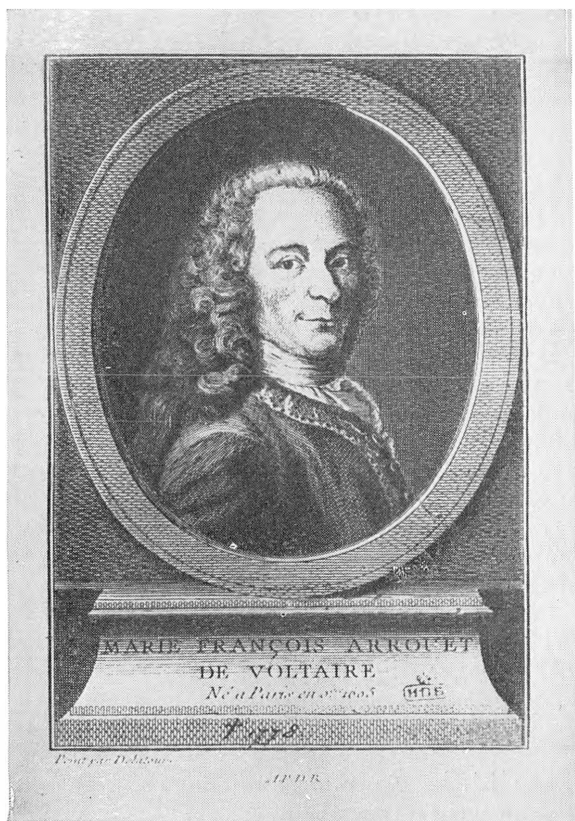
Много мыслей и вопросов возникало в голове молодого человека. Возмущал царивший в России крепостнический гнет, невежество, религиозный фанатизм.

По возвращении из заграничной поездки Рахманинов предается литературной деятельности, переводит французских авторов, печатается в журналах Новикова. Имя его становится известным в литературных и читательских кругах.

В 1778 г. Рахманинов поступает на действительную военную службу. Дослуживается до офицерского чина. Но влечет не это, иные честолюбивые планы зреют в голове. Он твердо решает «остающееся от должностей наших время с пользою употреблять и соразмерно силам своим служить обществу». Как? — «Моему отечеству трудами моими, по возможности, доставлять полезные книги»³³.

Рахманинов заводит нужные знакомства, связи. Прежде всего, конечно, с Новиковым, который учредил при Московском университете «Типографическую кампанию» и каждый год издает десятки полезных книг. Близок он и к «Обществу друзей словесных наук», организованном М. И. Антоновским. Знакомится здесь с Радищевым — членом общества³⁴.

Знавший хорошо Рахманинова, И. А. Крылов пишет, что был он «угрюм, упрям и настойчив в своих мнениях». Несмотря на угрюмость — его любили, ценили³⁵. Крылов же утверждает: «Вольтер и современные ему философы были его божеством». «Большой вольтерьянец» — прозвал Рахманинова поэт Державин.

Собрание сочинений Вольтера (второе издание)
Фронтиспис

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

всѣхъ до нынѣ переведенныхъ на
Россійской языкъ, и въ печать
изданныхъ

СОЧИНЕНІЙ

Г. ВОЛТЕРА

Второе изданіе

Съ поправленіемъ противъ прежнихъ ,
и съ присовокупленіемъ жизни сего зна-
менитаго писателя, и многихъ вновь
переведенныхъ его сочиненій , кои
никогда еще изданы не были.

Ч А С Т Ъ І.

Собрано и издано И Р

Печатано съ Указнаго дозволенія

Въ городѣ Козловѣ

1791 года.

*Титульный лист
собрания сочинений Вольтера*

Вольтера издавали в России и до Рахманинова. Но именно он приучил читателей к вольтеровским сборникам. Он же первый издал собрание сочинений великого французского мыслителя.

В 1784 г. из типографии Ф. А. Галченкова в Петербурге выходит первый составленный Рахманиновым сборник «Аллегорические, философские и критические сочинения г. Вольтера». Сборник, явно антирелигиозный, составлен был из статей, бичующих церковь, суеверие, фанатизм. Сборник пришелся по вкусу читателям. По признанию самого Рахманинова, «благосклонное оных в свете принятие приохотило меня более тем заниматься»³⁶.

В 1785 г. Рахманинов выпускает в своем переводе несколько книг, связанных с именем Вольтера. Это — «Политическое завещание г. Вольтера», принадлежащее перу Ж. Г. Маршанда и «Известие о болезни, о исповеди и о смерти г. Вольтера» П. И. Селиса. В них излагалось содержание некоторых антирелигиозных сочинений Вольтера — «Послание к Урании», «Орлеанская дева» и др.

Но главная цель Рахманинова — издание собрания сочинений любимого автора. Первый том вышел в 1785 г., второй — в 1787 г., третий — в 1789 г. Первые две части печатались в типографии Е. К. Вильковского и Ф. А. Галченкова. Третья уже в собственной типографии Рахманинова. Задуманное им предприятие требовало средств, времени, было громоздким по сложности печатания. Со своей типографией все было проще. А указ 1783 г. позволял заводить частные, «вольные» типографии, как и все прочие мануфактуры.

В начале 1788 г. Рахманинов купил у типографа Матвея Овчинникова печатный станок и шрифт. Разместил их у себя на квартире, на территории Конногвардейского полка — в районе Смольного института. В ней и напечатали третью часть «Собрания сочинений г. Вольтера, служащее продолжением прежде изданного перевода» (имелся в виду сборник «Аллегорические, философские и критические сочинения г. Вольтера»).

Вот тогда-то и появилась на обороте титульного листа издательская марка Рахманинова — «И Р». Кстати, очень напоминающая известную марку Новикова.

И... Р... Иван Рахманинов — «большой вольтерьянец».

В первой части «Собрания сочинений...» Вольтера было помещено объявление: «Вторая часть оных сочинений уже печатается, прочие же части непрерывно одна за другой следовать будут». Получилось, однако, не совсем так, как хотелось издателю. Первые две части появились в продаже лишь в 1788 г., год спустя после опубликования второй части. Причины? «Утеснительные меры» со стороны цензуры. Исправления приходилось вносить в уже набранный текст.

В 3-х томах было опубликовано 41 произведение Вольтера.

Параллельно выходили и отдельные издания — «Микромегас», «Философические речи о человеке», «Россиянин в Париже».

В 1789 г. в переводе самого Рахманинова, напечатанный в принадлежащей ему типографии выходит сборник: «Сатирический дух г. Вольтера, или собрание некоторых любопытных сати-

рических его сочинений». Антицерковная сатира Вольтера возмутила ревнителей церкви.

Еще в 1786 г. была введена строжайшая духовная цензура. Московский архиепископ Платон, ревизовавший книги в типографии и лавке Новикова, доносил Екатерине: «в третьем разряде суть книги самые зловердныя, разврашающія добрыя нравы и ухищряющія подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии то гнусныя и юродивыя порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубныя плевелы, возрастающіе между добрыми семенами»³⁷. Среди прочих книг были указаны и сочинения Вольтера. Перестала «благоволить» «фернейскому отшельнику» и Екатерина. Пугачевскій «бунт», начало революции во Франціи, злыя «козни» Новикова и других любителей «вольного мудрствованія» отбили охоту к «просветительству». «Казанской помещицей» объявилась перед своим дворянством Екатерина II.

На произведенія Вольтера было наложено табу.

В 1790 г. разразилась новая гроза. Расправе подвергся А. Н. Радищев за напечатаніе книги «Путешествіе из Петербурга в Москву». В ходе следствія возникло подозренье о причастности к этому делу и Рахманинова. Нависла угроза высылки его из столицы.

Оставалось одно — перебраться вместе с типографіей в Старую Казинку, где находилось фамильное поместіе, и там продолжать дело.

В это время типографія Рахманинова размещалась в доме Бецкого на Луговой-Миллионной улице (ныне Степана Халтурина). В Казинку перевели не всю типографію, часть оставили в Петербурге. Имеются в литературе данныя, что

в организации Казинской типографии Рахманинову помог Новиков³⁸.

Вместе с Рахманиновым в Казинской типографии работали близкие ему люди — корректор Я. И. Благодарнов, прошедший выучку у Новикова, и смотритель типографии, однополчанин Рахманинова, вахмистр Крыженевский³⁹.

Вкратце о том, что было в Казинке. Здесь, в тамбовской глуши, надеялся Рахманинов выпустить новое «Полное собрание сочинений» Вольтера. Удалось из 20 задуманных томов издать три, четвертый был отпечатан, но света не увидел. Набор пятого тома прекратился в январе 1794 г. Ознакомившись с казинским изданием, Екатерина II, признала книги «вредными и развращением наполненными».

На титуле значилось «Собрано и издано И Р». Было приказано выяснить подробности об издателе, скрывшемся за этими буквами. Одновременно по приказу Екатерины из книжных магазинов изымались все издания «Полного собрания...» В типографии Рахманинова учинили обыск. Конфисковали 5205 экз. различных изданий. «Крамольные издания» были изъяты также в книжных лавках Тамбова. За владельцем типографии учредили полицейский надзор.

Вот тогда-то и вспыхнул пожар, о котором шла речь в начале нашего рассказа. В 1800 г. император Павел постановил по делу о типографии Рахманинова: «все книги без изъятия сжечь, а губернатору, выславшему их, благоволение объявить»⁴⁰.

Вскоре, в 1807 г. скончался и сам «большой вольтерянец».

Но не пропала петербургская часть типографии Рахманинова: она перешла в руки «Крыло-

ва с товарищи» — так называлось издательское предприятие, основанное молодым И. А. Крыловым в Петербурге совместно с литератором А. И. Клушиным, И. А. Дмитриевским и актером П. А. Плавильщиковым.

Крылова связывали с Рахманиновым дружба и общность интересов. В журнале «Утренние часы», который печатался в типографии Рахманинова, появилось несколько стихотворений Крылова, в том числе и первые его басни.

В начале 1789 г. «Московские ведомости» поместили извещение, что «в книжных лавках близ Кузнецкого моста у книгопродавца Зандмарка и на Покровке у книгопродавца Миллера принимается подписка на выходящее вновь с генваря месяца сего 1789 года ежемесячное издание под заглавием: „Почта духов...“»⁴¹. Издателем журнала был тогда еще мало кому известный литератор двадцатилетний Крылов.

Название перекликалось с журналом Ф. А. Эмина «Адская почта». По форме — это переписка арабского волшебника Маликульмулька с подземными, воздушными и водяными духами-гномами: Бореидом, Зором, Буристоном, Дальновидом, Световидом, Выспрепаром. В аллегорической и гротеско-сатирической манере перед читателем представляли картины и сцены русской жизни: невежественные дворяне, «поверженные в роскошь и негу», богачи, «жестокосердные вельможи», судьи Тихокрады, купцы Плуторезы, тупоголовый вояка — Рубакин, щеголи и щеголихи — Припрыжкин, Бесстыды, Неотказы, графини Ветраны — люди, живущие «бесполезной жизнью», которые «без всякого размышления предаются одним только чувственным удовольствиям», Те же трутни, которых

ранее описывал Новиков. Им противопоставляет издатель «Почты духов» добродетельных «мещан»: даровитых и деятельных интеллигентов-разночинцев и честных крепостных крестьян. «И самый низкий хлебопашец,— пишет силф Дальновид,— исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть названным честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья»⁴².

Этот яркий и смелый журнал печатался в типографии Рахманинова (на обороте титульного листа стояла рахманиновская издательская монограмма — И Р). Только Радищев позволял себе высказываться столь же решительно и резко. Не удивительно, что участь «Почты духов» была предрешена. Издание журнала прекратилось еще до конца подписного года.

Итак, после того, как Рахманинов укрылся от преследования в Казинке, в Петербурге, в том же доме на Миллионной, у Марсова поля открылась типография «Крылова с товарищи». Это, конечно, было не коммерческое предприятие, а своеобразная трудовая артель, идейно-дружеское объединение, в духе тех, что организовывал Новиков. В пункте втором договора под названием «Законы, на которых основано заведение типографии и книжной лавки» говорилось: «Два года в типографии членам не делать никакого раздела, а каждый должен стараться, по возможности, исполнять все то, что может относиться к должностям фактора, корректора и тому подобных, а все таковые труды разделить между собою, и если бы случилось кому что сделать и за другого, в том никакого расчета не делать, ибо сие общество основывается на законах истинного дружества»⁴³.

В типографии «Крылова с товарищи» печатались театральные афиши, либретто опер, драматические произведения — всего с 1792 по 1796 г. вышло около 20 книг. По книжной продукции типографии «Крылова с товарищи» можно судить о привязанности Крылова, Дмитревского, Плавильщикова к театру и драматургии. Они печатают тексты наиболее популярных опер, комедии, которые десятки лет не сходили с русской сцены. Так, например, «Дианино древо или торжествующая любовь» и «Редкая вещь» Л. де Понте шли на Петербургской сцене еще в пушкинские времена. Успехом у московского зрителя в начале XIX в. пользовались пьесы П. А. Плавильщикова «Бобыль» и «Мельник и сбитенщик — соперники». В типографии «Крылова с товарищи» была напечатана также мелодрама Ж.-Ж. Руссо «Пигмалион». Но главным делом Крылова и его друзей был журнал «Зритель». Он выходил в течение почти всего 1792 г. Крылову теперь приходилось осторожничать, чаще прибегать к околичностям, иносказаниям, аллегории. Но именно в «Зрителе» были помещены наиболее острые в публицистическом отношении сатиры Крылова — «Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пунша» и «восточная повесть» «Каиб» — язвительный памфлет на самодержавно-крепостнический строй. Герой повести царь Каиб, начитавшийся всяких идиллий и эклог, уверовал в золотой век, царящий в деревне. «Если бы я не был калифом, то хотел бы быть пастушком», — размышляет он. В поле Каиб встречает настоящего пастуха. Увы! Он голоден, а его пастушка с последней курицей уехала в город. «Кто охотник умирать с го-

лоду и мерзнуть от стужи, тот может лопнуть от зависти, глядя на нас» — говорит пастух Каибу. Читателю нетрудно было угадать в Каибе русских царей, а в пастухе и пастушке — крепостных крестьян. Недвусмысленны были и выведенные в «восточной повести» придворные вельможи: Дурсан, Ослагинд, Грабилей. Их в России было сколько угодно.

Не нравилась властям деятельность «Крылова с товарищи». В мае 1792 г. в типографии учинили обыск. Разыскивали сочинение Крылова «Мои горячки» и поэму Клушина «Горлицы». Полиция пронюхала, что в них высказаны неблагонамеренные мысли. Рукопись Крылова доставили императрице, а за ним самим и Клушиным установили полицейский надзор. Пришлось прекратить и издание «Зрителя». Правда, в 1793 г. друзья попытались продолжить журнальную деятельность, стали выпускать «Санкт-Петербургский Меркурий». Но сатиры в новом журнале почти не было. В нем печатались стихи Крылова, статьи о литературе, рецензии.

Пришлось перевести печатание журнала в типографию Академии наук. Так было безопаснее. В стихотворении «К счастью», помещенном в одном из последних номеров журнала, Крылов жаловался:

Как хочешь, будь ты так исправен,
Бесчисленны труды терпи,
Работай, день и ночь не спи,
Но если для тебя не нравен,
Останешься последним равен:
За правду знатню не любим,
За истину от всех гоним,
Умрешь и беден, и бесславен ⁴¹.

Стихи были горестные, обидные, злые...

Н. И. Новикова судили. А. Н. Радищева сослали в Сибирь.

Пострадали сочинения Я. Б. Княжнина — по приговору Сената была сожжена в Петербурге его трагедия «Вадим Новгородский», «яко наполненная дерзкими и зловредными против законной самодержавной власти выражениями...»

Рахманинов и в тамбовской глуши не смог избежать гонений.

Да, конец века не благоприятствовал «сынам свободы».

Покинул столицу и Иван Андреевич Крылов. Решил укрыться в провинции. Пусть забудут, перестанут о нём злословить. С публицистической сатирой было покончено навсегда. В забвенье и неизвестности зрел великий русский баснописец.

А какова была судьба типографии «Крылова с товарищи»? Об этом мы узнаем из книги Ленинградского книговеда С. М. Бабинцева — «И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности», специально изучавшего этот вопрос. Оказывается, она не прекратила своего существования в 1793 г., как это считалось ранее. Книги, изданные в 1795—1796 гг., с виньетками типографии, подтверждают этот вывод. В это время она перешла в руки В. А. Плавильщикова — брата актера — под названием «Типография губернского правления» (иногда — «Типография Плавильщикова»). В дальнейшем — до 1807 г. — она именовалась «Театральной типографией», а затем становится частной типографией В. А. Плавильщикова.

Источники свидетельствуют, что ее купил А. Ф. Смирдин. Именно у него был обнаружен

цитированный выше акт издательства «Крылова с товарищи», составленный в 1791 г. *

Судьба тесно связала воедино имена славных книжников Плавильщикова и Смирдина.

Но это уже XIX век.

* Уточненный перечень изданий типографии «Крылова с товарищи» и ее преемников содержится в приложении к статье И. М. Полонской «К биографии И. А. Крылова (библиографические и архивные разыскания)» (Тр./Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1958, т. 2, с. 91—95).

Глава III
**МЕЦЕНАТЫ
И КОММЕРСАНТЫ**

...До Петербурга Саша Смирдин добирался долго. Вдоль тракта и по обочине двигались пешие и конные отряды. Мелькали галуны, кивера, каски, штыки, конские хвосты. А рядом ехали на телегах, в роскошных экипажах, фаэтонах, шли пешим ходом такие же, как он, жители Москвы и близлежащих селений, уходившие от Бонапарта, искавшие спасения в столице.

Что-то его, Сашу Смирдина, ждет в Петербурге? Дома, в Москве все было так привычно, спокойно. Особенно приятно было вспоминать о книжной лавке. Каких только книг там не было! Толстые фолианты петровских времен, мудреные богослужебные книги в тяжелых кожаных переплетах с медными застежками, и такие занимательные — не оторвешься! — книжки с картинками про английского милорда Георга, про Гуака, о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче.

Хозяин книжной лавки, купец П. А. Ильин был строгий, но справедливый, редко шпынял, да и то за дело. Для острастки. Но и об этом сейчас вспоминать было приятно.

Петербург встретил каменными громадами домов, золотом шпилей и куполов, гранитными набережными и чугунными оградами.

Все было в диковинку.

Однако долго приглядываться не пришлось. Вскоре после приезда Саша Смирдин определился в книжную лавку Василия Алексеевича Плавильщикова. Помещалась она у Синего моста, вдали от центра.

Хозяин был ласковый, добрый и показался важным господином. Да и приходили к нему за книгами серьезные господа. Были чиновники, офицеры, даже известные писатели: Карамзин, Жуковский, Крылов.

Саша Смирдин присматривался, старался угодить. Особенно поражали литераторы. Ведь это они сами книги писали. И какие книги! Саше это казалось чудом. Сам он ведь гимназий не проходил. Завидовал и восхищался. Попросят доставить книги — летел со всех ног.

Кончилась война. Смирдин снова подался домой, в Москву.

Прослужив 4 года у московского книгопродавца Я. Ф. Ширяева, в 1817 г. Смирдин возвратился в Петербург к Плавильщикову. Честный, аккуратный, отлично знающий дело, Смирдин нравился Плавильщикову все больше и больше. Он решает его назначить главным приказчиком и своим управляющим.

В 1823 г. Плавильщиков тяжело заболел, дни его были сочтены.

Составил завещание. Все накопленное имущество — магазин, библиотека для чтения, книги — переходили в руки Александра Смирдина. Но на одном непременном условии: Смирдин должен был расплатиться со всеми долгами, которых на-

копилось, как утверждали, до 3 000 000 ассигнациями¹.

В 1824 г. Смирдин купил у А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», напечатанный князем П. А. Вяземским. Уплатил за него 3000 рублей. Романтическая поэма имела небывалый успех у читателя. «Литературные листки» писали: «„Бахчисарайский фонтан“, поэма А. С. Пушкина, привлекает в книжные лавки множество покупателей. Этот фонтан оживит басню о золотом дожде Юпитера, с тою только разницею, что вместо прекрасной Данаи русские книгопродавцы пользуются драгоценными камнями оного. Вероятно, вскоре не будет в продаже сего прелестного сочинения»². А. Ф. Смирдин стал думать о расширении дела.

Время было сложное. Еще не забылись события на Сенатской площади. Многих литераторов сослали в Сибирь. Цензоры ожесточились. В 1826 г. объявили новый устав в 230 параграфов! И в самом деле — «чугунный». Что ни параграф — «запрещаются», «не позволяется»: «Не позволяется пропускать к напечатанию места в сочинениях и переводах, имеющие двоякий смысл, ежели один из них противен цензурным правилам»; «Запрещается сочинителям и переводчикам в печатных произведениях их означать целые места точками или другими знаками, как бы нарочно для того поставляемыми, чтобы читатели угадывали сами содержание пропущенных повествований или выражений, противных нравственности, благопристойности или общественному порядку»; «Всякое сочинение или перевод, в котором, прямо или косвенно, порицается монархический образ правления, подвергается запрещению»; «Запрещаются к печатанию всякие

частных людей предположения о преобразовании каких-либо частей государственного управления, или изменении прав и преимуществ, высочайше дарованных разным состояниям и сословиям государственным, если предположения сии не одобрены еще правительством»; «Равным образом запрещаются всякие рассуждения, в которых говорится, без надлежащего уважения, о государях, правительствах и политических властях вообще, или в которых предлагаются неуместные советы и наставления какому бы то ни было правительству». «Запрещается», «запрещается»...³

Смирдин политикой не занимался. Любил книгу, литературу. Частенько повторял: дотоле не умру, пока всех русских писателей не издам. И этому посвятил всю свою жизнь.

В 1827 г. Смирдин купил у А. С. Пушкина право второго тиснения «Бахчисарайского фонтана», «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». Эта покупка обошлась ему в 10 000 рублей⁴. Напечатал поэмы в типографии департамента народного просвещения, в которой обычно печатались все пушкинские книги. И вновь второе издание «Бахчисарайского фонтана» было быстро раскуплено. Третье, изданное Смирдиным в 1830 г., также немедленно разошлось.

Как-то в магазин к Смирдину зашел Фаддей Булгарин. Похвастался, что написал «нравственно-сатирический роман».

Вскоре он принес толстую рукопись. Роман назывался «Иван Выжигин».

Небывалый по тем временам тираж — 4 тысячи экземпляров — разошелся в течение трех недель. Покупали все — и пожилые, и барышни из училищ. Разный народ. Как же: чуть ли не первый «русский» роман.

Слышны были разговоры:

— Молодец, Смирдин. Не все же Вальтера Скотта и Купера читать. А это как-никак свой, отечественный.

Автор Ивана Выжигина конечно же был одиозной фигурой в литературном мире — реакционер и осведомитель III отделения. Пушкин язвительно звал его Фаддеем Фигляриным. В журнале «Современник» он поместил пародийное объявление о якобы готовящемся к изданию романе «Настоящий Выжигин». В нем содержались весьма прозрачные намеки на двойное ренегатство Булгарина, перебежавшего к французам (*Ibi bene, ibi patria* — «Где хорошо, там и родина»): «Московский пожар. Выжигин грабит Москву», «Выжигин перебегает»; на его донос после событий 14 декабря на своего племянника («Бедный племянничек: Ай, да дядюшка!»), на доносы на писателей («Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквилы и доносы»).

Но широкий читатель всего этого не знал. «Нравственно-сатирический» роман Булгарина нравился, как нравились и другие русские романы. Роман Загоскина «Юрий Милославский», вышедший, как и роман Булгарина, в 1829 г., по свидетельству современников читали повсюду: «в гостиных и в мастерских, в кругах простолюдинов и при высочайшем дворе»⁵.

Не меньшим успехом пользовался у русских читателей роман Загоскина «Рославлев», который, несмотря на высокую цену (20 рублей), разошелся быстро.

Вот так: покупка за покупкой, книга за книгой, и дело Смирдина стало процветать. Тут бы развернуться во всю. Но разве здесь у Синего моста, в полуподвале, развернешься...

А что если? — Мысль была дерзкая, но рискнуть стоило. Смирдин присмотрел дом на Невском проспекте, напротив Казанского собора. Здесь всегдалюдно. Публика образованная, из «общества», денежная. В нижнем этаже разместились книжная торговля, в верхнем, над магазином была устроена библиотека для чтения.

Помещение магазина Смирдин оборудовал на европейский лад. Все сверкало — витрины, полки, прилавки. Приказчиком пригласил известного библиофила и библиомана Федора Фроловича Цветаева. О его памяти ходили легенды. Говорили, что он может безошибочно указывать нужные страницы в самых объемистых сочинениях и что он знал в тончайших подробностях историю чуть ли не каждой книги из библиотеки Смирдина, насчитывавшей тысячи томов.

Казалось бы, что случилось? Книготорговец переехал из одного магазина в другой. Так нет же! Чуть ли не вся столица ходила ходуном...

Смирдин был доволен. Решил отметить новоселье званым обедом. Расходы не пугали — лишь бы гости пожаловали! И пожаловали. Иван Андреевич Крылов — баснописец русский, Василий Жуковский, Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — Н. В. Гоголь, пришел быстрый, смуглолицый Пушкин...

Радовался Смирдин. Стол ломился от закусок, вин. Потчевал сам хозяин Смирдин и его приказчики. Сцена эта запечатлена на знаменитой гравюре С. Ф. Галактионова, выполненной по рисунку А. П. Брюллова.

Н. И. Греч так описывал это торжество в письме, опубликованном в «Северной пчеле»: «...страстные уверения, усердные обещания, не-

винные остроты искрились, как шампанское в бокалах. В начале обеда появляется почтенный ветеран петербургской поэзии, граф Дмитрий Иванович Хвостов, и вручает хозяину стихи, сочиненные им на случай. Они прочитаны были дважды во всеуслышание всея и покрыты громкими рукоплесканиями»⁶.

В своем стихотворном тосте гр. Д. И. Хвостов говорил:

Угодник русских муз, свой празднуй юбилей.
Гостям шампанское для новоселья лей;
Ты нам Державина, Карамзина из гроба
К бессмертью жизни вновь, усердствуя, возвал
Для лавра нового, восторга и похвал,
Они отечество достойно славят оба:
Но ты к паренью путь открыл свободный им
Мы нашим внучатам твой труд передадим⁷.

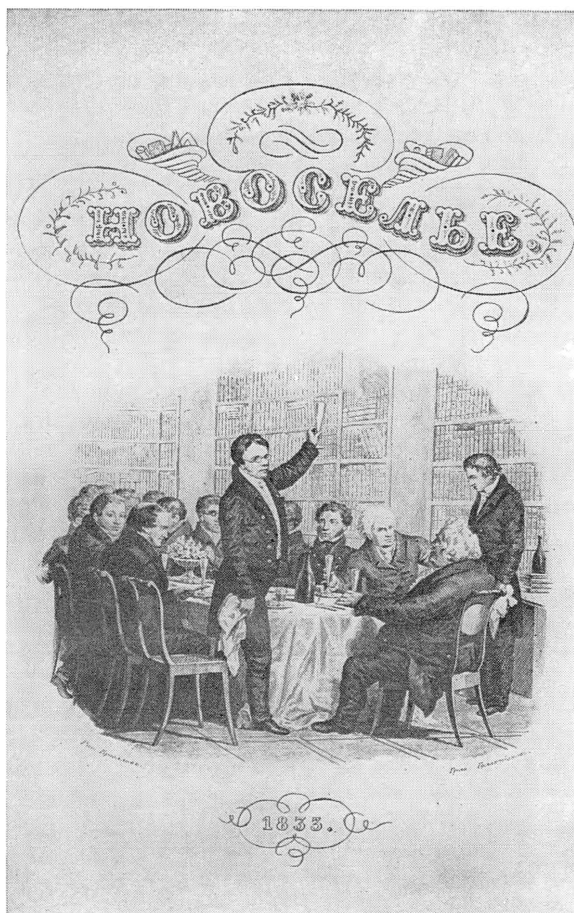
Тогда же за обедом, дружно порешили: из преподнесенных в дар Смирдину сочинений составить сборник.

Два года спустя, в 1833 г. появился первый выпуск «Новоселья», в 1834 — второй. Оба тома напечатаны в типографии Плюшара.

Сборники получились неровными: наряду с высокоталантливыми сочинениями Пушкина, Гоголя, Крылова, Жуковского, Вяземского, Гнедича, «творения» Булгарина, Хвостова, написанный в духе пасквиля «Большой выход Сатаны» Осипа Сенковского.

Виссарион Григорьевич Белинский прочитал в Москве сборник, остался недоволен рядом «плохих статей», но все же расценил новинку положительно, назвав «Новоселье» — «лучшим русским альманахом»⁸.

Белинский решил поддержать Смирдина. Да и как не поддержать, когда, как писал сам кри-

*Новоселье. СПб., 1833.
Обложка с изображением обеда писателей.
Рисунок А. Брюллова. Гравюра С. Галактионова.*

тик: «Все от него и все к нему: он одобряет и ободряет юные и дряхлые таланты очаровательным звоном ходячей монеты; он дает направление и указывает путь этим гениям и полугениям, не дает им лениться, словом, производит в нашей литературе жизнь и деятельность».

«...Я насчитал четыре периода нашей словесности,— указывал Белинский,— Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский и прозаическо-народный: остается упомянуть еще о пятом, который начался с появления на свет первой части „Новоселья“ и который можно и должно назвать Смирдинским»⁹.

Литература — дело серьезное. А серьезное дело требует серьезного к себе отношения. Не все это понимали. Многим литературное занятие казалось забавой, пустячком, упражнениями на досуге.

Уважали только тех, кто был обласкан царскими милостями: «старик» Державин, Карамзин — царский историограф, Жуковский — наставник наследника.

Пушкин рассуждал: «Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности. До тех пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовлетворение тщеславия...»¹⁰.

Писатель — гений. Творец. Его осеняет вдохновение, и он пишет. Жить литературным трудом? Неловко, постыдно. Все равно, что писцом — в канцелярии.

Пушкин уже рассуждал иначе: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Великий русский поэт был нашим первым профессиональным писателем. Служба была обузой. Коллежский секретарь Александр Пушкин, которого Новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов отправил в уезды проследить за саранчой, был оскорблен и писал 22 мая 1824 г. помощнику губернатора А. И. Казначееву: «Стихотворство... просто мое ремесло, отрасль частной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость... Мне скажут, что я, получая 700 рублей, обязан служить... я принимаю эти 700 рублей не так как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника... Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, как говорится, уничтожить. Если граф прикажет подать в отставку, я готов...»¹¹.

Другой замечательный поэт А. С. Грибоедов устами своего героя признавался: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Поэзия — это не служба у царя. Это труд. Труд тяжелый, круглосуточный. А за труд надо платить.

Пушкин сознавал это отчетливее других. Много размышлял о должности поэта, писателя. Перечитайте его «Разговор поэта и книгопродавца».

Продавец — это Смирдин. Ибо Смирдин тоже многое понимал. Ценил писателей. Преклонялся перед их талантом. Часто ошибался, конечно. Из-за этого страдал сам. Не литература.

Рассуждал просто: чтобы хорошо писать, надо хорошо питаться, жить обеспечено. Значит, за писательский труд надо платить. И платить щедро, не скупясь. Выиграют все — авторы, читатели, литература.

И платил. Щедро.

Крылову за право издания его «Басен» — 40 000 руб. ассигнациями. За каждую басню — по тысяче червонцев. Пушкину — за каждую стихотворную строку — по 10 рублей, а за стихотворение «Гусар» заплатил поэту по одним источникам, 1000, а по другим, даже 2000 руб. ассигнациями. Отдельное издание «Евгения Онегина» обошлось Смирдину в 12 000 рублей. За «Бориса Годунова» он же заплатил 10 000 рублей¹². О. И. Сенковскому, как редактору журнала «Библиотека для чтения», Смирдин платил огромное по тем временам жалованье — 15 000 рублей в год. А теперь сравним: Белинский за редактирование «Отечественных записок» получал от А. А. Краевского 5000 руб. в год, да и это скудное жалование Краевский выплачивал весьма неохотно.

Таков был Смирдин. Такова была его щедрость.

Смирдинская эпоха впервые делает гонорар закономерным явлением. Благодаря Смирдину труд русских писателей приобретал характер профессионального. Капитал становился обязательным спутником литературного труда. В литературу и журналистику проникали буржуазные отношения. На первых порах это было прогрессивным явлением и поощряло литературную деятельность. Но несло с собой и много неприятного. В литературу стал проникать «торг».

И первой жертвой капитала стал сам Смирдин. Выплачивая невиданно высокие по тем временам гонорары, он явно переоценивал значение капитала в литературном творчестве, искренно верил, что «живой капитал есть душа литературы». За это его критиковал Белинский, разъясняя, что деньгами нельзя создать писателя.

Нашлись и такие среди литераторов, которые злоупотребляли любовью Смирдина к отечественной словесности, навязывая ему расточительные контракты.

Так, один из них писал Пушкину: «Поелико мне бедняку дарить богатого Смирдина — грех, сдери с него как можно больше».

Цензор А. В. Никитенко записывал в своем дневнике в 1834 г.: «Смирдин истинно честный и добрый человек, но он необразован и, что хуже всего для него, не имеет характера. Наши литераторы владеют его карманом как арендою. Он может разориться по их милости. Это было бы настоящим несчастьем для нашей литературы. Вряд ли ей дожидаться такого бескорыстного и простодушного издателя»¹³.

Запутали Смирдина «грачи-разбойники» — Греч, Булгарин, Сенковский. Они пользовались, действительно, карманом Смирдина, как своим.

С. Гессен в книге «Книгоиздатель Александр Пушкин» передает следующий эпизод: «Булгарин однажды заключил условие со Смирдиным, согласно которому обязался за 30 тыс. руб. поставить ему книгу с лондонскими картинками. Но, как оказалось, последние выполнены были безобразнейшим образом в Лейпциге. Смирдин пытался протестовать, стал разбирать договор, и тут убедился в том, что Булгарин мошеннически обошел его: в условии вместо слова «Лондон» значилось «за границей». Через много лет, рассказывая об этом происшествии П. В. Анненкову, Смирдин, со слезами на глазах, восклицал: «Я напишу свои записки, я напишу „Записки книгопродавца“»¹⁴.

С 1834 г. Сенковский издавал на средства Смирдина журнал «Библиотека для чтения».

Журнал был открыто консервативным. Угождая вкусам своих читателей, Сенковский помещал в журнале повести и пьесы с «захватывающими» сюжетами, стихи поэтов, вошедших в «моду». Ради этой же цели — привлечения читателей — перекраивал переводную беллетристику: сокращал текст, вносил дополнения. Так, например, утешая «чувствительного» читателя, Сенковский изменил окончание романа Бальзака «Отец Горио» — Растиньяк стал миллионером.

Провинциальная публика охотно читала «Библиотеку для чтения»: число подписчиков достигло в течение трех лет 7000 человек.

Смирдин поставил «Библиотеку для чтения» как крупное коммерческое предприятие. Впервые в русской журналистике он ввел твердый авторский гонорар: полустную оплату авторского труда — 200 рублей, а для знаменитых писателей — 1000 и более. «...Все вдруг изменилось с появлением журнала г. Смирдина, — писал Белинский, — за статьи установилась плата, литературный труд сделался капиталом»¹⁵. Это была все та же линия на упрочение положения писателя в обществе. «Будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба!» — писал Белинский в 1836 г.¹⁶

Щедрость Смирдина имела и свою оборотную сторону: Сенковский использовал журнал для сведения счетов со своими литературными врагами и для обогащения. В «Библиотеке для чтения» Сенковский выступал как фельетонист под псевдонимом «Барон Брамбеус». Самодержавно-охранительное направление сочеталось в его фельетонах с поверхностным остроумием, развязной веселостью и многословием.

Цензор А. В. Никитенко записывал в своем дневнике разговор с П. А. Плетневым: «Плетнев начал бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи в „Библиотеке для чтения“, говоря, что они написаны для денег и что Сенковский грабит Смирдина»¹⁷.

В этой связи вспоминается знаменитый диалог из «Ревизора»:

«ХЛЕСТАКОВ: Все это, что было под именем барона Брамбеуса... все это я написал.

АННА АНДРЕЕВНА: Скажите, так это вы были Брамбеус?

ХЛЕСТАКОВ: Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысячч...».

Диалог этот — скрытая полемика и издевка. Гоголь высмеял сразу: популярность «Барона Брамбеуса»-Сенковского в провинции, его редакторскую манеру, незаслуженно высокий гонорар, его хвастливую самоуверенность.

Греч и Булгарин навязали покладистому Смирдину издание газеты «Северная пчела». Это был уже совсем одиозный орган. Ни для кого не было секретом, что за спиной редакторов стоит граф Бенкендорф и III отделение. Рылеев предупреждал Булгарина: «Когда случится революция, мы тебе на „Северной пчеле“ голову отрубим»¹⁸.

Смирдину «Северная пчела» обходилась слишком дорого, а приносила одни убытки. Читать этот официозный орган приличные люди не хотели. Пострадал Смирдин и морально. Говорили о «клике Смирдина». Бескорыстного, далекого от политики издателя, обвиняли в союзе с литературными доносчиками. Пушкин сочинил экспромт:

К Смирдину как ни придешь,
Ничего не купишь,
Иль Сенковского найдешь,
Иль в Булгарина наступишь.

Торговля шла с переменным успехом. Но с годами обязательства росли, книги расходились медленно, создавалась кризисная ситуация.

Смирдин умел считать. Он понимал: чтобы платить большие гонорары, надо увеличивать тиражи, а чтобы тиражи расходились — снижать цену. Основную заслугу Смирдина «перед русской литературой и русской образованностью» Белинский усматривал в том, что Смирдин сделал сочинения русских авторов доступными по цене «и для небогатых людей»¹⁹. Рост спроса на книгу шел, в основном, за счет нового социального слоя читателей-разночинцев, как в столице, так и, особенно, в провинции. Смирдин учел эти социальные сдвиги и реформировал книжный рынок. Однако благоприятная ситуация длилась недолго. Политическая обстановка в стране — палочная диктатура Николая I, экономический застой — сказалась и на книжной торговле.

В 1842 г. Смирдин оказался не в состоянии платить по счетам. Грозил банкротство. Пришлось обратиться за помощью к царю. Милостиво разрешили провести две книжные лотереи.

Смирдин искал выход из создавшегося положения. Недавно самый богатый из петербургских книжников, почти «миллионер», он боялся нынче встречи с авторами, с кредиторами...

...Кончилось первое полу столетие XIX века. Так счастливо начавшаяся карьера завершится трагично? Надо было искать что-то, что даст новый толчок делу?

В 1846 г. появились первые томики массового издания «Полного собрания сочинений русских авторов». Аккуратные компактные книжки в $\frac{1}{8}$ листа. Прочная бумага. Четкий, убористый шрифт. Цена — 1 руб. за томик.

Всего, за 10 лет вышло 70 томов. Были изда ны сочинения 35 русских литераторов. Целая библиотека! «Полное собрание сочинений русских авторов» понравилось читателю. Еще бы: по существу, впервые так широко и полно было представлено творчество замечательных писателей, начиная от Тредиаковского и Ломоносова и завершая современными авторами.

Инициативу Смирдина одобрил Белинский: «Почтенному нашему книгопродавцу А. Ф. Смирдину в продолжении его долговременной книгопродавческой деятельности приходило в голову много хороших мыслей к пользе русской литературы. Но никогда еще не приходило ему мысли более полезной, дельной и вместе остроумной, как мысль издания в маленьком и красивом формате, сжатою (компактною) печатью, полного собрания сочинений русских авторов. Не знаем когда эта богатая мысль озарила впервые его книгопродавческую голову. Это решительно блистательнейшая мысль, какая только попадала в голову русского книгопродавца с тех пор, как существуют на Руси книгопродавцы...»²⁰

Издание, правда, было не без погрешностей. Тот же Белинский отмечал существенные пропуски, ошибки и опечатки. Не было вступительных статей и примечаний. Но надо иметь в виду, что дело было новое. Опытных редакторов и текстоведов найти было нелегко. А хотелось издать всех русских писателей, издать при жизни. Смирдин спешил, сэкономил. Отсюда и просче-

ты. И все же надо поблагодарить издателя за содеянное. Не без его помощи русская литература вошла в моду, потеснив европейских сочинителей.

Только вот от банкротства уйти не удалось. Доходы от «Полного собрания...» не могли уже покрыть дефицита. Смирдин разорился окончательно...

Немало издал Александр Филиппович хороших вещей на своем веку. Вот, например, сборник «Сто русских литераторов», напечатанный в собственной типографии Смирдина в 1839—1845 гг. Три выпуска, а сколько в нем имен, сколько повестей, рассказов, очерков: Пушкин, Бестужев, Давыдов, Крылов, Надеждин, Панаев, Полевой, Кукольник, Загоскин... Первые два тома — в превосходных кожаных переплетах с золотым обрезом. Гравюры выполнены на стали в Лондоне по рисункам А. и К. Брюлловых, В. Ф. Тимма, Ф. П. Толстого, Т. Г. Шевченко, А. И. Ладурнера и других известных художников. К сожалению, издание не было завершено: из десяти задуманных томов удалось выпустить лишь три. Да и писатели были представлены разных общественных направлений и уровня таланта. И все же издание было полезное, способствовало популяризации творчества русских писателей. Смирдиным двигало, как отмечал Белинский, благородное стремление «быть долго полезным русской литературе». В этом направлении он «действовал усердно, бескорыстно и благородно». Противоречия в деятельности Смирдина Белинский объяснял так: «Он хотел торговать, следовательно, хотел наживать,— однако ж, наживать не только честно, но еще и гочетно, со славою. Для этого он поставил себе

за правило издавать только хорошие сочинения и давать ход только хорошим сочинениям. Правда, он мог издать и дурную книгу, но не намеренно, а по ошибке своего вкуса или по ошибочному совету тех, чьему вкусу доверял он»²¹.

Наиболее полное представление о книжной продукции, выпущенной Смирдиным дают «Реестр русским книгам...» его книжного магазина и «Роспись российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина...», о которой В. Г. Белинский писал, что это «настолярная ручная книга в кабинете каждого литератора»²².

Издав труды более чем семидесяти русских авторов на десять с лишним миллионов рублей ассигнациями, Смирдин выплатил в качестве гонорара 1370 535 рублей. За одну бумагу и печатание он заплатил 1959 092 рубля²³.

А умирал замечательный русский книжник нищим, одиноким стариком.

Да и кому был нужен «небогатый» Смирдин?

В 1857 году его не стало.

Сын хотел продолжить дело отца. Торговал. Издал кое-что совместно с В. Е. Генкелем. И главное — собрал и издал в 1858 г. с помощью друзей Александра Филипповича «Сборник литературных статей», посвященных его памяти. Автор предисловия сравнивал Смирдина с Новиковым. «Мы не ставим его бескорыстия, его заслуг наравне с заслугами Новикова, которого скорее можно назвать первым писателем-гражданином новой литературы. Смирдин был первый книгопродавец, поставивший себя, а за собой и всю торговлю, в правильные отношения к литературе и читателю. Главное достоинство его было то, что он любил литературу, как умел, любовью младенца может быть, но тем не менее

чистою и бескорыстною. Главная заслуга его — удешевление книг, оценка литературных произведений, как капитала, и прочная связь, какую он положил между литературой и книжной торговлей»²⁴.

Фирма «А. Смирдин и К°» вскоре прекратила свое существование. Забыли даже, что когда-то книжное дело Смирдина гремело на всю Россию...

Коммерсанты-книготорговцы, издатели. Их было немало в первой половине XIX в. Что их объединяло? Отношение к книге как к товару. Да! Но и любовь к ней. Иногда наивная, невежественная, но искренняя. Развитой «книжный» инстинкт. Умение угадывать запросы читателей, нужды рынка. Издания в полиграфическом отношении всегда приличные. Порой даже с иллюстрациями, виньетками, фронтисписами. Подходящая цена. Благонамеренное содержание. Если издатель был верен своим принципам, не «азартничал», каждое издание взвешивал расчетливо, с «прикидкой», можно было жить спокойно, не боясь конкуренции, не испытывая страха банкротства.

Таковыми именно были братья Глазуновы — Матвей и Иван.

Матвей торговал в Москве. Иван — в Петербурге. Потом пошли дети и внуки — Илья, Иван, Константин, Александр. Целая династия.

Фирма просуществовала более 100 лет. Прекратила свою деятельность только в 1917 г.

Как же удалось это «долгожительство»?

Чтобы понять это, посмотрим, что и как они издавали.

В Петербурге у Глазуновых были свой магазин и типография.

...Начало XIX века. Войска Наполеона обрушились на Европу. Французского императора боялись, перед ним трепетали, его ненавидели. Но знать о нем хотели все. И Глазуновы идут навстречу читателю, издают книги, вроде: «Бонапарте и французы в Австрии», «Прибытие Наполеона в ад». Их покупают охотно, рвут из рук.

...Кризис крепостного хозяйства дает знать себя все ошутимее. Новый император Александр I вынужден, идя навстречу чаяниям дворянства, провести некоторые реформы. Издан даже закон — о свободных хлебопашцах. Изданы другие законы. Накопилось их много. Надо все знать. Судьи-крючкотворы злоупотребляют правовым невежеством помещиков, лихоимствуют, вершат неправый суд. А споров и раздоров много. Доходит до семейной вражды: спорят Троекуровы и Дубровские, делят земли, судятся.

Ну, а что если издать сборник законов, указов, распоряжений? Собрать все, что в ходу. Пригласить опытных юристов, правоведов.

В 1805 г. Глазуновы приступают к изданию капитального труда под названием «Памятник из законов». В качестве редакторов приглашены видные юристы, чиновники Сената — Ф. Д. и А. Д. Правиковы, Фиалковский, Вельяминов-Зернов. Александр I, получив в дар первую часть «Памятника...», повелел для поощрения к продолжению сего издания наградить издателя Глазунова Золотой медалью на Владимирской ленте с надписью «за полезное». В 1827 г. вышел последний, 17-й том. Крупный формат, мелованная бумага. Типографии — самые лучшие, но чаще всего — Сенатская. Издание — наиболее полное из всех известных — хорошо системати-

зировано. Правда, дорогое. Но ведь в нем собраны все законы, все — до единого. Теперь не только судьи, и ученые юристы, каждый, кому надо, может ознакомиться, проверить, сослаться.

Издание расходилося успешно, акции фирмы росли.

Присматривались Глазуновы к литературной публике. Кто не знал теперь поэта Жуковского, баснописца Крылова, маститого Карамзина.

Когда В. А. Жуковский и А. Ф. Воейков предложили И. П. Глазунову выпустить новое издание «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (первое в 1815—1818 гг. было издано Обществом любителей Отечественной словесности), тот согласился.

Издание Глазуновых состояло из двух серий. Каждая в шести частях. В первой — стихи (1821—1822), во второй — проза (1822—1824). Каждый томик украшен фронтисписным портретом автора. Писатели представлены самые именитые: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин.

Любители российской словесности были довольны.

Художественную литературу Глазуновы выпускали охотно. Она не залеживалась.

Были и примечательные издания. Взять хотя бы миниатюрное издание «Евгения Онегина».

Пушкин частенько заглаживал в книжный магазин Глазуновых, что в гостином дворе по Суконной линии.

Приказчиком в нем служил Василий Петрович Поляков. Знал толк в книгах. Эрудит. Ходячая библиография. В магазин к Полякову любил заходить Пушкин. Он часами иногда про-

стаивал в магазине, наблюдая со смехом, как приказчик беседовал с покупателями, которые попрекали Полякова за невыполнение того или иного неоднократно дававшегося обещания. За Поляковым это водилось...

Как-то Поляков показал Александру Сергеевичу лондонское издание сочинений Шекспира. С любопытством рассматривал поэт миниатюрные, меньше спичечной коробки, томики собрания. Поляков посоветовал издать в таком же духе собственное собрание сочинений. Пушкин подумал и согласился выпустить — на пробу — миниатюрного «Евгения Онегина».

Книжка была набрана и напечатана в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Изящное издание выставили на витрине. Это было осенью 1836 года. Вскоре состоялась дуэль поэта с Дантесом. Покупали книжку молча, горестно. Посмертная дань поэту... За неделю весь тираж — 5000 экз. — был распродан.

Чтя память Пушкина, Глазуновы приняли на себя издание трех (из восьми) посмертных томов сочинений поэта. Редактировали собрание друзья поэта В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев. В последних томах, вышедших в 1841 г., были опубликованы лучшие произведения Пушкина — «Медный всадник», «Русалка», «Арап Петра Великого». Их еще мало знали.

Шумным успехом пользовалось первое отдельное издание романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», выпущенное Глазуновыми в 1840 г.

Затем Глазуновы издают первое собрание сочинений М. Ю. Лермонтова (1842—1844).

Так, книга за книгой, издание за изданием, фирма процветала. Глазуновы печатали учебники для гимназий, атласы, сельскохозяйственную литературу, медицинскую, книги по военному делу.

Встречались и среди них примечательные издания. Например, «Военная библиотека», по образцу «Bibliothèque militaire», выходившей в то время в Париже. Вышло 6 томов (1838—1840), составленных из сочинений древнегреческих писателей Фукидида, Ксенофонта, Арриана, французских, немецких и шведских военных писателей. Редакторы — Осип Сенковский и профессор Военной академии, генерал Н. В. Медем. Издание распространялось по подписке. Однако подписывались что-то неохотно. На этот раз пришлось понести убытки. И немалые — 20 тыс. руб. ассигнациями.

Были и новые миниатюрные издания: «Детская библия», «Ботаника для юношества», «Душенька» И. Ф. Богдановича. Только такого успеха, как «Евгений Онегин» они все же не имели.

Уже в 60-е годы, после реформы, Глазуновы приобрели в полную собственность сочинения И. А. Гончарова и И. С. Тургенева.

Возник спрос на естественную литературу — издали «О происхождении видов» Дарвина, популярные сочинения Льюиса, Тиндаля, Шлейдена. Их охотно читала молодежь, «нигилисты».

А в конце века появились две новые глазуновские серии для школьников и для самообразования: «Классная библиотека» и «Доступная библиотека». Выпуски стоили дешево — 10—15 копеек. Печатались в этих книжках классики, русские и европейские. Все произведения снабжались объяснительными статьями, примечаниями

ми и материалом для их изучения. Вошедшие в серию книги часто переиздавались.

В связи со 100-летним юбилеем фирмы в 1903 г. вышли «Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет 1782—1882» и «Краткий очерк столетней деятельности типографии Глазуновых в связи с развитием их книгоиздательства. 1803—1903». Составил «Краткий очерк» известный книговед Н. М. Лисовский. Обе книги напечатаны с большой роскошью на глазированной бумаге великолепным шрифтом. В книгах много вкладных иллюстраций, автографов. Переплетены они в кожаный тисненый золотом, с золотым обрезом, переплет.

Не всем так везло, как Глазуновым. Мы уже знаем о судьбе Смирдина. Нечто подобное постигло другую известную петербургскую книжную фирму — Плюшаров.

Биограф Плюшаров В. М. Андерсон утверждал, что их магазин «служил средоточием для всей интеллигенции Петербурга и его художественных классов»²⁵.

Все началось в 1806 г., когда по приглашению Министерства иностранных дел в Петербург из Брауншвейга прибыл типограф Александр Плюшар, чтобы напечатать политический журнал на французском языке под названием «Journal du Nord» (в противовес наполеоновским органам). Через два года он был назначен директором Сенатской типографии. Заслуги его были отмечены: за издание «Литовского статута» и «Учреждения судоходства по реке Волге» он был награжден бриллиантовыми перстнями.

В это время вошла в моду литография — печатать при помощи специально обработанного пло-

ского известнякового камня. Изобрел этот способ сын немецкого актера Алоиз Зенефельдер. В 1816 г. первые литографские заведения появились в России.

Проявил к литографии интерес и Плюшар. Обзавелся своим собственным заведением.

Его гравированные и литографированные альбомы отличались особым изяществом.

В 1813 г., сразу же после победоносного окончания Отечественной войны он выпускает «Галерею гравированных портретов генералов, офицеров и проч., которые мужеством своим способствовали успехам российского оружия в течение войны, начавшейся в 1812 году». Превосходное издание крупного формата.

В 1819 г. Плюшар печатает «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы», исполненное художником А. Е. Мартыновым.

Многие художественные издания Плюшара посвящены Петербургу.

Невольно на память приходят вдохновенные строки:

...Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Великий город... Его запечатлели плюшаровские альбомы, которые регулярно издавались с 1820 по 1827 год. Названия их менялись: «Nouvelles vues de St Pétersbourg» (Новые виды Петербурга), «Collection de vues de St Pétersbourg et de ses environs» (Собрания видов Пе-

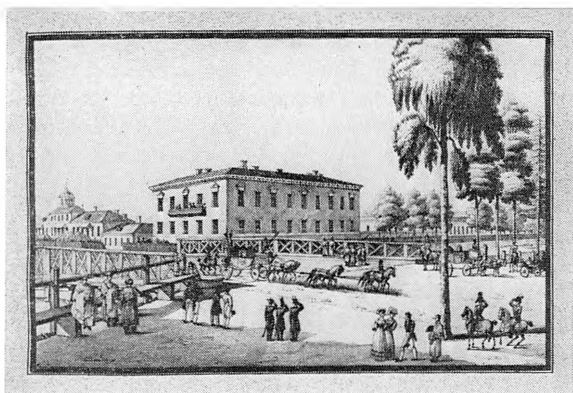
тербурга и его окрестностей) и т. д. С каждым изданием увеличивалось число видов — от 20 в первом, до 46 в последнем, вышедшем в 1827 г.

Листы в них исполнены по рисункам А. Е. Мартынова, А. А. Александрова, К. И. Кольмана, А. О. Орловского и других художников.

Были и иные художественные издания. Вот, например, одно из редчайших — «Представление праздника, данного императрицей-матерью великой герцогине Марии...» Издавалось в честь царей. Создавалось талантливейшими людьми — художниками, граверами, печатниками. И сегодня этот шедевр полиграфического и художественного искусства прошлого века по праву является нашим культурным богатством.

На смену отцу пришел сын, Адольф Плюшар. При нем типография расширилась, превратилась в одну из самых крупных и популярных в Петербурге. А. Плюшар был человеком предприимчивым, внимательно следил за настроениями и спросом читающей публики. Он обратил, в частности, внимание на отсутствие хорошего русского энциклопедического словаря, который давал бы читателю необходимые сведения по всему обширному кругу знаний.

...В Ленинграде, на Мойке есть дом. В нем жил последние годы Пушкин. Здесь квартира, из которой вынесли тело скончавшегося от ран поэта. Замечательная принадлежность квартиры — библиотека. В ней поэт любил проводить свой досуг. Здесь он часто писал, облокотившись о специальный пюпитр, приставленный к дивану. Стоило протянуть руку — и нужная книга у тебя. Среди прочих изданий, а их тысячи, изящные томики в кожаном переплете — «Энциклопедиче-

Лист из петербургских альбомов Плюшара

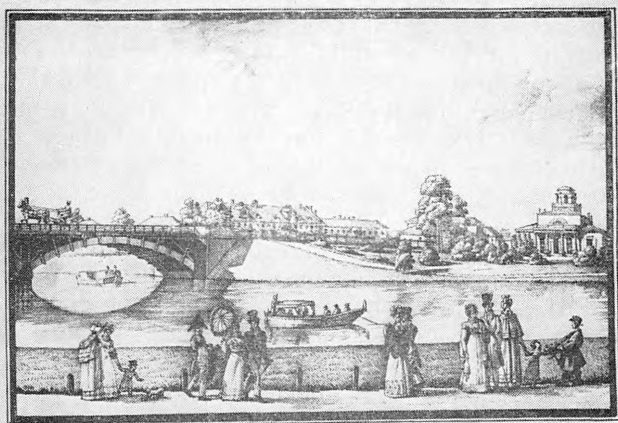
ский лексикон» Плюшара. Пушкин был не только подписчиком, но и сотрудником «Лексикона».

Издавать энциклопедические словари пытались и до Плюшара. Например, московский типограф С. И. Селивановский. Селивановскому помешали события 1825 г. Декабристы (Кюхельбекер, Штейнгель) участвовали в подготовке издания. И словарь не состоялся.

Плюшар был опытным типографом. Свое образование он получил у знаменитого Фирмена Дидо — в Париже. Имел лучшие в русской столице типографию и словолитню. Большое издательское предприятие казалось по плечу.

Замысел энциклопедии Плюшар начал осуществлять в 1834 г. Договорился с Н. И. Гречем о редакторстве.

На квартире у Греча собралось много народа — члены пяти академий, профессоры, литера-

Pont de chauforte, près de la Campagne de M. Muller.

Лист из петербургских альбомов Плюшара

торы... Был среди них и Александр Пушкин. Наш поэт отнесся к этой затее скептически: «Этот лексикон будет ни что иное как Северная пчела и Библиотека для чтения в новом порядке и объеме»²⁶ — писал он в своем дневнике. Потом все же отношение свое к «Лексикону» изменил.

Для составления статей были приглашены виднейшие ученые и литераторы. В списке, опубликованном в 1-м томе «Лексикона», значатся: К. И. Арсеньев, А. Х. Хвостов, В. Я. Буняковский, М. В. Остроградский, Э. Х. Ленц, В. Я. Струве, В. Ф. Одоевский, Н. И. Надеждин, П. Г. Соболевский и многие другие.

Выпуск словаря был рассчитан на 6 лет. Всего предполагалось издать 40 томов. Когда на-

чали подписку, объявилось много желающих — более 6000 человек: помещики, офицеры, профессора, духовные лица и даже... крестьяне! Но издание продвигалось вперед с трудом. К 1841 г. удалось издать лишь 17 томов, доведя всего лишь до буквы «Д». Распри между Гречем и Сенковским, редакторами «Лексикона», мешали равномерному выходу томов. Греч пуше всего боялся, чтобы в «Лексикон» не проникло какого-либо «свободомыслия». Подозрительной показалась статья «18-е брюмера». Правда, цензор пропустил, ну, и что из того? Не пойдет! Усердствовал в своем «верноподданическом» рвении и Сенковский. Добился разрешения посвятить Лексикон Николаю I. В предисловии к 12-му тому рассыпался: «его величество Государь император высочайше соизволил украсить это издание августейшим именем своим, благоволив принять посвящение...» Когда стало известно, что статья «Борис Годунов», написанная А. А. Краевским, вызвала гнев царя, Сенковский распорядился исключить ее из всех нераспроданных экземпляров и заменить другой, написанной в желательном направлении...

Статьи в редакцию поступали с перебоями. Сроки издания не выдерживались. Подписчики ждали, терпели. А потом и совсем охладели к изданию — подписка прекратилась. Платить было нечем, и Плюшар обанкротился.

Коммерсанты... Разные судьбы у этих людей. Счастливые и не очень. Даже трагические. Книг выпустили немало. Не все равноценные. Можно ли их в этом винить? Не лучше ли сказать спасибо за то хорошее, что было ими сделано. Ведь еще и сегодня не можем мы, подчас, обойтись без некоторых изданий, выпущенных Смирди-

ным, Плюшарами, Глазуновыми. А современники лучшего часто просто не знали.

Были издатели и иного порядка. Эти не гнались за наживой. Денежный расчет не входил в их планы. Для них книга была дорога как таковая. В издания книг они вкладывали целые состояния, потому что могли позволить себе эту роскошь. Любовь к книге была самой большой их страстью. Издавать. Издавать не спеша, но уж так, чтобы можно было ахнуть!

Это были вельможи, аристократы. Меценаты. Издательством «баловались», но баловались всерьез.

В Москве славился этим Платон Платонович Бекетов — богатый московский барин. В Петербурге — Николай Петрович Румянцев.

Кто не знает знаменитый Пашков дом в Москве, построенный в конце XVIII в. по проекту выдающегося русского зодчего В. И. Баженова... Сейчас здесь размещены читальные залы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. В них занимаются студенты, аспиранты, ученые. Именно здесь решено разместить экспозицию Государственного Музея книги.

А некогда в особняке был расположен Румянцевский музей, переименованный позднее в Публичную библиотеку.

С именем Н. П. Румянцева связана история нашей замечательной национальной библиотеки.

Н. П. Румянцев был знатного происхождения. Дед — генерал-аншеф Александр Иванович Румянцев, начинал свою деятельность у Петра I. Отец — Петр Александрович Румянцев-Задунайский — выдающийся отечественный полководец, которому в Петербурге поставлен памятник.

Николай Петрович Румянцев родился в 1754 г. в Петербурге. Получил превосходное образование. Служил послом в Германии. Был министром коммерции и министром иностранных дел. За заслуги перед Россией получил звание государственного канцлера.

Занимаясь государственной деятельностью, Румянцев одновременно изучал русскую историю, собирал рукописи, книги, монеты, медали... На углу бывшей Галерной и Английской набережной (ныне Красного Флота) стоит старинный особняк. В нем с 1802 года разместил свою великолепную библиотеку Николай Петрович Румянцев. В этом же доме, после ухода в 1814 г. в отставку, поселился и сам.

В библиотеке были превосходные книги по истории, дипломатии, географии, технике, торговле, промышленности, по искусству и архитектуре. Началось Румянцевское собрание с редких изданий — инкунабулов, «альдин», «эльзевиров», изданий прославленных типографов Бодони и Дидо; книг, напечатанных Франциском Скориною, Иваном Федоровым. Всего — 28 512 томов. Кроме того — уникальное собрание рукописей — 810 единиц хранения²⁷.

Румянцев был не просто коллекционером. Свои сокровища он стремился сделать достоянием других — ученых, историков. Достоянием науки и просвещения. С этой целью занялся и издательской деятельностью.

Начало ее относится к 1813 г., когда вышел I-й том многотомного научного издания — «Собрание государственных грамот и договоров». В нем были опубликованы ценнейшие дипломатические и исторические памятники, обнаруженные как в русских, так и зарубежных архивах и

книгохранилищах. Издание великолепно иллюстрировано гравированными изображениями печатей и подписей. На роскошном переплете вытеснен герб Румянцева. Цель поставлена ясная и благородная — собрание, изучение и публикация памятников письменности по истории России и других славянских стран. Это требовало много сил и средств. Одному — даже такому могущественному лицу, как граф Румянцев, — осуществлять эти издания было не под силу. Постепенно устанавливались и укреплялись связи с крупнейшими русскими учеными. Возник кружок — «частная академия» Румянцева. В нем были представлены историки, археологи, палеографы, библиографы: автор словарей русских писателей Е. Болховитинов, филолог А. Х. Востоков, славист К. Ф. Калайдович, архивист П. М. Строев, палеограф, издатель «Библиографических листов» П. И. Кеппен, заведующий архивом министерства иностранных дел Н. Н. Бантыш-Каменский, нумизматы Ф. И. Круг и Х. Д. Френ и другие. Эрудиты, энциклопедисты, знатоки русских древностей.

Работая в библиотеке и архиве Румянцева, они по его указанию приобретали книги и рукописи во всех концах России. А за границей, используя свои связи в дипломатическом мире, канцлер изучал библиотеки Германии, Франции, Италии, архивы Швеции, Дании, прибалтийских княжеств.

Разыскания давали редчайший материал, который требовал изучения. Этим занимались ученые — члены румянцевского кружка: Калайдович, Кеппен, Строев.

Вот уже завершено капитальное издание — «Собрание государственных грамот и догово-

ров». А герб отца и деда Румянцева с девизом «Non solum armis» («Не только оружием») появляется на новых книгах.

Более сорока изданий успел осуществить Румянцев. Некоторые были завершены уже по-смертно. Это не так много, если сопоставить с изданиями Новикова или того же Смирдина. Но каждое издание единственно в своем роде.

Упомянем лишь некоторые. Это прежде всего исторические памятники: «Законы великого князя Иоанна Васильевича» и «Судебник царя и Великого князя Иоанна Васильевича» (1819), «Летопись сибирская» (1821), «Софийский временник» (1820—1821). Большой научный интерес представляет подготовленное к печати Кеппеном и Востоковым «Собрание словенских памятников, находящихся вне России» (1827). Среди прочих документов в нем были опубликованы отрывки из первой дошедшей до нас русской датированной книги — «Остромирова Евангелия». Для их воспроизведения был отлит особый шрифт, отличавшийся ясностью и своеобразной красотой древнерусского уставного письма. Впоследствии тем же шрифтом было отпечатано первое полное академическое издание этого шедевра древнего русского книгописания (1846).

В 1818 г. под редакцией и с предисловием К. Ф. Калайдовича вышел сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым». Это было одно из первых в России научных изданий произведений народного творчества. Печатали сборник и раньше, еще в 1804 г. под названием «Древние русские стихотворения», но тогда он еще был не полон и не сопровождался научным комментарием.

Члены «академии» и сами были авторами глубоких и серьезных научных исследований. Изданием их занимался Румянцев. Так, вышел исторический труд Калайдовича «Иоанн Ексарх Болгарский» и его же исследование по истории славянского книгопечатания — «Сведения о трудах Швайпольта Феоля, древнейшего славянского типографщика» (1820).

В этих трудах история славянской и русской письменности, книжной культуры на Руси впервые представлены с научной достоверностью.

Румянцев заботился не только о научных достоинствах своих изданий, но и о «чистоте и красоте тиснения». Средств на это не жалел. Своей типографии у Румянцева не было, но печатал зато в самых лучших типографиях Москвы и Петербурга — Всеволожского, Селивановского, Края, Греча, в типографии Казанского университета.

Шли годы. Пришла старость, а с нею и самое тяжелое, омрачавшее жизнь — глухота. Карамзин, часто посещавший канцлера, писал в 1823 году Малиновскому: «Вы спрашиваете меня о канцлере: иногда обедаю у него и всегда с некоторой грустью, не имея способа общаться с ним свободно — как все люди для него переменились, стали холодны и сухи, изъясняясь на письме краткими, бездушными фразами! У него же, к несчастью, лежит на столе всегда негодная доска и негодный грифель. Впрочем, он бодр духом»²⁸.

Умер Н. П. Румянцев 3 января 1826 года на 71-м году жизни, оставив после себя богатейшую библиотеку.

Коммерсанты и меценаты... Такие разные, но в чем-то и схожие. Да это и понятно. Разделяло

происхождение, сословность, образование. Сближало и роднило — любовь к книге, книжное дело.

А куда отнести Ивана Васильевича Сленина?

Об этом книжнике пушкинской поры недавно написал интересное исследование ленинградский книговед С. Б. Люблинский.

Начинает он свой рассказ так: «В первой четверти XIX в. в самом центре Петербурга, на Невском проспекте, у Казанского моста, в доме друга А. С. Пушкина В. В. Энгельгардта помещалась книжная лавка И. В. Сленина, занимавшегося книжным делом главным образом „по страсти к литературе“, как писали хорошо знавшие его современники»²⁹. Так что же рассказывает нам автор о Сленине? Чем примечателен этот человек?

Родился Иван Васильевич Сленин в 1789 г. в семье богатого купца-виноторговца. Можно было пойти по пути отца — так поступало большинство купеческих детей. Но маленького Ваню тянуло учиться. Отец заметил это, поощрил его интерес к языкам, литературе...

Неудивительно, что молодой человек, свободно владеющий французским языком, начитанный, предпочел виноторговле — книжное дело.

Сначала он открыл книжную лавку в Гостином дворе совместно с братом. Но затем отделился и в 1817 году завел свой собственный книжный магазин. С 1823 г. И. В. Сленин обосновался на Невском проспекте.

Книжная лавка Сленина напоминала своеобразный литературный клуб. Современник Сленина В. П. Бурнашев вспоминал: «У него сходились, толковали, спорили, бранились и мирились тогдашние русские литераторы»³⁰.

В обращении к Смирдину Измайлов так упоминает о Сленине.

Любезный, честный наш Смирдин,
...Скажу по совести, что нет
Книгопродавца здесь, как тезка, ты, другого,
Окроме Сленина Ивана, остролова.
Когда к вам ни придешь,
То литераторов у вас всегда найдешь,
И в умной, дружеской беседе
Забудешь иногда, ей-ей, и об обеде.
Так в лавках у обоих вас Парнас...³¹

У Сленина бывали А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, А. Ф. Воейков... Сам Сленин был членом-корреспондентом «Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения». Оно было связано с Союзом благоденствия, и в нем участвовали декабристы Ф. Н. Глинка, С. П. Трубецкой, Н. М. Муравьев, И. Г. Бурцов.

Декабристские связи Сленина ощутимы и в его книготорговой и издательской деятельности. В магазине Сленина можно было приобрести «Думы» Рылеева, книги Ф. Н. Глинки, выдающийся политико-экономический трактат Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов». Примечательно объявление, помещенное на обороте титульного листа этой книги: «Сочинитель... предоставляет деньги, которые будут выручаться за продажу оной в пользу содержащихся в тюрьме крестьян за недоимки в платеже налогов».

Сленин охотно торговал сочинениями Пушкина. Широко рекламировал «Евгения Онегина», полностью приобрел тираж поэмы «Руслан и Людмила», у него можно было купить пушкинских «Цыган», «Кавказского пленника».

Пушкин любил Сленина. И в «Северных цветах» за 1829 г. поместил даже стихотворное послание к книгопродавцу:

Я не люблю альбомов модных,
их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
провозглашает только спесь.
...Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой, питомцем Аполлона,
не от тщеславья он открыт,
цариц ты любишь Геликона
и ими сам не позабыт;
вхожу в него прямым поэтом,
как в дружеский, приятный дом,
почтив хозяина приветом
и лар молитвенным стихом ³².

Сленин содействовал изданию декабристского альманаха «Полярная звезда», по его инициативе Дельвиг приступил к выпуску популярнейшего альманаха 20-х годов «Северные цветы».

...Одной из самых читаемых книг начала XIX столетия была «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Ее читали все: дворяне, офицеры, чиновники, купцы, даже крестьяне. Провинциальные барышни, которые до того были «от Ричардсона без ума», вместе с другими упивались чтением «Истории государства Российского».

К. Ф. Рылеев писал: «Прочел я девятый том Русской истории... Ну Карамзин! — Не знаю чему больше удивляться тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита» ³³.

Это, разумеется, не значит, что все суждения и взгляды Карамзина безоговорочно принимались передовыми русскими людьми. Но это был первый сводный труд, покоящийся на первоис-

точниках, и, что особенно было важно для читателя, написанный превосходным литературным языком. «Создание великого писателя» и «подвиг честного человека» — определил заслуги Карамзина Пушкин³⁴. Строго и точно писал Белинский: «История Карамзина впервые познакомила русское общество с историей России, и с нее начались и ею условливались все дальнейшие последовавшие за нею успехи в ученом и литературном знакомстве и понимании русской истории»³⁵.

В ознакомлении русской читающей публики с «Историей Государства Российского» велика заслуга И. В. Сленина. Вместе со своим братом Я. В. Слениным он участвовал в выпуске IX тома I-го издания. Второе же издавалось в 1818—1824 гг. полностью на их средства. Одна лишь покупка права на издание обошлась Сленину в 75 000 рублей. Но расходы окупились. Вот как описывал распродажу «Истории» Карамзина Дельвиг: «...при появлении первых восьми томов „Истории государства Российского“... нельзя было за теснотою пробраться в ту комнату, где она продавалась, и... покупатели встречали целые возы, наполненные экземплярами „Истории“ сей, везомые... в дома вельмож русских и других любителей отечественной истории»³⁶.

Примечательно и другое издание Сленина — басни Крылова в одном томе (в семи книгах). Хороши в книге гравюры С. Ф. Галактионова, Ф. И. Иордана, И. В. Ческого.

Кто он — Сленин?

Некрасовский «Современник» относил Сленина «к небольшому числу тех книгопродавцов-издателей, которые заботились не только о своих личных выгодах, но и пользе литературы»³⁷.

С. В. Люблинский уточняет: «Среди книгопродавцов и издателей первой трети XIX в. фигура И. В. Сленина стоит несколько особняком. Он был, по существу, одним из немногих в то время книжников, в основе деятельности которых лежали главным образом идейные мотивы»³⁸.

Литераторы пушкинской поры, как мы убедились, в равной мере чтили Сленина и Смирдина. А вот Фаддей Булгарин Сленина не жаловал. Сетовал, что литераторы собирались в его лавке, чтобы «...рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры»³⁹.

Умер Сленин в 1836 г. Книжная лавка перешла к его приказчику И. И. Бородину. Но это уже был обыкновенный коммерсант...

Глава IV
**„К ВОЛЬФУ ЗАГЛЯНЕШЬ —
ДОСТАНЕШЬ.“**

Больше всего на свете он любил рыться в книжных развалах. Чего там только не было! Старинные издания в тяжелых переплетах, с гербами, какие-то брошюры в синих обложках, постановления Сейма и авантюрные романы о похождениях крестоносцев... Среди товарищей по варшавской гимназии Маврикий (Мауриций) Вольф прослыл «книговедом». Все свои карманные деньги он тратил на книги.

Варшавские букинисты заметили любознательного мальчугана, встречали его радушно, отпускали книги даже в долг.

Когда Маврикию исполнилось 12 лет, он уже твердо решил: буду торговать книгами.

Отец — известный варшавский врач — не был в восторге от планов сына и настаивал, чтобы он закончил прежде всего учение. После окончания гимназии, пятнадцатилетний юноша поступил в варшавский книжный магазин Глюксберга. В нем торговали старой польской книгой, изданиями французских и немецких фирм.

В 1840 г. Вольф отправляется в деловое путешествие по Германии и Франции. Практикуется в модных книжных магазинах Лейпцига и Парижа. Некоторое время служит у знаменитого французского книготорговца Боссанжа. Теперь можно было приступить и к собственному делу.

И вот снова Польша, Краков, Вильно, Львов.

У Маврикия Осиповича Вольфа можно было приобрести самые последние польские и европейские новинки. Но изданий сочинений польских писателей было очень мало. И Вольф начинает новое дело.

Выпускает несколько книг польских историков и поэтов. Самый любимый писатель Вольфа — великий Адам Мицкевич. Вольф знал и любил цитировать на память по-польски его стихи и поэмы. А многие ли поляки могут прочесть его сочинения?

В Польском царстве, которое целиком под властью Российской империи, прослыть польским патриотом небезопасно. Да и покупателей найдется не так много.

Вольф был человеком энергичным и предприимчивым. Задумав что-то, обязательно стремился исполнить. И в начале 50-х годов М. О. Вольф переезжает в Петербург. Здесь не было недостатка в торговцах книгами: издательским делом занимались Базунов, Исаков, Глазуновы. Был еще жив «великий» Смирдин.

Вольф внимательно присматривался к жизни столицы. Завел некоторые полезные знакомства. В Петербурге жило немало поляков — офицеров, студентов. Появились среди них и друзья. Начинать надо было осторожно, осмотрительно.

Приглянулся Вольфу магазин иностранных книг Я. А. Исакова в Гостином дворе. Дело было знакомое. Поступил к Исакову приказчиком, представив блестящие рекомендации Боссанжа, Брокгауза, Глюксберга. Исаков по достоинству оценил молодого управляющего, который сумел в короткий срок сделать его магазин центром иностранной книжной торговли в России. Но совместная работа Исакова и Вольфа продолжалась недолго. Вскоре Вольф отделился и завел свое собственное книжное дело. «Первого октября 1853 г., — вспоминает сотрудник Вольфа, писатель С. Ф. Либрович, — среди невзрачных тогда лавочек Гостиного Двора в Петербурге, в самом центре его Невской, или, так называемой, Суконной линии, открылся первый устроенный, до известной степени, на западноевропейский лад магазин: с большими окнами-витринами, изящным входом, приличной обстановкой. Вывеска над магазином — на двух языках, русском и французском, гласила: „Универсальная книжная торговля Маврикия Осиповича Вольфа“»¹.

Книжное дело Вольфа сразу же пошло в гору. И не удивительно.

В 1855 г. умер внезапно Николай I. Это было воспринято в русском обществе радостно. «Великие перемены ожидают Россию» — записал в дневнике Лев Толстой 1 марта 1855 г.²

Поражение России в Крымской войне свидетельствовало о том, что отсталая помещичье-крепостническая система хозяйства изжила себя. Правительство под нажимом общества вынуждено было приступить к долгожданным реформам. И самая существенная из них — крестьянская. Демократический подъем охватил все слои

общества. Повсюду было заметно оживление — собрания, диспуты, споры. Открывались новые предприятия, книжные магазины, библиотеки, типографии. Возрос выпуск книг, газет, журналов. Цензура стала мягче, появилась возможность издавать такое, о чем в николаевское время и мечтать было нельзя.

Книжная торговля Вольфа шла все успешнее. Его магазин располагал обширным ассортиментом отечественной и зарубежной книги. Здесь можно было приобрести любую иностранную новинку.

Напротив Гостиного двора — Публичная библиотека. По дороге читатели обязательно заглядывали в универсальный книжный магазин на Суконной линии.

Сочинили даже куплеты:

В Публичную пойдешь — не найдешь.

К Вольфу заглянешь — достанешь.

Вольф был молод и смел. Среди его знакомых были и такие, которые, как оказалось, состояли в тайных обществах, участвовали в польском восстании 1863 г. Вольф если не все знал, то кое о чем догадывался, но в «дела» эти не вмешивался, так как в вопросах политики был осторожен. Это не мешало ему быть в курсе всех новых веяний — в науке, литературе, искусстве. Особенно внимательно присматривался к тому, что читает образованная публика, что идет на книжном рынке. Почувствовав себя «крепко» на ногах, Маврикий Осипович решил вновь заняться выпуском книг.

В 1856 году он обзаводится собственной типографией, которая вскоре становится одной из крупнейших в столице.

Появились, наконец, и первые вольфовские издания. В 1863 г. вышли в свет две поэмы Адама Мицкевича — «Валенрод» и «Гражина». А в 1882 году выходит первое посмертное издание сочинений великого польского поэта. Мечта М. О. Вольфа осуществилась.

Вольф издавал все то, на что есть спрос, что может пойти, в чем нуждается петербургское образованное общество. В первую очередь, художественная литература. Затем — книги по философии и истории: эта литература была особенно популярна у интеллигенции. Читали такие книги студенты Университета, слушатели Хирургической и Лесной академий.

В 60-е годы стали необычайно популярны естественные науки — биология, физиология, ботаника, геология, география. Повсюду читались лекции, устраивались диспуты. Одним из самых популярных в русском обществе было имя Чарльза Дарвина.

И Вольф всячески содействовал развитию интереса к естественным наукам, выпускал немало книг по естествознанию. Серьезные научные труды, популярные книжки, роскошные альбомы по искусству и книги для детей — все издавал Маврикий Осипович Вольф, все это шло, раскупалось, приносило доход.

Вольф говорил: «Моя мечта была распространить как можно больше книг, покрыть страну огромною массою книг»³. Прославиться через книгу, покрыть себя «славою благодетеля человечества», издавая книги, продавая их.

Мечта в общем сбылась. Писатель Н. С. Лесков, знавший Вольфа лично, острил: «Маврикий — единственный царь русской книги, его армия разбросана от Якутска до Варшавы, от

Риги до Ташкента, в его руках судьба литературы»⁴.

Вольфу помогал и случай. Разорился Ф. В. Базунов. Начал дело удачно, выпустил немало полезных книг — а вот ведь не удержался! «Базуновское наследство» — выпущенные Базуновым, но не разошедшиеся издания — перешли к новому владельцу, расчетливому Вольфу.

И другой случай. Бежал от долгов и преследований цензуры и полиции за границу Николай Львович Тиблен — популярный в начале 60-х годов петербургский либеральный издатель и книготорговец. Говорили, что в его типографии печатались нелегальные прокламации... Перед отъездом Тиблен большинство начатых, но не завершенных изданий, продал Вольфу. Надо было расплатиться с неотложными долгами⁵.

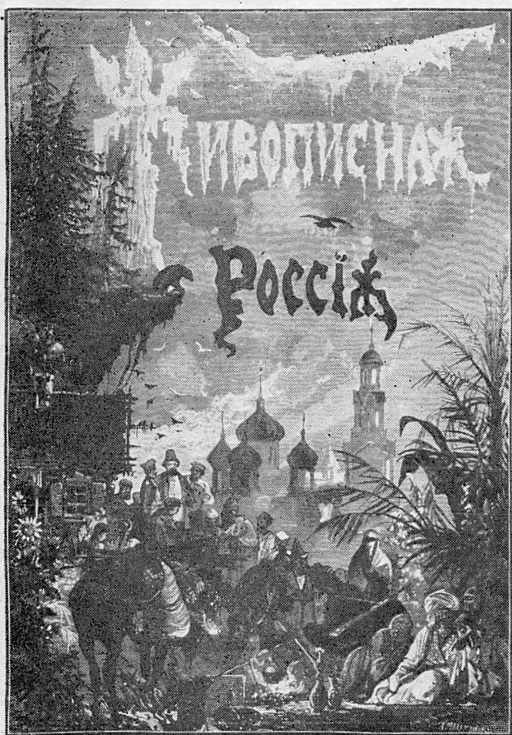
В 60—70 годы Вольф предпринимает ряд изданий просветительских трудов русских писателей и историков-демократов.

Выпуск «Всемирной истории» Ф. К. Шлосера, которую начали издавать революционеры братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, а редактировал Н. Г. Чернышевский, Вольф завершил уже после ареста всех тех, кто был причастен к этому изданию. Он издал также «Историю цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля, «Историю новой философии» Куно Шифера, «Вращение жизни в природе» Я. Мошотта, издания, начатые еще Тибленом совместно с рядом участников революционного подполья 60-х годов. Цели, конечно, у издателей-просветителей и у Вольфа были разные. В руках революционных демократов издаваемые ими книги выполняли пропагандистскую роль. В руках же Воль-

фа это были лишь ценные исторические, философские, естественнонаучные труды, которые охотно читались в передовых кругах русского общества. Никаких пропагандистских задач он перед собой не ставил. Отдадим однако должное и Вольфу. Он как бы там ни было, завершил дело, начатое «идейными» издателями-шестидесятниками.

Обратимся к другим изданиям Вольфа. Особо замечательно одно из них — «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Издание в полиграфическом отношении выполнено тщательно, даже с роскошью. Двадцать книг крупного формата в золотом обресе, богато иллюстрированных. В каждой из них — масса познавательного материала. Написано живо, часто очевидцами — выдающимися русскими учеными, географами, путешественниками, писателями. Для редактирования «Живописной России» были привлечены замечательный ученый и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский, литературовед и библиограф С. А. Венгеров, известный историк Н. И. Костомаров, писатель В. И. Немирович-Данченко.

Только в начале 90-х годов, уже после смерти Маврикия Осиповича Вольфа, было завершено это многотомное издание. Средств в него было вложено много, но расчет издателя на этот раз не оправдался. Издание расходилось медленно. Русский читатель еще не привык к подобному типу издания. Да и стоило дорого. В результате Вольф понес на «Живописной России» убытки. Ценность издания определялась другим. Оно содействовало ознакомлению русских людей со своим Отечеством. Инициатива Вольфа

*Переплет издания М. О. Вольфа
„Живописная Россия“*

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

№ 1. 1870

ЗЕМЛЕВОДЪ, ИСТОРИЧЕСКОЕ, ПЛЕМЕННОЕ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И БЫТОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА.

ВЪВЕДЕНІЕМЪ РЕДАКТОРА ПЕРВАГО ДОПОЛНИТЕЛЬНАГО ПЕРИОДА

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ВРЕНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. *(Продолженіе)*

СЪ 208 РИСУНКАМИ ИЗЪ ТИПОВЪ № 20 ОТДѢЛЕННЫМИ КАРТИЦАМИ, РЕЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ПОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

МОСКВА.

Петербургъ. 1870. № 1. 1870.

Москва. 1870. № 1. 1870.

1870.

Титульный лист „Живописной Россіи“

Спасъ Евфимъ.
Евфимъ Евфимъ.

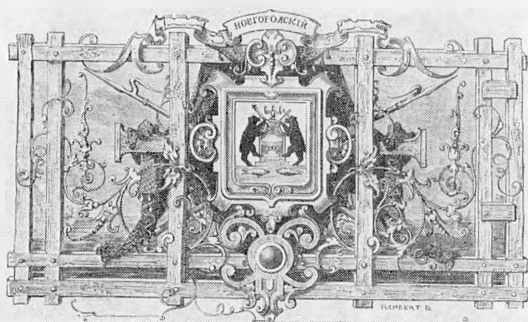
Троица Покровска.
Антониевъ монастырь.

Тавлатъ башня.
Парламентъ монастырь.

*Издание М. О. Вольфа „Северная Россия“.
Фронтиспис.*

СЪВЕРНАЯ РОССИЯ.

Озерная или древляно-новгородская область.

ПЕРВОЕ НОВГОРОДСКАЯ, С-ПЕТЕРБУРГСКАЯ, ПОСЛЕДНЕЕ И ОБОИХЪ

Титульный лист „Северной России“.

привлекала внимание других издателей. Швейцарец А. Ф. Девриен, обосновавшийся в Петербурге, продолжил дело, начатое Вольфом, выпустив многотомный труд под названием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». И на этот раз издатель не просчитался. Всему свое время.

Пришлась по душе читателям-помещикам «Карманная хозяйственная библиотека» Вольфа. Это были серии «наставлений и руководств по части сельского хозяйства», в каждой по 20 томов.

До революции трудно было отыскать такой интеллигентный дом в Петербурге, Москве или в губернском центре, где не стояли бы на полках томики в красном коленкоровом переплете с рельефным тиснением на нем — из вольфовской «Библиотеки знаменитых писателей».

Мы помним успех смирдинской серии «Полного собрания сочинений русских авторов». Глазуновы выпустили «Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе». Базунов в начале 60-х годов предпринял серию «Библиотека современных писателей». Популяризовать творчество русских писателей было почетно, важно, но в те времена не всегда еще прибыльно для издателя. Дворянская публика часто предпочитала своим, «доморощенным» писателям модных иностранных авторов, читатель из народа долгое время пробавлялся лубочными поделками. Это про такую именно литературу писал Н. А. Некрасов:

Эх! Эх! Придет ли времечко,
Когда (приди, приди, желанное!..)
дадут понять крестьянину,
что розь портрет портретику,
что книга книге розь?

Когда мужик не Блюхера
и не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
с базара понесет?

«Времечко», о котором мечтал великий русский поэт-демократ, пришло не сразу и не скоро.

Вольф издавал не для народа, для «общества». Издавал так, чтобы не ссориться с цензурой, с властями и чтобы иметь прибыль.

Такова и «Библиотека знаменитых писателей». Кто они эти «знаменитые», русские писатели по представлению Вольфа? Н. И. Гнедич, М. Н. Загоскин, В. И. Даль, А. Ф. Писемский, П. М. Мельников-Печерский. Действительно, известные писатели, читают их и сегодня. Но обратите внимание: нет в этом перечне ни Л. Н. Толстого, ни Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, ни тем более Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Г. И. Успенского... Случайно? Нет, конечно. Все авторы, которые попали в «Библиотеку знаменитых писателей», приемлемы для царской цензуры, не были «опасны» для властей. Правда, это и не реакционные черносотенные авторы, вроде какого-нибудь Крестовского или Ключникова. Либерализм Вольфа не позволял ему иметь дело с такими литераторами. С. Ф. Либрович не без основания писал: «...среди громадного количества изданий Вольфа... не было ни одного заведомо реакционного, пошлого, вредного, вообще не было ничего такого, что могло дать крупные барыши, но вредило бы репутации издателя»⁶.

Один раз все же погоня за «модой» подвели Маврикия Осиповича. Он купил у известно-

го писателя 60-х годов Н. С. Лескова рукопись романа «Некуда» и опубликовал его в своей «Библиотеке...». После выхода романа в свет разразилась буря. Прогрессивная общественность протестовала. Роман был воспринят как злобный пасквиль на революционеров. Лесков зло писал о «крутых, костоломных поворотах, во имя теорий». «Был застой; потом люди проснулись, ну, поддались несбыточным увлечениям, наделали глупостей, порастеряли даром людей (это намек на аресты — И. Б.), но все ведь это было человеческое, а это что же? Воевать с ветряными мельницами, воевать с обществом, злить понапрасну людей и покрывать это именем какого-то нового союза»⁷.

Так по или против воли писателя его роман представил в черном цвете революционеров вообще, их действия. Романа «Некуда» писателю Лескову передовая Россия простить не могла. Досталось и М. О. Вольфу — издателю.

Сотрудник Вольфа, писатель С. Ф. Либрович рассказывает: «Уже спустя несколько дней по выходе „Некуда“, Вольф начал получать анонимные письма с угрозой, что если он не уберет этого романа с витрины своего магазина, и не перестанет о нем публиковать, и вообще его продавать, то весь его книжный магазин будет сожжен, обращен в пепел, уничтожен.

Встревоженный Вольф поехал к Лескову.

— Сколько вы получили писем? Всего четыре? — спросил Лесков, выслушав рассказ Вольфа, — а вот я получил их больше десятка и продолжаю получать каждый день. Вам угрожают только сжечь ваш магазин, а меня хотят избить, застрелить, повесить. Но все это еще ничего сравнительно с теми обвинениями, которые бро-

сают мне в лицо, будто я написал мой роман по заказу полиции и получил за него даже из этого источника крупный гонорар!»⁸.

А вообще в глазах читателя и властей Вольф был вполне «благонамеренной» фигурой. В то время, как многих издателей, книгопродавцев и владельцев типографий привлекали к суду за выпуск книг «вредного направления», а сами книги конфисковывались, сжигались, перемалывались на бумажную «муку», все, что выпускал Вольф, проходило через цензурный комитет беспрепятственно. Да и к чему было придрататься? Однажды случай едва не поссорил издателя с цензурой. «Виновницей» оказалась книжка самого невинного свойства: это был перевод с английского небольшой детской повести «Вечер у Мисс — Рыжей шерстки». К героине книжки — кошечке по прозвищу «Мисс — Рыжая шерстка» пришли гости, и среди них Кот-Бурый. Художник изобразил его в форме английского капитана морской службы с орденом на груди. Скандал! В цензуре это расценили как оскорбление представителя флота дружественной России державы! Книжку арестовали, взяв с Вольфа подписку, что он распространять ее не будет. Теперь это издание — библиографическая редкость первой величины. Ее нет даже в Публичной библиотеке в Ленинграде.

Много разных книг издал за свою жизнь Маврикий Осипович Вольф. Были среди них и дорогие подарочные издания — крупные фолианты, тисненные золотом, богато иллюстрированные: «Картинные галереи Европы», «Фауст» Гете, «Божественная комедия» Данте. В них использованы репродукции с картин и рисунков самых известных художников мира. Достаточно

Данте. „Божественная комедия“.
Титульный лист

**„Дума за думой“. Памятная книга на каждый день.
Издание М. О. Вольфа. Иллюстрация: июль.**

назвать хотя бы великолепного французского иллюстратора Гюстава Дорэ. Его иллюстрации к «Божественной комедии» были напечатаны в русском издании с подлинных французских гравюр. Право на их воспроизведение Вольф приобрел у французского издателя Мама.

Однако, книг, которые стали бы подлинными шедеврами искусства, у Вольфа почти не было. В качестве примера удачно иллюстрированного издания, выпущенного Вольфом, можно привести небольшой сборничек, под названием «Родные отголоски». Эту книжечку можно сравнить с музыкальным альбомом «Времена года» Чайковского: на каждое время года — стихи, и каждая страница иллюстрирована — заставки, концовки, орнамент на полях.

Книжка выходила дважды: в 1875 г. с иллюстрациями И. С. Панова (напечатана была в Париже), и второе — вольфовское — вышло в 1880 г. с рисунками того же Панова и популярного в 70—80-х годах художника Н. Н. Каразина. Сошлемся на авторитетный отзыв чл.-кор. АН СССР А. А. Сидорова: «...решающее значение для общего впечатления об издании имеет иллюстрированная гравюра. Панов рисует буквы как будто они сделаны из дерева. В иллюстрации к стихотворению „Ласточкино гнездо“ мы ясно видим, что задачей художника было создать единое живописное целое и из пейзажа, и из буквы, и из декорации... „Отголоски“ — новое книжное достижение 70—80-х годов. Во втором томе, посвященном Украине, талантливый Н. Н. Каразин строит инициалы из граблей и растений так, что почти невозможно определить, какая должна быть изображена буква. «Красота» понимается как декоративность, удобочитае-

Гнѣздо ласточки.

шнать вода, реветь ручьемъ,
На мельницѣ — и стукъ, и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ,
Что мостъ живой, весь ночь дрожить...

*Иллюстрация из сборника „Родные отголоски“.
Издание М. О. Вольфа*

Дедушка Мазей.

... И разъезжая за дровами
Въ дождь пошла — ихъ много съ рѣки

Иллюстрация из сборника „Родные отголоски“

мость оттеснена на второй план. Таков дух времени⁹.

А. А. Сидоров выделяет еще два «вполне высококачественных издания» Вольфа с гравюрами иностранных художников. Это «Конрад Валленрод» Мицкевича и «Волшебные сказки» Ш. Перро в переводе Тургенева с рисунками Гюстава Дорэ. Книга печаталась в Лейпциге. Вольф даже намеревался заказать Дорэ иллюстрации к лермонтовскому «Демону». К сожалению, заказ исполнен не был, так как художник вскоре умер. Издание не состоялось.

Была еще одна сторона деятельности Вольфа — это книги для детей. Здесь ему не было равных.

Я вспоминаю свое детство. Отец приносил нарядные, в красном переплете с золотым тиснением книжки — «Робинзон Крузо», «Хижина дяди Тома»... От них невозможно было оторваться. На переплете значилось — «Т-во М. О. Вольфа». Тогда я еще не знал, кто такой этот Вольф. Но имя запомнил.

А до революции дети, пожалуй, не знали лучшего подарка на Новый год, день рождения, именины, чем эти яркие и завлекательные вольфовские книжки. Они выходили в сериях — «Золотая библиотека», «Зеленая...», «Розовая», «Русская...», «Нравственные романы для юношества», «Библиотека юного читателя», «Наша библиотека».

Вольф первым в России стал выпускать подарочные издания для детей. Идею подсказали французские и немецкие издания — Этцеля, Ашетта, Таухнитца. Все лучшее, что было создано в мировой литературе и вошло в круг детского чтения, опубликовано в вольфовских

подарочных сериях: «Сказки 1001 ночи», сказки Г. Х. Андерсена и Ш. Перро, романы и повести В. Скотта, Майн Рида, Ф. Купера, Ж. Верна, В. Гюго и многое другое. Это была классическая литература. Немало было выпущено, правда, и не столь художественных, но, надо отдать справедливость, увлекательных, остросюжетных книг, которыми зачитывалось не одно поколение детей — приключенческие боевики Гюстава Эмара и капитана Мариетта — об индейцах, пиратах, таинственных пещерах, американских трапперах...

Не забыл Вольф и о самых маленьких: для них печатал юмористические книжки с картинками, вроде современных комиксов — «Степка-рас-трепка», «Маша-разиня».

В 1876 г. в издательстве Вольфа стал выходить специальный детский журнал «Задуманное слово». Читали его и дети, и родители. На этот раз Вольф не поскупился, пригласил сотрудничать в новом журнале лучших педагогов, детских писателей. И журнал получился живой, поучительный.

Современники называли Вольфа «первым книжным миллионером». Известность его была велика.

В 1883 г. Маврикий Осипович Вольф умер. Но созданная им фирма продолжала существовать вплоть до 1917 г. Теперь это было паевое «Т-во М. О. Вольфа». Направление издательской деятельности сохранилось таким, каким было при жизни Вольфа.

С 1897 г. выходили знаменитые «Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф». В журнале, помимо библиографических сведений, помещались статьи о книжной торговле.

истории книги, хроника, письма читателей. В далекой сибирской ссылке, в Шушенском, его выписывал В. И. Ленин, ценил за то, что в «Известиях...» можно почерпнуть немало полезных сведений о новинках литературы. «Журнальчик Вольфа, по началу, недурен и дешев баснословно» — отмечал В. И. Ленин¹⁰.

*История с сапогами
или «канальский немец»*

Осенью 1859 г. в Россию прибыл никому не известный молодой человек, предусмотрительно запасшийся авторитетными рекомендациями. Звали его Адольф Маркс.

С любопытством и не без страха вглядывался Маркс в незнакомую страну. Был он беден, почти нищ, но было желание работать, была энергия, напористость.

Страна бурлила. Ждали отмены крепостного права. Радостные лица, свободные (не слишком ли?..) речи, уверенность в глазах, в движениях. Все чувствовали себя «накануне» великих событий... Что-то принесет освобождение?

Адольф в тонкости политической жизни России не вникал. Надо было определиться.

Маркс устроился в заведении книготорговца Ф. А. Битепажа. Заведение в Петербурге было известное, солидное. Адольф работал добросовестно и вдумчиво. Однажды он предложил хозяину открыть иностранный отдел. Тот согласился. И когда открыли — покупателей прибавилось, и дела фирмы пошли резко в гору.

Пять лет провел Маркс у Битепажа.

Ему шел уже 27 год, а он все еще оставался приказчиком. Давно присматриваясь к фирме

Вольфа, Маркс решил предложить свои услуги Маврикию Осиповичу и был принят в иностранный отдел.

Все устраивало Вольфа в новом приказчике: трудолюбие, расторопность, ум. Вот только одно: одет неказисто, изношенные старые сапоги...

Как-то Вольф пригласил Маркса к себе в кабинет.

— Получите, «авансом». На сапоги... Нельзя же в таких показываться покупателям.

Маркс смутился, но взял протянутые ему Вольфом несколько бумажных ассигнаций. В расписке значилось: «Дано Марксу на сапоги шесть рублей»¹¹.

Вольф, как и Битепаж, не торопился предоставить молодому приказчику самостоятельное поле деятельности. Бывали между ними и стычки. Уж очень норовист, самонадеян был Маркс.

Окончательный разрыв состоялся в 1865 г. Когда Маркс уходил, Вольф с досадой заметил, что из него все равно «ничего не выйдет». «— Ну, это мы еще посмотрим», — возразил уверенный в себе Маркс¹².

Прошло несколько лет.

Фирма Вольфа процветала. У Маркса же дела не ладились, он перепробовал не одну профессию: был воспитателем и преподавателем немецкого языка, конторщиком в Главном обществе российских железных дорог — пока в 1869 г. не смог наконец вернуться к любимому занятию — к книгам.

Идея появилась давно. В родной Германии пользовались успехом журналы для «семейного чтения». В них и фотографии, и корреспонденции, и стихи, и повести. «Gartenlaube», например, был очень популярен в бюргерской среде.

Не попытаться ли выпустить нечто подобное для русского читателя? Издаются, правда, в России иллюстрированные журнальчики — «Стрекозы», «Будильники». Но это не то. Оформление плохое. Мало интересных, познавательных статей. Маленькие тиражи.

Маркс посчитал свои сбережения, кое-что занял в долг. Составил проспект. Главное управление по делам печати утвердило.

В 1870 г. в Петербурге появился новый журнал. На титульном листе крупным шрифтом было вытеснено заглавие «Нива. Иллюстрированный журнал для семейного чтения».

Маркс долго думал, каким должен быть его журнал. Прикидывал и так, и этак. Старался учесть все до мельчайших деталей.

Главное в журнальном деле — читатель. Надо, чтобы он «клюнул». Маркс сразу ориентировался на образованную публику: городскую интеллигенцию — чиновников, учителей, врачей; состоятельное купечество, провинциальных помещиков. Теперь, в пореформенное время, таких читателей будет с каждым годом все больше. Развивается промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Образованные классы — источник широкий, надежный.

Журнал должен быть прежде всего разнообразным по содержанию. Действительно, мы находим в «Ниве» все: беллетристика и очерки — исторические и особенно много географических — о путешествиях по разным странам и городам, о жизни разных народов; есть и популярные статьи «по наукам и искусствам»; можно найти полезные советы по части медицины, хозяйства. В разделе беллетристики много переводных «модных» романов, повестей, рассказов,

Нива, 1870. Титул

«чтение» для отдыха. Встречаются и более серьезные произведения, например, «Воскресение» Л. Н. Толстого, «Гуттаперчевый мальчик» Д. В. Григоровича, рассказы И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. П. Чехова. Правда, не они здесь делали «погоду».

Зато иллюстративная часть «Нивы» по-настоящему хороша. Масса фотокорреспонденций о важнейших событиях в мире, и самое привлекательное — репродукции с картин и рисунков выдающихся художников: И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина, В. В. Верещагина, И. Е. Репина, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря.

Такую репродукцию можно вырезать и в рамке повесить в гостиной, кабинете. «Ниву»

можно рассматривать как альбом, любоваться репродукциями из Эрмитажа, Лувра, Британского музея. Читатели были благодарны Марксу — им был важен не расчет издателя, а сам факт — приятный целесообразный. Художественные репродукции выпускались и в виде «премий» к журналу. Вот как отзывался о них историк русского искусства П. П. Гнедич: «В медвежьих углах и захолустьях, где скверный московский лубок является предметом роскоши, премия „Нивы“ была своего рода откровением... Появление в глуши таких картин, как „Бабушкина сказка“ и „Гусляр“ Маковского, „Зимний вечер“ Клевера, „Сосновый лес“ и „Березовая роща“ Шишкина, „Демон“ и „Тарас Бульба“ Зичи — были своего рода эпохами. Это были оригиналы, по которым дети учились рисовать, — это была школа для целого подрастающего поколения»¹³.

Предприимчивая мысль Маркса работала неустанно. А как тут было не изобретать, когда вокруг столько конкурентов — Вольф, Суворин, в Москве идет в гору Сытин...

Главная забота, по-прежнему, читатель. Как сделать так, чтобы подписка на «Ниву» росла из года в год? Чтобы приток подписчиков не оскудевал?

Родилась простая, но поистине гениальная идея. Читателя нужно «премировать», и таким образом, чтобы он при этом не ощутил никакого подвоха, никакой спекулятивной подоплеки. Самая лучшая премия — книги, сочинения любимых писателей. Так возникла мысль о приложениях к «Ниве».

Подписка на журнал резко возросла. Вскоре ежегодный тираж «Нивы» достиг поистине

астрономической для своего времени цифры — 250 тысяч экземпляров. Ни один журнал в России до этого не издавался таким тиражом. Деньги потекли — тут только поворачивайся!

Пора было обзаводиться собственной типографией, и Маркс построил ее — самую крупную в то время: в ней работали в две смены 700 рабочих; а во всей фирме трудились около 1000 человек.

В 1901 г. «Правительственный Вестник» с гордостью писал: «Чтобы сразу отослать все 12 миллионов номеров „Нивы“, 2 820 000 книг „Литерат. Прил.“ и 5 640 000 „сборников“ „Нивы“, печатаемых ежегодно, пришлось бы отправить один за другим 11 товарных поездов по 20 вагонов в каждом. Если же кому вздумалось бы разгрузить эти вагоны и разложить все листы рядом вплотную друг за другом, то получилась бы бумажная полоса десятивершковой ширины, длиною в 100 000 верст; ею можно было бы почти три раза опоясать весь земной шар; она десять раз улеглась бы по всему сибирскому пути — от Петербурга до Владивостока; ее хватило бы протянуть 165 раз от Петербурга до Москвы»¹⁴.

Маркс разбогател. Теперь сам Вольф мог бы ему позавидовать. В роскошной гостиной в доме Маркса на самом видном месте, под портретом царя, висели... сапоги.., те самые сапоги, которые были куплены на «аванс», пожалованный Вольфом. Подарок оказался, в самом деле, на счастье!

...Выходила «Нива», а к ней приложения. За десять лет, с 1894 по 1904 год (год смерти А. Ф. Маркса) вышли в свет в качестве приложений полные собрания сочинений М. В. Ломо-

носова, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Г. И. Успенского, И. А. Гончарова, Н. С. Лескова, Г. П. Данилевского. Печатались в этой серии и сочинения иностранных авторов — Ж. Б. Мольера, Э. Ростана, Г. Гейне, М. Метерлинка, О. Уайльда. Собрания сочинений печатались и помимо приложений: А. А. Фета, А. Н. Плещеева, А. К. Толстого, К. М. Станюковича, Я. П. Полонского и др.

Как же так? Ведь издание собраний сочинений требовало немалых средств, а издавались они (приложения) бесплатно? Неужели бескорыстие Маркса было столь велико?

В этой связи процитируем письмо В. И. Ленина, отправленное из сибирского села Шушенское 24 апреля 1898 г. В нем говорилось: «Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе „Ниву“. Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Тургенева, обещанное „Нивой“ в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой! Соблазнительно очень. Если только Тургенев будет издан сносно (т. е. без извращений, пропусков, грубых опечаток), тогда вполне стоит выписать»¹⁵.

Все дело в том, что Маркс, как расчетливый и весьма педантичный делец, добивался прежде всего — увеличения числа подписчиков на «Ниву» и добился этого с помощью приложений. Цена на журнал была повышена незаметно для читателя и так, что она, учитывая возросший тираж журнала, не только покрывала все расходы на издание, но и давала прибыль.

Как издатель, Маркс был прижимист. А. П. Чехов в своих письмах называл его не

иначе, как «хищный тигр», «канальский немец». Известно, что у замечательного писателя, великодушного человека, отличавшегося бескорыстием и деликатностью, Антона Павловича Чехова были основания для таких нелестных отзывов.

Лев Николаевич Толстой очень любил Чехова, пророчил ему великую будущность, следил за его литературными успехами. Однажды он посоветовал Антону Павловичу попытаться издать собрание своих сочинений. Стали подыскивать подходящего издателя, и тогда старый товарищ Чехова, литератор П. А. Сергеев, порекомендовал ему обратиться к А. Ф. Марксу. Соглашение состоялось, и в 1899 г. Маркс приобрел у Чехова право литературной собственности на все его сочинения за общую сумму в 75 000 рублей. Чехову, который в это время крайне нуждался в средствах, показалась эта сумма достаточной и спасительной. Однако вскоре стало ясно, что Маркс весьма «сэкономил» на этой операции. Правда, к чести Маркса надо сказать, что он единственный среди русских издателей того времени заключил контракт с Чеховым, но его условия все же были не выгодны для писателя. Забеспокоились прежде всего друзья Чехова. А. М. Горький и другие писатели попытались было «усоветить» Маркса, убеждали его расторгнуть кабальный для Чехова договор, исправить «невольную... несправедливость». К 25-летию юбилею А. П. Чехова было составлено коллективное письмо, которое предполагалось отправить А. Ф. Марксу. В нем говорилось: «В настоящий момент, когда вся Россия готовится праздновать четвертьвековой юбилей А. П. Чехова, с особенной силой выдвигается вопрос, который в последнее время болезненно

интересует русское общество и товарищей Анто-на Павловича. Дело заключается в поразитель-ном и недопустимом несоответствии между дея-тельностью и заслугами Антона Павловича пе-ред родной страной, с одной стороны, и несобес-печенностью его материального положения — с другой... Мы знаем, что за год, протекший с момента договора, вы несколько раз успели по-крыть сумму уплаченную вами А. П. Чехову за его произведения: помимо отдельных изданий, рассказы Чехова, как приложения к журналу „Нива“, должны были разойтись в сотнях ты-сяч экземпляров и с избытком вознаградить вас за все понесенные вами издержки. Далее, при-нимая в расчет, что в течение многих десятков лет вам предстоит пользоваться доходами с со-чинений Чехова, мы приходим к несомненному и печальному выводу, что А. П. Чехов получил крайне ничтожную часть действительно зарабо-танного им.»¹⁶

Под письмом стояли подписи — А. М. Горь-кого, Ф. И. Шаляпина, Л. Н. Андреева, А. С. Се-рафимовича, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова, И. А. Бунина и других известных деятелей рус-ской культуры.

Но отправке письма воспротивился сам Че-хов: запоздалый «торг» с Марксом — коробил. Он говорил друзьям: «Я своей рукой подписы-вал договор с Марксом, и отрекаться мне от него неудобно. Если я продешевил, то, значит, я ви-новат во всем: я наделал глупостей. А за чужие глупости Маркс не ответчик. В другой раз буду осторожнее»¹⁷. И только в личных письмах пи-сатель позволял себе «отливать душу», честил «канальского немца». Когда один знакомый ему литератор — В. Л. Кигл-Дедлов захотел было

подписать с Марксом или кем-либо другим из издателей контракт на издание своих сочинений, Чехов ему отсоветовал: «...что Вам за охота за-кабальять свои сочинения, повторять ту же ошибку, которая заставляет меня теперь ежеминутно почесываться? Не проще ли самому издать свои сочинения?»¹⁸ А в письме к И. И. Горбунову-Посадову, написанному на следующий же день после заключения договора с Марксом, Чехов признавался: «И этот договор представляется мне теперь собачьей конурой, из которой глядит злой, старый, мохнатый пес»¹⁹.

Маркс, угадав в Чехове восходящую звезду первой величины, не ошибся. И хотя всегда для Маркса на первом месте был издательский расчет, коммерческое предприятие, все же, выпустив первое собрание сочинений Чехова, он оказал тем самым неоценимую услугу русской литературе и читающей публике.

Маркс приобрел авторские права и у других писателей и их наследников: Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, П. И. Вейнберга, К. М. Станюковича, А. К. Толстого и др. Их сочинения были выпущены в свет и в качестве приложений к «Ниве», и отдельными изданиями.

Кроме «Нивы» и сочинений русских и европейских писателей, Маркс издавал и многое другое. Здесь он во многом подражал Вольфу — своему учителю и конкуренту. Под издательской маркой Маркса выходили книги по естествознанию, искусству, географические атласы. Печатал он и подарочные роскошные издания: «Потерянный и возвращенный рай» Д. Мильтона, «Фауст» и «Лис Патрикеевич» И. Гете, «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Историю искусств» П. П. Гнедича и др.

Крупный формат и объем, масса репродукций, массивные тисненные переплеты. Вот как выглядело, например, одно из таких изданий — «Мертвые души» Гоголя: тяжелый том большого формата, тщательно оформленный усилиями многих иллюстраторов, 560 иллюстраций и виньеток. Гелиографюры были заказаны в Вене, авто-типии — в Штутгарте. Шрифт изготовлен в знаменитой словолитне Лемана. Бумагу поставила Красносельская фабрика Печаткина. Массивный переплет по эскизу Н. И. Бажина имел кожаный корешок и матерчатую крышку, тисненные золотом и масляными красками. Стоил том 14 рублей золотом. Оценивая это издание, А. А. Сидоров пишет: «Значение для нашего времени он не сохранил. Создать „художественную поэму“ 12-ти художникам не удалось. Историк обязан отметить невероятный разноречивый разрыв между иллюстраторами и оформителями тома»²⁰.

Маркс, как, впрочем, и другие крупные издатели до революции, не поднимался в своих изданиях до подлинного искусства книги. Маркс говорил, например: «Я всегда держался такого правила — вместо того, чтобы издать две тысячи экземпляров книги по пятнадцати рублей, я издавал пять тысяч по семи. И редко ошибался в расчете. Если бы даже мое пятнадцатирублевое издание все разошлось с успехом, — я более был бы счастлив, распространив ту же книгу в двойном количестве экземпляров, но по цене вдвое более дешевой»²¹.

«Книжный вестник» несколько подобострастно писал в 1904 году, отмечая кончину Маркса, что он «сделался генералом в издательской армии и, умирая, оставил миллионное дело, дома, типографии и громкое имя»²².

Писатель Леонид Андреев пошел еще дальше утверждая, что издание «Нивы» и приложений к журналу давало А. Ф. Марксу «право на вечную благодарность со стороны русского народа»²³. Сказано несколько высокопарно, но ведь, действительно,— не будь А. Ф. Маркса и его изданий, многие читатели так и не дотянулись бы до большой русской литературы.

Специалисты отмечают невысокий уровень текстологической подготовки изданий Маркса (в них было немало искажений, пропусков). Были в этом отношении и более образцовые издания. Но не забудем и того, что из приложений к «Ниве» составлялись целые домашние библиотеки, а сами книги читались не одним поколением людей. И росла любовь к русской литературе, к чтению серьезных книг. «Генерал издательской армии» воевал на ниве культуры.

«Чего изволите...»

Это событие осталось памятно многим.

...Еще с ночи у дверей книжных магазинов «Нового времени» на Литейном проспекте, Невском и в других кварталах Петербурга выстроились огромные очереди. Утром, идя на работу, в присутственные места, многие недоумевали: с чего бы это — такая толпа людей? А когда выяснялось, что ожидается распродажа «дешевого» Пушкина, удивлялись еще более. Газеты того времени писали: «Такого дня не было никогда. Книжный магазин... подвергся решительной осаде. Несмотря на то, что приняты были меры, усилен состав приказчиков, экземпляры запакованы были заранее, толпа сказала в этом случае как хорошими своими, так и дурными сторо-

нами. Еще до открытия магазина стояла толпа, с минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, давка были и смятение. Приказчики и артельщики сбивались с ног; некоторые из публики взлезали на столы, забирались за прилавки, сами хватали сдачу. К 11 часам, магазин представлял картину разрушения — в углах, за прилавками, были беспорядочно нагромождены груды различных книг, которых не успели во-время прибрать с прилавка, разломана мебель и повержена на пол, конторка с кассой опрокинута, конторские книги измяты и растоптаны... С помощью полиции магазин был закрыт и публику стали пускать частями, в очередь. Покупатели входили уже с заранее сжатыми в кулаки деньгами. Их прямо совали в карманы артельщикам, брали, что нужно, и уходили, пробираясь через толпу... В двенадцатом часу дня все 6000 экз., приготовленные на этот день, были проданы... „Сочинения Пушкина“ в издании Суворина печатались в количестве 15 000 экземпляров..., в Петербурге и других местах в один день продано одного этого издания до 10 000 экземпляров. Такого факта не было еще никогда с самого начала русской книжной торговли»²⁴.

Сегодня мы уже привыкли к очередям за книгами, за подписными изданиями, за сборниками любимых стихотворений, вообще, за хорошей книгой. Но это сейчас.

А тогда шел 1887 год. В стране царила реакция. Еще свежа была память о расправе над народовольцами. Многие притаились, боязливо оглядываясь по сторонам, подобно щедринскому «премудрому пискарю». В гору шли фабриканты, заводчики, банкиры. Либеральная интеллигенция вместо революции занялась теперь «малыми

делами» — открывали школы, больницы, мастерские. Народ жил тяжело, по-прежнему гнул спину на хозяев. По рукам ходили запрещенные народнические книжки — «Правда и Кривда», «Внушителя словили», «Хитрая механика». Но такое читать было опасно, за это карали. А в то же время тяга в обществе к хорошей книге росла. К хорошей и вместе с тем к дешевой, доступной. Еще Смирдин пытался удешевить книгу. Позднее пытались и другие, но добиться этого было нелегко. Не было еще достаточного круга читателей, которые бы нуждались в серьезной литературе; уровень образованности и культуры в целом по стране был еще низок. И книга — не шла. Затоваривались книжные склады. А это наносило ущерб издателю и книжной торговле.

После 1861 года положение стало постепенно меняться. Число грамотных людей росло, как и росла потребность в знаниях. На книжном рынке страны образовался как бы вакуум, который надо было заполнить хорошей и доступной по цене литературой.

Одним из первых это понял Алексей Сергеевич Суворин.

Сын крестьянина-«однодворца», он учился в кадетском корпусе и в специальных классах Дворянского полка, но по военной службе дальше не пошел. Учительствовал в провинциальной гимназии — преподавал географию в городе Боброве, одновременно подвизался на литературном поприще — печатался в различных журналах: корреспонденции, зарисовки из провинциального быта. В то время он слыл за либерального публициста, и его статьи печатали даже демократические органы, в том числе, «Современник». Общественный подъем 60-х годов вовлек

в свое русло и провинциального журналиста. Суворин, очевидно, искренне верил в свой обличительный талант — осуждал казнокрадство, взяточничество, произвол полиции. В 1866 г. вышел в свет сборник его статей под названием «Всякие. Очерки современной жизни». Сначала цензура пропустила, а потом спохватилась: взгляды молодого писателя показались ей чрезмерно радикальными. Автор осмелился высказать свое сочувствие «государственному преступнику» Н. Г. Чернышевскому (выведен в «Очерках» под именем Самарского), подробно была описана его гражданская казнь на Мытнинской площади. Эта сцена могла исторгнуть слезы у впечатлительного читателя, вызвать чувство протеста против его палачей. Книгу конфисковали и сожгли, а Суворина привлекли по этому делу к суду. Пришлось ему даже отсидеть в течение трех недель под арестом в военной гауптвахте. Правда, сразу же после покушения Каракозова на Александра II, когда книга была еще в типографии, Суворин, напуганный происшедшим, решил покаяться. Он направил письмо министру внутренних дел П. А. Валуеву, в котором писал: «Повесть моя была представлена в Цензурный комитет утром 4-го апреля. Вечером совершилось то событие, которое повергло в негодование и ужас всю Россию. Все сословия слились в одном чувстве преданности к государю и радости его спасению. Но при этом обнаружилось и некоторое разъединение, весьма естественное в такие напряженные минуты: никакому сословию, никакому кружку не хотелось, чтобы злодей принадлежал к их среде, и все стали указывать друг на друга; многие говорили, что злодей помещик или подкуплен помещиками. При этих

толках, которые были слышны уже вечером 4-го апреля, мне показалось совершенно несвоевременным выпускать мою книгу, в которой были резкие осуждения помещиков известной партии»²⁵. Письмо, однако, не помогло.

То ли суд подействовал на неокрепшее сознание молодого борца за справедливость, то ли он никогда по-настоящему им не был, только этот судебный политический процесс был последним в его жизни, и пути Суворина и его бывших друзей-радикалов разошлись.

Занимаясь журналистикой, Суворин внимательно присматривался к происходящему вокруг. Он понимал, что в условиях капиталистического развития, на путь которого вступила пореформенная Россия, одним из самых прибыльных занятий становилось книжное дело. Как-то в беседе с Вольфом Суворин высказал мысль: «Будь у меня капитал, я бы наводнил книжный рынок огромным числом книг. Странно, что у нас капитал так равнодушен к книжным предприятиям; ведь теперь после освобождения крестьян для русской книги открывается огромное поле»²⁶. Сказано все это было не случайно.

В Петербурге еще в 1867 г. была основана либеральная газета «Новое время». Владелец газеты — А. К. Киркор — не сумел сделать ее популярной. Она переходила из рук в руки, пока в 1876 г. «Новое время» не приобрел Суворин. Поначалу Суворин повел газету в либеральном духе. Не удивительно, что многие передовые русские деятели — литераторы, ученые, знавшие Суворина по его выступлениям в печати, как человека «порядочного», смелого защитника «униженных» и «оскорбленных» охотно согласились сотрудничать в новом органе.

Газета «Новое время» вскоре приобрела известность, тираж ее увеличился, она стала приносить издателю доход. Полученный капитал Суворин решает поместить в издание книг. В 1877 г.—год спустя после перехода газеты «Новое время» в его руки—Суворин покупает типографию, а вскоре открывает и собственный книжный магазин.

И вот тут наш издатель меняет свое лицо. Богатея на издательском и книготорговом поприще, он начинает менять убеждения. Это сказалось, прежде всего, на содержании газеты. Из органа либерального, обличительного она превращается в типичную буржуазную газету, а затем становится откровенно реакционным, с черносотенным оттенком, рупором русской буржуазии, беспринципным изданием «Чего изволите?», как язвительно писал Салтыков-Щедрин, одаривший также Суворина едкой кличкой «Молчалин».

Кому же было не понятно, что имел в виду сатирик, уподобляя Суворина пресловутому герою грибоедовской комедии.

Эволюции политических взглядов Суворина посвятил специальную статью В. И. Ленин. Статья была озаглавлена знаменательно—«Карьера». Ленин писал в ней: «...начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции,—вот чем начал Суворин... во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу „найти себя“ и найти свою дорожку лакея,

награждаемого громадными доходами его газеты „Чего изволите?“»²⁷

Суворин проделал эволюцию весьма типичную для представителей буржуазной интеллигенции. «Бедняк, либерал и даже демократ в начале своего жизненного пути; миллионер, самодовольный и бесстыдный хвалитель буржуазии, пресмыкающийся перед всяким поворотом политики власть имущих в конце этого пути»²⁸. От беспринципного издателя «Нового времени» отвернулись вскоре все те передовые писатели, которые раньше охотно печатались в его газете. Быть «суворинцем», «нововременцем» стало неприлично, позорно. Сюда шли люди, вроде продажного журналиста К. П. Буренина, о котором злословили в литературных кругах:

Бежит по улице собака,
идет Буренин тих и мил.
Смотри, городской, однако,
чтоб он ее не укусил.

Сам Суворин относился ко многим явлениям российской действительности критически. Об этом свидетельствуют его дневники: «Какие тяжелые условия печати!.. Только похвалы печатаешь с легким сердцем, а чуть тронешь этих „государственных людей“, которые, в сущности,— государственные недоноски и дегенераты, и начинаешь вилять, и злиться в душе на себя и на свое холопство, которое нет возможности скинуть»²⁹. Но в газете своей об этом он предпочитал молчать. Сознательное, циничное «холопство» перед самодержавием, перед властью имущими— такова была линия поведения Суворина как издателя «Нового времени».

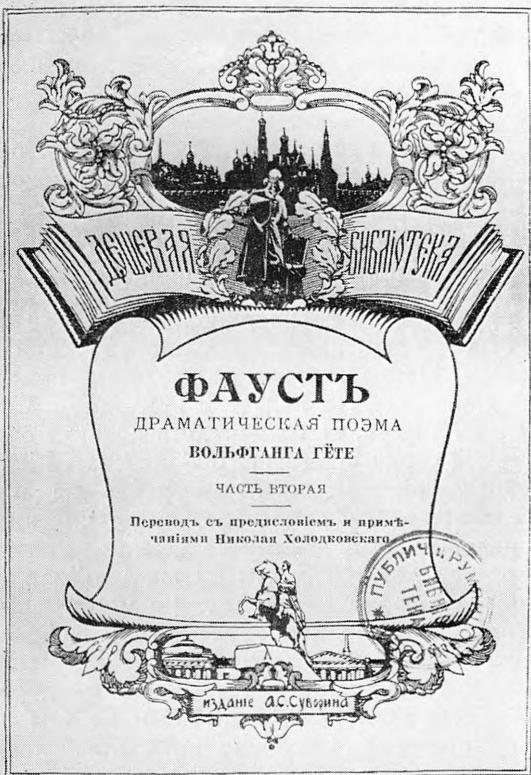
Царскому правительству суворинская газета, как и ее издатель пришлись по душе. Суворин

делал вид, что этого не замечает. Фрондировал. Известно, например, что он отказался даже от Станислава с лентой, который ему пожаловало правительство «за заслуги». Хотел хотя бы таким образом сохранить в глазах общественности обличие «порядочного» человека.

Но в одном ему надо отдать справедливость: Суворин, если судить о нем по тем многочисленным книгам, которые были выпущены его фирмой, выглядит весьма прогрессивным, даже демократичным издателем, культуртрегером. Попробуем разобраться во всем этом.

Первое издание Суворина вышло в 1872 г. Это был составленный им лично «Русский календарь». Потом появились и другие книжки. Но подлинная слава издателя приходит к Суворину в 80-е годы, когда началось издание общедоступной серии «Дешевая библиотека». Ничего подобного русский читатель ранее не знал. Прежде всего, она отличалась от прочих книжных изданий своим внешним видом.

Вот как выглядели эти книжки: небольшого карманного формата, в $\frac{1}{64}$ долю листа, в твердых коленкорových или картонных с бумажной оклейкой переплетах, пестрые — коричневые, зеленые, красные, синие, они стоили не дороже 40 копеек и печатались большими по тем временам тиражами. Особенно привлекало содержание этих книг: в каждом выпуске сочинения русских писателей, античных классиков, произведения иностранных авторов. Приведем несколько цифр, свидетельствующих о беспримерном успехе издания: до 1 января 1900 г. было напечатано 4 млн. экземпляров книг «Дешевой серии». 300 из 450 названий книг, выпущенных за это же время Сувориным, пришлось на долю

„Дешевая библиотека“ А. С. Суворина.
Титульный лист

*Стихотворения А. Кольцова,
изданные в серии „Дешевая библиотека“*

этой серии³⁰. Успех был колоссален. Именно «Дешевая библиотека» приносила Суворину основной доход, позволяя печатать и многое иное.

В этой именно серии и вышел в 1887 г. «дешевый» Пушкин. 10 компактных томиков удобного формата тиражом 100 тысяч экземпляров каждый.

Была еще одна отличительная черта Суворина, как издателя. Современники злословили, что Суворин наживается на «покойниках». Говоря так, они имели в виду, что Суворин, как правило, в серии «Дешевая библиотека» печатал сочинения лишь давно умерших авторов, которые — ни они сами, ни их наследники — не могли уже предъявить свои авторские права на гонорар: Эсхил, Софокл, Эврипид, Гете, Новиков, Пушкин...

И в случае с изданием Пушкина, Суворин остался верен себе, так как в 1887 году истек срок авторского права наследников А. С. Пушкина. Суворин знал это и первым выпустил дешевое издание сочинений поэта.

Кроме «Дешевой» библиотеки Суворин издавал «Научную дешевую библиотеку», «Новую библиотеку». В серии исторических мемуаров о России вышли «Описания путешествия в Московию» Адама Олеария и сочинение английского посла при дворе царя Федора Ивановича Д. Флетчера «О государстве Русском». Известностью пользовались подарочные издания Суворина, выпущенные им книги по искусству: «Историческая портретная галерея», «Эллада и Рим», «История Петра Великого», «Императорский Эрмитаж», «Рембрандт», «Антоний Ван Дейк».

В справочно-библиографическом отделе Публичной библиотеки в Ленинграде целый стенд занимают справочные адресные книги, которые впервые стал издавать ежегодно Суворин: «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петербург». В них можно найти самые различные сведения: адреса, телефоны, рекламные объявления. Справочники и сегодня сохраняют свою ценность, исследователи нередко обращаются к ним, находят в них нужные им сведения.

Однажды Суворин изумил даже издававших виды людей: в 1888 г. он выпустил «крамольную» книгу — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Почти 100 лет эта книга находилась под запретом, в 1858 г. ее издал за границей Герцен в своей Вольной русской типографии. Пытались было издавать «Путешествие...» и в России, но цензура препятствовала. В 1872 г. книгу Радищева выпустил известный библиограф и библиофил П. А. Ефремов, но издание было уничтожено на основании постановления Комитета министров.

И вот Суворин, издатель «Нового времени», выпускает факсимильное воспроизведение первого издания «Путешествия», напечатанного самим Александром Николаевичем Радищевым в 1790 году! Правда, печаталась книга исключительно «для знатоков и любителей» в ста (все-го!) экземплярах и стоила, в зависимости от формата и бумаги (слоновой или японской), от 25 до 60 рублей за экземпляр. Книгу буквально расхватали в два дня.

Таков был Суворин — «самодовольный хвалитель буржуазии», как назвал его, и справедливо, В. И. Ленин; издатель черносотенного «Нового времени» и в то же время — радищев-

ского «Путешествия», «Дешевой библиотеки», множества других полезных и ценных книг.

«Двуликий Янус»? Конечно, стремился к наживе, благополучию. Но если оценивать деятельность Суворина объективно, то делал, как книгоиздатель, полезное дело: пустил в народ серьезную дешевую книгу, содействовал развитию народного просвещения, культуры.

Фирма Суворина была вне конкуренции. Да и как можно было конкурировать, если у Суворина, с разрешения правительства, было личное контрагентство, которое занималось торговлей произведениями печати на железных дорогах. Не существовало до революции в России такой станции или полустанка, на которых бы не было киоска «Нового времени», и это — помимо суворинских книжных магазинов в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону.

Среди книжных миллионеров Суворин был одним из самых крупных.

После Октября капиталистические книжные фирмы были закрыты, принадлежавшие им типографии и книжные магазины перешли в руки государства. Прекратилось существование и акционерного общества «Новое время», которое было создано еще в 1911 г., за год до смерти его основателя. Так сошла со сцены фирма А. С. Суворина — человека незаурядного, беспокойного и противоречивого, прозванного, не без основания, современниками «Наполеоном русского книжного дела».

Глава V
**МОЛОДЫЕ ШТУРМАНЫ
ГРЯДУЩЕЙ БУРИ**

«Последний маркиз Поза»

В конце 50-х — начале 60-х годов XIX века Россия переживала серьезный экономический и политический кризис. Тяжким бременем легла на народные массы Крымская война. Шеф жандармов князь А. Ф. Орлов докладывал Александру II: война «чрезвычайно тягостна для России; рекрутские наборы, ополчение, остановившаяся торговля умножают нужды и бедность»¹.

В народе росло возмущение. С 1851 по 1861 г. в стране было зарегистрировано 591 крестьянское волнение. Крепостная система изжила себя. Страх перед революцией побуждал царское правительство пойти на отмену крепостного права. «Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу»². Эти слова принадлежат Александру II.

В 1861 г. крепостное право рухнуло. Но народ был обманут. Крестьяне не получили всей земли, на котсрой они работали. Среди них

вспыхнули новые волнения. Возмущалось студенчество. «Освобождение» дружно осудили вожди революционной демократии во главе с Н. Г. Чернышевским и А. И. Герценом.

В Петербурге, Москве и в других городах страны возникают тайные кружки и общества. В них объединяются революционно настроенные разночинцы, молодежь. В. И. Ленин писал: «Падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»³.

Самой крупной революционной организацией 60-х годов было тайное общество «Земля и воля». Оно строилось по принципу пятерок». Только одному из «пятерки» были известны представители другой «пятерки». Конспирация была жесткая.

Во главе тайного общества стояли в России — Н. Г. Чернышевский, братья Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Александр Слепцов, Николай Обручев, Александр Путята, в Лондоне — А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Между обоими центрами была налажена тесная связь.

Землевольты развернули активную пропагандистскую и агитационную деятельность. Завели тайные типографии, печатали прокламации и листовки. Наряду с нелегальной деятельностью «Земля и воля» использовала различные легальные формы борьбы — библиотеки, воскресные школы, культурно-просветительные общества.

Особое внимание уделялось изданию и распространению книг. В программном документе Н. П. Огарева «Цель, методы и организация

общества» в пункте 10-м предлагалось — «распространение здравых понятий, научных, теоретических и популяризация их во всех прикладных вещах. Для этого издание книг равно в Лондоне и в России...»⁴.

Нужны были люди...

Кто не знает Невский проспект? Особенно хороша солнечная сторона Невского проспекта. На ней всегда многолюдно, оживленно. Так уж повелось, начиная со Смирдина, что на солнечной стороне Невского проспекта располагались книжники, открывались книжные магазины, издательства. И сейчас здесь находятся Дом книги, Книжная лавка писателей, Военкнига...

Зимой 1862 г. на солнечной стороне Невского проспекта в доме № 24 открылся новый книжный магазин и при нем библиотека для чтения.

Хозяин магазина — «купец первой гильдии» Николай Александрович Серно-Соловьевич.

Необыкновенный это был купец.

...Началось это так. В кабинет петербургского генерал-губернатора графа А. А. Суворова вошел элегантно одетый молодой человек. Представился: купец первой гильдии Николай, сын Александров Серно-Соловьевич.

Суворов любил заговаривать на иностранных языках.

Увидев пристойного и благовидного купца, Суворов заговорил с ним по-французски. Серно-Соловьевич ответил. Суворов продолжил по-немецки. Серно-Соловьевич ответил.

— Кто вы такой? — повторил свой вопрос немного изумленный Суворов.

— Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

Суворов начал по-английски, Серно-Соловье-

вич ответил. Суворов задает ему вопрос по-итальянски и получает ответ.

— Фу ты! — говорит озадаченный Суворов, — да кто же вы такой?

— Купец первой гильдии Серно-Соловьевич.

— Где вы учились?

— В Лицее.

— Служили вы где-нибудь?

— Служил.

— Где?

— В Государственном совете.

Суворов совсем вышел из себя от изумления: ничего подобного он не мог себе представить⁵.

Да, такого «купца» в книжной торговле еще не было.

Родился Н. А. Серно-Соловьевич в Петербурге 13 декабря 1834 г. Мать — потомственная дворянка из рода Кириллиных. Отец получил дворянское звание за долгую службу в Сенате и в Военном министерстве.

В 1853 году Николай заканчивает Александровский лицей (бывший Царскосельский) с серебряной медалью.

На формирование его взглядов большое воздействие оказала героическая оборона Севастополя. Позднее он писал:

Две страсти знал я:

Любовь к свободе и к добру.

Я веровал в свое призванье

И с этой верою умру.

Я в людях только братьев видел,

Бесстрашно истины искал,

Всем сердцем рабство ненавидел

И тиранию презирал⁶.

Совершил кратковременную поездку в Европу, побывал в Германии, Бельгии, Франции.

В 20 лет он уже надворный советник и служит в Государственной канцелярии. Приводит в порядок материалы Главного комитета по крестьянскому делу.

В это время он еще полон либеральных иллюзий, верит в освобождение крестьян «сверху». В 1858 г. Серно-Соловьевич написал записку — «Очерк общего положения в государстве, очерк далеко не светлый» и собственноручно вручил ее царю. Александр II прочел, умилился и начертил: «В нашем молодом поколении много хорошего, истинно благородного. Россия должна много от него ожидать, если оно получит надлежащее направление, но иначе выйдет совершенно противное»⁷.

Царь велел председателю Государственного совета князю А. Ф. Орлову поцеловать Серно-Соловьевича. Это был, как показало будущее, поцелуй Иуды.

Серно-Соловьевич вращается среди петербургской передовой молодежи, много читает — произведения Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В одном из писем этого времени он признается: «„Современнику“ отдаю предпочтение перед „Русским вестником“; говоря собственно о политике, Чернышевского ставлю положительно во главе наших публицистов»⁸.

В 1860 г. Серно-Соловьевич снова едет за границу. В Лондоне сходится с Герценом и Огаревым. Лондонские изгнанники были им очарованы. Редкое благородство, самоотверженность, что-то рыцарское было в этом блестящем молодом человеке. С первого же свидания Герцен назвал его «маркиз Поза» (так звали благородного героя драмы Шиллера «Дон Карлос»).

«Вам, Н. А., последнему нашему Маркизу Позе, от всей души посвящаю этот очерк», — гласит сделанное Герценом печатное посвящение на статье «Император Александр I и В. Н. Каразин». Статья была выбрана не случайно, Каразин, подобно Серно-Соловьевичу и герою Шиллера, обратился к Александру I с письмом, в котором подробно изложил план государственных преобразований.

За границей Серно-Соловьевич напечатал на французском языке брошюру «Россия и Восточный вопрос» анонимно и уже под своим полным именем в Берлине исследование «Окончательное решение крестьянского вопроса». В предисловии к последнему он писал: «Я публикую его под своим именем, — потому что думаю, что пора нам перестать бояться... потому что тот, кто хочет правды и справедливости, должен уметь безбоязненно стоять за них»⁹.

Дерзость и благородство Серно-Соловьевича ошеломили даже III отделение. Там растерялись... и решили выждать. Искали нового, более удобного предлога для расправы.

В начале 1861 года Серно-Соловьевич вернулся в Петербург. Путь был выбран. Единственный, на всю жизнь. Предстояла борьба, тяжелая, может быть, кровавая. Борьба с жестокой несправедливостью за счастье народа.

Создавалась «Земля и воля» — тайный общерусский союз. Одним из его организаторов и руководителей был Николай Серно-Соловьевич — публицист, философ, поэт, драматург. Рыцарь идеи.

...И вот теперь — книжный магазин.

Серно-Соловьевич писал: «Книжную торговлю я избрал потому, что ее предмет — то про-

изводство, в умножении которого Россия наиболее нуждается, которое может сильно содействовать развитию народного образования»¹⁰.

Эти слова предназначались для легальной печати. Серно-Соловьевич сказал много, но не все. Речь шла о революционном просвещении народа. Но передовой русский читатель улавливал оттенки — привык читать между строк.

И. И. Панаев в «Современнике» по поводу открытия в столице нового книжного магазина писал: «Н. А. Серно-Соловьевич, имя которого должно быть известно читателям журналов, открыл Книжный магазин и библиотеку для чтения на Невском проспекте, в Доме Петропавловской церкви, в той самой квартире, где помещался некогда книгопродавец Лури.— Библиотека, приобретенная г. Серно-Соловьевичем, принадлежала некогда Ольхину. Она состоит из значительного количества книг и журналов.

Помещение прекрасное. В комнате для чтения посредине огромный круглый стол, ярко освещенный газовой лампою в несколько рожков. Эта комната отличается уютом и простором вместе, г. Соловьевич выписывает до сорока повременных изданий, и в том числе несколько иностранных журналов. Библиотека его будет пополняться с каждым годом, и дела новой книжной лавки будут ведены со знанием дела, с терпеливостью и аккуратностью, за что ручается нам уже одно имя просвещенного владельца библиотеки, к которому все наши известные литераторы и журналисты имеют полную уверенность и обещали ему свое содействие. У г. Серно-Соловьевича будут главные конторы всех изданий гг. Тиблена, Огрызко, Бакста, Ку-

лиша, „Русского слова“, переводы Всемирной истории Шлоссера и так далее.

Но что всего замечательнее — в магазине г. Соловьевича конкретными текущими делами будет, между прочим, заниматься дама, принадлежащая к обществу, которая отвергнув общественные предрассудки, решила взять на себя эту обязанность для того, чтобы быть полезной своему семейству. Эта новость утешительнейшая из всех наших новостей и имеющая большое значение.

Мы от всей души сочувствуем предприятию г. Серно-Соловьевича и искренне желаем ему полных успехов»¹¹.

Столичные читатели были поражены и обрадованы. Особенно молодежь. Участник освободительного движения 60-х годов Н. Я. Николадзе вспоминает: «Штаб-квартирою студенчества по закрытии университета стал книжный магазин и библиотека для чтения Н. А. Серно-Соловьевича... Тут мы имели возможность иметь все, что угодно... Здесь же можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и познакомиться с ними»¹².

Все привлекало читателей: и обширное помещение, и тщательно подобранный состав книг, и, особенно, необычные сотрудники владельца магазина. И ничего удивительного — все это были образованные люди, члены «Земли и воли», товарищи Серно-Соловьевича по Лицею — Александр Рихтер, Павел Апрелев, двоюродный брат Чернышевского Сережа Пыпин. Была и «дама», как писал И. И. Панаев. Это было вне правил и даже кое-кого шокировало. Дочь лексикографа

и знаменитого гитариста Н. П. Макарова Анна Николаевна Энгельгардт, жена артиллерийского офицера, впоследствии известного профессора-химика Александра Николаевича Энгельгардта. Служившие вместе с ним на одной батарее офицеры чуть было не вызвали Энгельгардта на дуэль. Такое тогда еще не прощалось.

О составе книжного фонда магазина мы можем судить по опубликованным Серно-Соловьевичем каталогам. Сквозь сухие и, казалось бы, бесстрастные библиографические сведения отчетливо проступает очень продуманная, очень ясная и целенаправленная программа осуществления плана легальной пропаганды, намеченная руководителями «Земли и воли». Писатели: Белинский, Чернышевский, Шевченко, Грибоедов, Лермонтов, Щедрин, Тургенев, Гончаров, Островский, Достоевский, Успенский, Марко Вовчок, Шекспир, Шиллер. Историки, социологи, философы: Н. И. Костомаров, П. В. Павлов, Д. И. Мейер, Шлоссер, Гервинус, Маколей, Д. Ст. Милль. Их ценили и популяризовали вожди революционной демократии. Естествоиспытатели: А. Н. Бекетов, Фогт, Бюхнер, Молешотт — «разносчики материализма», как их называл Энгельс. А то, что не могло идти в легальную продажу, шло тайно из рук в руки: «Колокол», «Полярная звезда», прокламации, листовки — «образованные приказчики», знали, как это делать, кому передать, чтобы не столкнуться с полицией. «Земля и воля» действовала.

Тайное общество пустило крепкие корни в провинции. Его «филиалы» существовали в Вятке, Перми, Казани, Харькове, Екатеринбурге, Одессе, Чернигове. Н. П. Огарев в письме к Н. А. Серно-Соловьевичу настойчиво убеждал:

«живая жизнь в провинциях. Если у вас нет корня в провинциях — ваша работа не пойдет в рост. Я даже рад, что Петербург не в силах ничего сделать, потому, что все, что он ни делает, будет иметь результат тот же — отместку провинций. Уясняйте цели провинциям, ищите друзей в провинциях. Вы только в провинциях встретите народ, а не мещан-извозчиков, для которых менее всего понятна коренная цель — земской земли...»¹³.

«Уяснять цели провинциям», сближаться с народом... Книжная торговля открывала для этого широкий простор. Внешне все выглядело в высшей степени «благонамеренно»: книги, просвещение — что можно было заподозрить в этом худого?

Связи у книжного магазина Серно-Соловьевича с провинциальными книготорговцами росли. Даже до Сибири доходили его книги. Велась и совместная книжная торговля. И самая прочная и эффективная — с Николаем Баллиным, женатым на сестре видного землевольца С. С. Рымаренко. Н. П. Баллин — последователь Чернышевского, социалист, организатор полугальных просветительских обществ на Украине — открыл книжный магазин в Харькове. Съездил в Петербург, договорился с Серно-Соловьевичем, выписывал его издания, у него же держал склад своих книг. Союз «хороших» людей — так именовали себя в 60-е годы революционеры-демократы — все более креп.

Но не дремало и бдительное око III отделения.

Подозрительным казался этот странный книготорговец из дворян, его магазин, приказчики, посетители. За ним установили слежку, под ви-

дом приказчиков и слуг засылали в магазин и на квартиру шпионов.

У Серно-Соловьевича было два торговых заведения. Кроме книжного магазина на Невском, книжная лавка и читальня на Обуховском проспекте, организованная совместно с Александром Слепцовым. III-му отделению удалось пристроить на место заведующего своего человека, некоего Ивана Федорова. Друг Серно-Соловьевича И. Г. Борщов заподозрил что-то, предупредил в письме: «На Ивана Федорова обрати внимание: есть повод думать, что с ним надо быть не слишком доверчивым. Вот еще образчик того, как можно ошибаться в человеке»¹⁴.

Тем временем торговля шла успешно. Приступил Серно-Соловьевич и к издательской деятельности.

Поэт-революционер М. И. Михайлов в 1860 г. передал Серно-Соловьевичу право на издание своих произведений. Вскоре Михайлова арестовали за антиправительственную пропаганду. И все же Серно-Соловьевич решает осуществить издание произведений поэта с его портретом. Он обращается в Петербургский Цензурный комитет за разрешением. Запросили III отделение. Князь В. А. Долгоруков ответил: «издание оных ныне я признаю несвоевременным»¹⁵.

Управление цензуры, ссылаясь на письмо главноуправляющего III-м отделением, постановило: «не допустить издания сочинений Михайлова, как государственного преступника»¹⁶.

Тогда Серно-Соловьевич осуществил задуманное издание за границей, воспользовавшись для этого своим пребыванием в Берлине летом 1861 года. Помог ему поэт-переводчик Н. В. Гербель. Сборник вышел под названием «Стихотво-

рения М. Михайлова. Подражание восточному. Из английских поэтов. Из немецких поэтов. С венгерского. С малороссийского. С польского. Народные песни. Берлин. Georg Stielke, 1862. 326 стр.»

Издание произведений «государственного преступника» было занесено в списки «недозволенных к обращению в России». Сборник распространялся нелегально. Так, минуя цензурные и полицейские препоны, доходили до русского читателя стихотворения Михаила Илларионовича Михайлова — талантливого поэта-революционера, замученного на каторге.

Немногое из задуманного успел издать Серно-Соловьевич. Но каждая книга примечательна.

Были изданы два сборника произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Невинные рассказы» (СПб., 1863) и «Сатиры в прозе» (СПб., 1863). На титуле значилось: «Издание книжного магазина Серно-Соловьевича». Великий сатирик знал Серно-Соловьевича лично, часто бывал в его магазине.

Другое издание связано с именем И. С. Тургенева. Это была повесть детской писательницы С. Буткевич (Буташевской) «Дневник девочки». В предисловии к ней Тургенев отметил: «Мы позволяем себе рекомендовать „Дневник девочки“ родителям и наставникам. Мысль, которая положена в основании книги г-жи Буташевской, которая состоит в том, чтобы, направляя внимание детей на окружающие их знакомые предметы посредством изучения этих самых предметов, открывать им постепенно весь тот мир, в котором они живут — эта мысль верна и правдива и едва ли не в первый раз — с такой полнотой и отчетливостью — применяется у нас»¹⁷.

Тургенев обещал Буткевич найти покупателя на ее рукопись. На следствии по делу Серно-Соловьевича писатель показывал: «Серно-Соловьевич, к которому я пришел после отказа двух или трех других книгопродавцов, купил у меня эту рукопись и напечатал ее впоследствии с моим предисловием»¹⁸.

Книжка Буткевич пользовалась успехом у юного читателя. Она несколько раз переиздавалась (в 1881 и 1897 гг.).

Начав с относительно невинных вещей, Серно-Соловьевич перешел к осуществлению главной цели: выпуску пропагандистских книг.

Печатать легально книги революционного содержания было нельзя. Цензура их не пропускала. Пришлось идти на хитрости.

В 1863 г. (уже после ареста Серно-Соловьевича) вышел подготовленный для печати «Сборник рассказов в прозе и стихах». В его составлении приняли участие видные деятели «Земли и воли» А. Д. Путья и Н. Г. Чернышевский (именно он определял программу сборника)¹⁹.

Внешне это было безобидное издание. Хрестоматия для народа, составленная из произведений (в отрывках) Некрасова, Щедрина, Никитина, Достоевского и других авторов. И хотя все авторы принадлежали к демократическому направлению, отобранные для сборника сочинения ранее были одобрены цензурой. На отбор же произведений сначала в цензурном комитете не обратили особого внимания. Впрочем, издатели на это и рассчитывали. А дело было в том, что отрывки подбирались таким образом, что у читателей сразу составилось представление о «развеселом житье» (так назывался отрывок из рассказа Щедрина) крепостных крестьян, дворовых,

рабочего люда, над которыми измываются помещики-самодуры и которых беззастенчиво грабят фабриканты, лавочники и трактирщики. Картины народной жизни, одна безотраднее другой, сменяют друг друга. У читателя, задумывающегося надо всем этим, невольно возникает вопрос, который и подсказывали составители сборника специально подобранной концовкой («Акулькин муж» — из рассказа каторжанина в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского): «Вот так люди гибнут! А ведь надо уже все сказать: ведь этот народ — необыкновенный народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли незаконно, безвозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват!»²⁰.

Это уже был призыв к возмущению. Но цензор не разобрался во всем этом. Крамолу почуяло более «дотошное» III отделение, когда сборник попал ему в руки. Тогда всполошилась и цензура и запретила выпускать сборник в свет. Пропустивший книгу цензор В. Н. Бекетов был уволен со службы.

Еще одна пропагандистская книжка, изданная Серно-Соловьевичем: «Букварь, составленный Советом С.-Петербургских воскресных школ. СПб., 1862». На титуле значилось — «Издание Л. Демиса». Но в действительности изданием букваря занимался Серно-Соловьевич, а составители его — землевольцы С. С. Рымаренко, А. Ф. Погосский и граф М. Я. Ростовцев, уволенный с военной службы за сотрудничество с Герценом.

В основу букваря положен рассказ, начинающийся словами: «Жители села Фокино жили худо...» В нем просто и доступно, в живой форме

рассказывается, как крестьяне этого села, которые долгое время «жили худо», овладев грамотой, начали жить светлой, содержательной жизнью: улучшился их быт, нравы, стало более сознательным их отношение к жизни. Попутно читателю внушается мысль о полезности общественной складчины, запасного капитала, чтобы «ссужать из него на поддержку хозяйств, разстроенных не по собственной вине хозяев». По чьей? Читатель догадлив...

Водит крестьянский паренек пальцами по словам и учится распознавать буквы, слоги, слова.

А для самостоятельного чтения: две сказки А. Н. Афанасьева, стихотворение А. В. Кольцова «Косарь», рассказ А. Ф. Погосского «Сибиретка», отрывок из рассказа И. С. Тургенева «Касьян с Красивой Мечи», стихотворение «В деревне» Н. А. Некрасова.

Неведомо было цензуре, что это лишь первая книжка из задуманной революционными демократами серии книг для народа. В целях пропаганды. В интересах революции.

И опять настороже «всеслышащие уши» III-го отделения.

Агентура предупреждала: «Продажа букваря исключительно поручена г. Серно-Соловьевичу и Сеньковскому»²¹. А это значит — держи ухо востро!

Что еще издал Серно-Соловьевич?

«Сборник песен Самарского края» В. Г. Варенцова, биографический очерк П. А. Бибикова «О литературной деятельности Н. А. Добролюбова», «Всемирную историю» Ф. Шлоссера, «Историю XIX века от времени Венского конгресса» Г. Г. Гервинуса.

Не на всех этих изданиях значится имя Н. А. Серно-Соловьевича. Приходилось таиться, маскироваться. В издании исторических трудов Шлоссера и Гервинуса принимали участие многие ученые, переводчики, писатели, журналисты — участники освободительного движения 60-х годов.

Показателен хотя бы титульный лист I тома «Всемирной истории» Шлоссера: Редактор — Н. Г. Чернышевский, издание — А. А. Серно-Соловьевича (брата Николая), типография — Иосафата Огрызко. Об этом сказано открыто. Это знает цензура. Но многое ей знать не дано: что это издание предпринято по инициативе Чернышевского в серии «Исторической библиотеки» «Современника» в пропагандистских целях. Чернышевский подчеркивал, что Шлоссер «вместе с Данте утверждал, что не народ существует для короля, а король для народа, подобно Лессингу видел счастье государства только в благосостоянии всех его членов, всякое же государство, в котором страдают отдельные члены и классы, он называл „покровом Тирании“»²².

Не ведала цензура, кто переводил Шлоссера (кроме указанных на титуле). А это были: Н. А. Серно-Соловьевич, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, В. А. Обручев, В. А. Зайцев. Многие из них уже были арестованы, осуждены, сосланы. «Всемирную историю» удалось завершить лишь в 1869 г. в издательстве М. О. Вольфа (уже под редакцией В. А. Зайцева). Да, книги имеют свою судьбу. Но это и судьба людей и часто, как мы убеждаемся, трагическая.

Многое задуманное, начатое Н. А. Серно-Соловьевичем, света не увидело. Стихотворения Т. Г. Шевченко, этнографические сборники

П. И. Якушкина и С. В. Максимова, рукопись «О коммунизме и социализме» (автор ее скрылся под криптонимом «Юрий Кост-ко»), «История мироздания» Бурмейстера, «Теория налога» Прудона, сочинения Герцена. Но важно, что все это было начато, что реализовался план легальной пропаганды.

Если бы только можно было работать, издавать. Если бы...

III отделение не дремало. Тайная агентура, осведомители, провокаторы трудились денно и нощно. Трудились, чтобы погубить руководителей тайного общества, дело революции.

В книжной лавке и в магазине Серно-Соловьевича на Невском проспекте устраивались облавы и обыски. Искали недозволенную литературу.

Внезапно без объявления причин, были закрыты на Невском проспекте книжный магазин и читальня. Из соображений конспирации пришлось закрыть также книжную лавку на Обуховском проспекте.

Шли аресты, обыски. В тюрьме томились М. И. Михайлов, Н. В. Шелгунов, В. А. Обручев.

Пожары, вспыхнувшие жаркой сухой весной 1862 г. в Петербурге, правительство использовало для расправы над «нигилистами», обвинив их в подстрекательстве. В столице было введено осадное положение. Были закрыты воскресные школы, народные читальни, клубы. Издание журналов «Современник» и «Русское слово» было приостановлено на 8 месяцев.

Правительство ждало удобного случая, чтобы расправиться с вождями революционной демократии. Повод быстро нашелся.

...Пароход подошел к пристани. На палубу вошел молодой человек и, держа в руках чемодан, медленно пошел к трапу. Неожиданно его окружили жандармы.

— Предъявите документы!

Задержанного звали Павел Ветошников. Он ехал из Лондона и вез в Россию письма Герцена, Огарева и Бакунина, адресованные революционным деятелям. Об этом по телеграфу донес из Лондона тайный агент полиции Г. Г. Перетц.

Ветошников был доставлен в Петропавловскую крепость. В его чемодане нашли письмо, написанное на имя Николая Серно-Соловьевича. В приписке к нему было сказано: «Мы готовы издавать «Совр[еменник] здесь с Черныш[евским] или в Женеве — печатать предложение об этом? Как Вы думаете?»²³.

Чернышевский и Серно-Соловьевич были арестованы. Это произошло 7 июля 1862 г. «Погром 62-го года... среди многих жертв поглотил в один день Н. Чернышевского и Н. Соловьевича, учителя и ученика!» Так писал землевонец Н. И. Утин в журнале революционной эмиграции «Народное дело»²⁴.

Пошли долгие месяцы и годы заключения.

Мужество и стойкость Серно-Соловьевича вызывали уважение даже царских судей. «Я дошел уже до той выработки себя,— писал из тюрьмы Серно-Соловьевич,— что единственный суд над моими поступками, имеющий для меня значение — мой собственный. Я же сам весьма доволен, что удалось никого не замешать и пережить два года тюрьмы, оставшись самим собой. Каторга меня не пугает.., на нее смотрю как на школу, суровую, но могущую быть во многом полезною»²⁵.

В письмах к матери 3 апреля 1865 г., читаем: «Я тверд и мужествен; я так покоен духом, как едва ли может кто-нибудь из преследующих меня. Суровая школа многому научила меня. Я нашел в себе силу понять многие свои ошибки и сознаться самому себе в них. Но при этом, проверив свои убеждения, остался верен им»²⁶.

Сенат вынес определение: лишить Серно-Соловьевича «всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на двенадцать лет, а затем поселить в Сибири навсегда»²⁷. Государственный совет, учтя просьбу матери, смягчил приговор, постановил поселить его в Сибири навсегда, не ссылая в каторжные работы.

По дороге в Сибирь Серно-Соловьевич разрабатывает план народного восстания. Шли переговоры между ссыльными русскими и поляками и революционным руководством. Но из-за предательства восстание было сорвано.

По дороге в Иркутск Серно-Соловьевич заболел тифом. Его, больного, подмяла под себя лошадь. До этого его избил ружьем жандарм за то, что он заступился за одного из своих спутников. В начале февраля (9 или 10) 1866 года Н. А. Серно-Соловьевич скончался. Потрясенный его гибелью, Герцен писал в «Колоколе»: «Благороднейший, чистейший, честнейший Серно-Соловьевич — и его убили... Последний Маркиз Поза, он верил своим юным, девственным сердцем, что их можно вразумить, он человеческим языком говорил с государем, он его тронул и... — и умер в Иркутске, изнеможенный истязаниями трехлетних каземат... Враги, заклятые консерваторы по положению, члены Государственного совета были поражены доблестью, простотой, геройством Серно-Соловьевича... Это

был один из лучших весенних провозвестников нового времени в России... И он убит...»²⁸

Серно-Соловьевич погиб, посвятив себя «делу свободы». Но не погибло само дело. Осталась память. Остались книги...

А что же с магазином? Какова его судьба?

После ареста Серно-Соловьевича он перешел в другие — верные руки. Преемники продолжили дело, начатое «последним маркизом Позой». О них — следующий наш рассказ.

«Черкесовская...»

20 марта 1862 г. Новгородской жандармерии было предписано проверить, действительно ли прибывший в Череповецкий уезд чиновник министерства государственных имуществ Александр Черкесов собирается распространять «вредные идеи и ложные понятия относительно прав владения землею»?

А вскоре были арестованы студенты Петербургской медико-хирургической академии Сергей Рымаренко, Юлий Гюбнер, Помпей Мультиановский и др. по обвинению в распространении прокламации «Чего мы хотим» и в попытке организовать подпольную типографию в имении Черкесова «для печатания воззваний к народу, имеющих быть выпущенными к тысячелетию России»²⁹.

Черкесова арестовать не успели. Он заблаговременно выехал за границу, сославшись на болезнь и необходимость посетить Лондонскую выставку.

...Александр Александрович Черкесов, сын урожденной княжны Девлеткильдиевой, был другом братьев Серно-Соловьевичей. Вместе с

ними он обучался в Александровском лицее и в училище правоведения. Затем служил в Государственной канцелярии и в Ярославской палате государственных имуществ. В 1860 г. Черкесов вышел в отставку «по болезни». Некоторое время он жил в доме Серно-Соловьевичей, а когда Николай открывал свой книжный магазин, проводил в нем целые дни, составляя каталог книг. Вступил в тайное общество «Земля и воля».

Все это стало известно III отделению. На посланное ему требование возвратиться из-за границы Черкесов отказался, сославшись, как и прежде, на «болезнь».

За границей Черкесов начал сотрудничать с Герценом и Огаревым, с русской революционной эмиграцией; содействовал польским повстанцам, участвовал в издании и распространении пропагандистской литературы. Он писал о себе Герцену: «Я переехал в Цюрих слушать лекции в Политехнической школе. Но это нисколько не охладило моей ревности к другой специальности — приносить посильную пользу своему родному делу... Сделайте одолжение, пришлите мне несколько строк, удостоверяющих, что Вы меня знаете как человека, готового честно работать для русского и польского освобождения»³⁰.

Особенная дружба соединила Черкесова за границей с Александром Серно-Соловьевичем. Тот мучался тяжелым нервным недугом. Черкесов ухаживал за ним, успокаивал, помог устроить больного в клинику.

В Петербурге книжное дело Серно-Соловьевичей после ареста Николая повел А. А. Рихтер. Дела шли туго, особенно тяготила Рихтера забота о продаже дома на Обуховском проспекте. Да и политикой заниматься уже не хотелось.

Рихтер писал об этом за границу, жаловался. Александр Серно-Соловьевич от всего этого страдал, нервничал...

Решено было заменить Рихтера, поручив ликвидацию дел более твердым людям. Предложили было заняться этим купцу Николаю Пестереву, близкому к революционным кругам, бывавшему у Герцена, но у того ничего не получилось³¹. Тогда за дело взялся Черкесов. В 1863 г. он внес на счет магазина 10 000 рублей и стал, по существу, его владельцем.

А когда Рихтер сообщил, что «дела лопнули», и просил прислать кого-нибудь для их сдачи, решено было, что Черкесов вернется в Россию³².

Прямых улик против него у III отделения не было. Надо было рискнуть.

...Поезд остановился у Вержболовской таможни. Черкесов сошел с подножки вагона, держа в руках саквояж и оглядываясь по сторонам.

К нему подошел офицер с двумя сопровождающими жандармами.

— Ваши документы!

Это произошло 16 августа 1865 года.

Черкесова взяли под стражу и доставили в III отделение.

Как и предполагалось, Следственная комиссия нашла, что нет юридических оснований для производства формального дознания. Сенат счел возможным освободить Черкесова на поруки, а затем и вообще освободил его от всякой ответственности, но с учреждением за ним негласного надзора.

Теперь можно было браться за дела. И среди них самое главное — книжный магазин на Невском проспекте.

Два года добивался Черкесов разрешения на торговлю, и лишь в 1867 году оно было, наконец, получено.

Для торговли снял новое помещение в доме № 54 по Невскому проспекту. Ранее здесь находился известный книжный магазин Д. Е. Кожанчикова.

За Черкесовым упорно следили, засылали в дом шпики под видом прислуги.

В 1866 г. III отделение доносило, что Черкесов «самый опаснейший в настоящее время деятель в противоправительственном направлении, ибо при уме и замечательной сдержанности, он обладает большими материальными средствами»³³.

После возвращения из-за границы Черкесов женился на Вере Ивашевой — дочери декабриста, сосланного в Сибирь.

Веру любил Николай Серно-Соловьевич. Он погиб. Вера отдала свою руку его другу. Это была замечательная женщина. Она помогала мужу в организации магазина, занималась переводами, литературным трудом.

Ее племянница О. К. Буланова-Трубникова свидетельствует: «Книжное дело Черкесов повел, преследуя те же цели, что и братья Серно-Соловьевичи: снабжение «здоровой книгой» студенчества и провинции по пониженным ценам, а при случае, при содействии надежных контрагентов и распространение запрещенной литературы»³⁴.

В 1868 г. Черкесов приобретает книжный магазин в Москве.

В следующем году к нему переходит библиотека и кабинет для чтения купчихи Крашенинниковой³⁵. Дело разрасталось.

Приказчиками у Черкесова стали нигилисты, участники подпольных обществ.

В магазине на Невском проспекте служил отставной инженер-поручик Василий Яковлевич Евдокимов. По отзыву III отделения, это был «совершенный представитель типа, известного под именем „нигилист“». Идеи свои Евдокимов выражал открыто и распространял всюду, «в видах чего занимался легковым извозом, не нуждаясь в насущном хлебе»³⁶. Очевидно, Евдокимов был членом «Земли и воли». В 1865 г. он принимал участие в учреждении Ишутинской «Издательской артели», которая служила официальным прикрытием революционного общества³⁷. Был связан с полулегальным «Рублевым обществом».

Московским магазином Черкесова ведал Петр Гаврилович Успенский — участник московских революционных кружков 60-х годов, один из учредителей тайного общества «Народная расправа», основанного С. Г. Нечаевым.

Полиция и жандармерия неусыпно следили за крайне подозрительными книжными магазинами, доносили, что сюда из-за границы поступают в большом количестве печатные воззвания и листки.

В 1869 г. полицейские нагрянули в магазин на Невском проспекте с обыском. Ничего не нашли.

Зато в Москве во время обыска на чердаке магазина было обнаружено 95 листов с изображением печати «Народной расправы» и жестяная коробка с подушкой и синею краскою для печати, в жерновой трубе — свинцовый набор, составляющий фразу «Русский отдел Всемирного революционного союза, бланка для публики»,

и две рукописи с изложением программы народного восстания, планировавшегося на весну 1870 г.

Уже во время следствия в стене, отделяющей книжный магазин от соседнего дома, была найдена медная печать с изображением топора и надписью: «Комитет Народной расправы 19 февраля 1870 г.»

Были арестованы все: Черкесов, Успенский с женою, Евдокимов. По делу нечаевцев было привлечено 152 человека. Правда, против 67 расследование было прекращено. В их числе оказались Черкесов и Евдокимов. Прямых улик и на этот раз не обнаружилось. 10 февраля 1870 г. Черкесов был освобожден под домашний арест.

Однако, преследования и обыски не прекратились. И понятно — Черкесов продолжал заниматься пропагандистской деятельностью, производил торговлю запрещенными книгами. Установил он также связь с революционным народническим кружком «чайковцев», поставлял им социалистическую литературу. При обыске в петербургском магазине в ноябре 1871 г. были найдены 300 экземпляров запрещенной книги «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского. Магазин был опечатан. «Все более и более подтверждается,— сообщал агент III отделения в июне 1872 г.,— что Черкесов производит торговлю запрещенными книгами, которые распространяет между студентами в Петербурге и Москве»³⁸. Конечно, дела магазина шли все хуже. Для его спасения понадобилось объединить усилия. В 1875 г. составили администрацию, в которую вошли: В. О. Ковалевский — муж Софьи Ковалевской, ученый и революционер, занимавшийся книгоиздательской деятельностью, либе-

ральный книгопродавец Д. Е. Кожанчиков и В. Я. Евдокимов. Начиная с 1876 г. в инспекторских отчетах значится фирма «Черкесов и К°».

Объединенный магазин в глазах современников был явлением глубоко идейным, чуждым коммерческого духа, хранителем демократических традиций 60-х годов.

Г. З. Елисеев, в прошлом член «Земли и воли», писал в 1876 г.: «Черкесов и Кожанчиков представляют редкое и, можно сказать, особенно счастливо комбинированное целое, и нет сомнения, что, если они будут дружно работать, для общей цели они могут вывести свои дела на хорошую дорогу»³⁹.

В 1877 г. Кожанчиков умер.

Спустя три года магазин Черкесова, перешедший после ликвидации товарищества в собственность В. Я. Евдокимова, прекратил свое существование⁴⁰.

Созданная еще Николаем Серно-Соловьевичем при магазине библиотека для чтения (она была известна теперь как «черкесовская») была приобретена Ольгою Николаевной Поповой.

Черкесов был не только книготорговцем. Еще в 70-е годы он занялся издательской деятельностью, выпустил ряд ценных книг по естествознанию, медицине, по социальным наукам. Издания Черкесова пользовались большой популярностью в передовых кругах русской интеллигенции.

Вторым изданием Черкесов выпустил «Историю XVIII столетия и XIX» Шлоссера. Воспользовался им, чтобы напомнить о Чернышевском. В первом томе «Истории...» перепечатал написанное Чернышевским «Предисловие к первому изданию». В уведомлении от издателей на-

поминалось о планах Чернышевского снабдить «Историю...» Шлоссера особыми примечаниями: «Это намерение,— писал издатель,— как известно, не было или не могло быть исполнено. Текст I-го издания сохранен здесь без перемен, потому что перевод был сделан весьма обстоятельно».

С именем Чернышевского связано еще одно издание Черкесова: книга «Париж и провинция 2 декабря 1851. Исторические этюды Эжена Тено и рассказ о перевороте 2 декабря (Из «Истории Крымской войны» А. В. Кинглека)». Сочинение Кинглека в свое время привлекло внимание Чернышевского и послужило основанием для составления «Рассказа о Крымской войне». Этот «Рассказ...» опубликован в десятом томе «Полного собрания сочинений» Н. Г. Чернышевского. Считалось, что при жизни автора рукопись света не увидела. Ссылка помешала Чернышевскому осуществить весь труд, были переведены лишь отдельные главы.

Я поинтересовался, сопоставил книгу, изданную Черкесовым, с «Рассказом...» Чернышевского. Оказалось, что первая глава из «Рассказа о Крымской войне» совпадает дословно с соответствующим разделом книги «Париж и провинция 2 декабря 1851». Они идентичны (за исключением нескольких редакционных, а возможно, цензорских поправок). Следовательно, Черкесов опубликовал эту главу еще при жизни Чернышевского, может быть, и с его согласия⁴¹.

С книжным магазином Черкесова связано и другое дорогое нам имя.

В 1872 г. в Петербурге, в издании Н. П. Полякова вышел I том «Капитала» Маркса. Тогда же он поступил в книжный магазин Черкесова. Объявление о его выходе Черкесов давал не-

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЕГО

СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНИИ

И

СРЕДСТВА КЪ ЕГО РАЗРѢЩЕНІЮ.

СОЧИНЕНІЕ ЭРНЕСТА БЕХЕРА.

ПЕРЕВЕДЕНО ПОДЪ РЕДАКЦІЮ П. Н. Ткачева.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

УСТАВОВЪ НАРОДНАГО БАНКА ПРУДОНА

И

УСТАВОВЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦІАЦІИ РАБОЧНЫХЪ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА.

1869.

*Э. Бехер. „Рабочий вопрос в его современном значении...“
Титульный лист.*

сколько раз в различных периодических изданиях. В переводе «Капитала» участвовали члены революционного, так называемого «Рублевого общества» — Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон, Н. Н. Любавин⁴². Черкесов проявлял к Марксу интерес и раньше. В 1869 г. он выпустил книгу Эрнста Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению». На книгу был наложен арест, а ее редактор и автор примечаний, публицист П. Н. Ткачев был привлечен заочно (он находился в это время за границей) к суду.

В обвинительном акте указывалось: «Социальная пропаганда в этой книге слишком ясно формулирована, даже без того замаскирования, к которому нередко прибегают к сокрытию своих предосудительных целей; г. Ткачев, не останавливаясь на достижениях Бехером своих идеалов усилиями правительственной власти указывает беззастенчиво от своего собственного лица на необходимость насильственных переворотов. В этом случае г. Ткачев остался совершенно верен тому кружку „Современника“ и „Русского слова“, к которому он принадлежал, когда издавались эти два журнала, и самое имя его, в появившейся книге, не может не иметь значения известного знамени»⁴³.

Предисловие и примечания были по постановлению суда сожжены. Ткачев был приговорен к тюремному заключению. Черкесова в это время в Петербурге не было, он находился за границей. Это избавило его от новых преследований.

Но один факт в книге Бехера прошел все же мимо глаз царского суда и цензуры. В качестве приложения в ней был напечатан «Устав между-

народной ассоциации рабочих» I Интернационала, написанный Марксом.

«Устав...» — первое произведение К. Маркса, появившееся в России в русском переводе. Издателем его был Черкесов.

Книжный магазин Черкесова значится издателем выпущенного в 1872 г. под редакцией П. А. Ефремова двухтомного собрания «Сочинений» А. Н. Радищева. Вошло сюда и «Путешествие из Петербурга в Москву», хотя и с пропусками. Ответственным за это издание был Н. П. Поляков, против которого и было возбуждено судебное преследование.

Комитет Министров 9 мая 1873 г. запретил «Сочинения», признав «распространение означенного издания вредным», ибо оно «заключает в себе не только резкие порицания всего государственного строя и существовавшего в России в конце прошлого столетия порядка управления, но и ожесточенные нападки на такие начала и учреждения, которые и доньше составляют основы нашего государственного быта и управления»⁴⁴.

Оба тома «Сочинений» А. Н. Радищева были уничтожены «посредством обращения в массу».

Даже книги для детей Черкесов использовал в пропагандистских целях. Об этом свидетельствует сборник «Детские рассказы и стихотворения. Для детей от 8 до 12 лет», автором которого был писатель-демократ В. И. Водовозов.

Текст рассказов сопровождается вопросами и замечаниями. В них-то вся соль.

К рассказу «Город и деревня»:

«Что значит ремесло, торговля?.. Что делают кухарка, носильщик, извозчик? Какие это люди, богатые или нет? Какая разница между богатым

и бедным? Так ли как ты живут крестьянские дети?»

К рассказу «Горка»:

«Когда ты имеешь право назвать вещь своею? Что можно сказать про вещи, добытые без труда?»

К сказке «Несмеяна-царевна»:

«А прав ли был бы работник, если требовал настоящей платы за труд? Прав ли был бы хозяин, если бы отказал ему в этой плате?»⁴⁵

Подобные вопросы можно было бы продлить.

Завуалированными пропагандистскими приемами В. И. Водовозов пользовался неоднократно. Он был мастером легальной пропаганды. Он выпустил немало книжек для народа. Но пропаганду вел тонко, маскировал ее, цензуре придаться к нему было трудно. Книжки печатались, а уж потом изымались из продажи.

Черкесов привлек в качестве редакторов, переводчиков и сотрудников видных деятелей демократического движения, участников тайных обществ, революционеров. С ним сотрудничали П. Н. Ткачев, Н. П. Поляков, В. О. Ковалевский, И. М. Сеченов, Л. П. Шелгунова, П. Д. Баллод.

Печатались все издания в «идейных» типографиях, принадлежавших прогрессивно настроенным людям — О. И. Баксту, Ф. С. Сущинскому, Н. А. Неклюдову, М. А. Куколь-Яснопольскому, А. М. Котомину, А. Ф. Головачеву. Это поистине было «артельное» дело — единомышленников, борцов против самодержавия.

...Когда царское правительство организовало большой политический процесс 193-х по делу пропагандистов-народников, Черкесов выступил на нем в качестве защитника.

И снова — в который раз! — последовал строжайший полицейский надзор.

«Лишь под старость,— пишет Буланова-Трубникова,— полиция, наконец, оставила его в покое, и он снова мог устроиться мировым судьей в провинции, что было для него крайне необходимо ввиду полного разорения»⁴⁶.

...Как-то автору этой книги довелось выступать с докладом в Публичной библиотеке, в Ленинграде, на заседании секции библиофилов. Речь шла о сестрах Ивашевых, об их участии в первой в России женской издательской артели. Среди присутствующих на заседании была и их племянница, внучка декабриста В. П. Ивашева — Екатерина Петровна. В 1976 г. ей исполнилось 100 лет! Выйдя на пенсию, она занялась изучением истории своей семьи, многие годы посвятила собиранию и изучению материалов о жизни и делах своего деда-революционера, его дочерей — передовых русских женщин⁴⁷.

Она-то и рассказала, что Черкесов последние годы служил в Ковно и затем в Шавле мировым судьей. Умер он в 1913 г., накануне первой мировой войны.

От нее же я узнал и о судьбе Василия Яковлевича Евдокимова. В последние годы жизни он служил управляющим 2-го общества конно-железных дорог в Петербурге, начальником парка в которых был отец Екатерины Петровны Петр Васильевич Ивашев, сын декабриста.

Умер Евдокимов в начале 1918 г., дожив таким образом до свержения самодержавия.

Глава VI
**В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
РАБОЧЕГО КЛАССА**

Эта книга открыла ему глаза на многое: в России появилась новая историческая сила — рабочий класс.

Он, болгарин, здесь в России будет бороться за свободу русского и своего народов. Студент естественного отделения Петербургского университета, Дмитрий Благоев, читал и перечитывал «Капитал», который вышел в России в издании Н. П. Полякова в 1872 г. Идеи марксизма захватили его. Стала ясна главная задача — пропаганда социализма среди рабочего класса, среди промышленного пролетариата, развитие его классового самосознания¹.

Шел 1883 год. В Женеве организована марксистская группа Плеханова. В России Благоев приступает к созданию социал-демократического кружка для пропаганды теории научного социализма. Рядом друзья, единомышленники — В. Г. Харитонов, Н. П. Андреев, П. П. Шатько, А. А. Герасимов, П. А. Латышев, В. А. Кугушев... Всего около 30 человек — студенты Университета, Технологического и Лесного институ-

тов. Назвали кружок «Партией русских социал-демократов».

Начали с пропаганды на заводах. Члены группы организовали кружки за Невской и Московской заставами, на Выборгской стороне и на Васильевском острове, в Невской части. Вели с рабочими беседы, читали им социалистическую литературу.

Решено было начать и собственную издательскую деятельность. Поначалу использовали гектограф — на этом простом множительном аппарате можно было напечатать до ста оттисков.

Напечатали на гектографе прокламацию об убийстве инспектора секретной полиции Г. П. Судейкина, а также биографию Софьи Перовской.

И сразу же взялись за основание собственной типографии. В. А. Кугушев съездил за оборудованием в Западный край. На новом станке напечатали брошюру «Хитрая механика», которая сразу стала популярной в рабочей среде. Автор ее — революционно настроенный студент В. Е. Варзар — об эксплуатации рабочих капиталистами рассказывал в ней просто, ясно, доходчиво.

Слушая пропагандиста Степана, герой рассказа рабочий Андрей рассуждает: «— Теперь понимаю... Как этим манером нас, простаков, господа да богачи надувают... Так это вот как! Хитрая же механика!..

— Эх, парень,— говорит Степан...— Какая там механика? Тут и механики-то никакой не нужно. Дневной грабеж. Станут, что ли бары да чиновники стыдиться, что мужика грабят? Эка невидаль! Совесть у них, брат, барская, прожженная... Без росказней берут и бьют. Да-

вай — и дело с концом... Ну, разве же это не разбой да не грабеж?»²

Завершался рассказ призывом свергнуть самодержавие, уверенностью в торжестве народного дела: «Когда придет час и подымется наш народ православный, пошлет против нас царь войска, станут бары с чиновниками да с богачами последний рубль ребром ставить, чтобы нас одолеть да раздавить. Ну, тогда пусть и от нас пощады не ждут. И впервые познаем, мы, что все мы братья, когда все грудью двинемся против них, своих заклятых врагов... А когда наш верх возьмет, то очистим мы Русь-матушку от всех ее мучителей. Тогда свободно нам будет установить наше крестьянское братство, где не будет ни моего, ни твоего, ни барыша, ни угнетения, а будет работа на общую пользу и братская помощь между всеми»³.

Но долго использовать печатный станок группе Благоева не удалось — полиция обнаружила типографию. Правда, члены кружка не пострадали.

Провал не обескуражил революционеров.

В 1884 г. в доме № 21 по Ропшинской улице (на Петроградской) в квартире В. Г. Харитонова была оборудована еще одна типография. Вот как ее описывает сам Благоев: «Наша типография была маленькая и примитивная. Толстая гладкая дубовая доска с рамкой такого же дерева, размером среднего формата газеты, покрытая толстым гладким сукном, над ним толстое гладкое стекло, поверх которого клали набранные страницы газеты. Газета печаталась ручным цилиндром. Это была наша типографская машина. Печатали днем, к вечеру все прятали на чердаке, под досками...»⁴

Газета, о которой пишет Благоев, называлась «Рабочий». Вышло всего два номера в 1885 г. Это была первая социал-демократическая газета в России. Через нее рабочие познакомились с программой бласоевской группы. Им нравился открытый, честный голос газеты. Она говорила с рабочими «на равных», серьезно, ставя перед ними важные политические задачи. Народнические книжки были как бы для «серых». Эта нет. Рабочие гордились «своей» газетой.

Удалось наладить связи с группой «Освобождение труда». Во втором номере «Рабочего» напечатали статью Г. В. Плеханова «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)», специально написанную для газеты, и статью П. Б. Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия». Из-за границы поступали социалистические брошюры. Благоевцы все использовали в своей пропагандистской деятельности. Сами печатали, кроме газеты, листовки и прокламации, выпустили обращение к рабочим, в котором сообщалось о революционном празднике швейцарских социалистов.

Благоевцы работали не только в Петербурге. Произведения Маркса, Энгельса, Плеханова они распространяли и в других городах — в Москве, Киеве, Одессе, Самаре. Саратове, Кременчуге, Туле. Действовали смело и решительно.

В 1885 г. Благоева арестовали и выслали за границу, «воспретив ему впредь возвращаться в пределы Империи...»⁵

Были схвачены и другие члены группы. Захватили и часть шрифта. К счастью, не весь. Потом его снова использовали для выпуска нелегальной литературы.

Марксистские группы появились в Москве — студенческое «Общество переводчиков»; в Казани — кружок Н. Е. Федосеева; в Петербурге в конце 80-х годов XIX в. возникла группа М. И. Бруснева. Это самая многочисленная по составу социал-демократическая группа того времени. Брусневцы вели пропаганду марксизма среди передовых рабочих. Охватили кружками (по 5—8 человек в каждом) несколько сот рабочих крупнейших фабрик и заводов Петербурга: Путиловского, Обуховского, Балтийского. Брусневцы полностью приняли программу группы «Освобождение труда». Они стремились к созданию самостоятельной партии рабочего класса. В 1890-91 гг. брусневцы участвовали в стачках на заводе «Новое Адмиралтейство» и на фабрике Торнтон. Тогда же было решено обратиться к рабочим с особым воззванием. Написанное с большим подъемом воззвание использовали и для сбора пожертвований в пользу стачечников.

15 апреля 1891 г. хоронили Н. В. Шелгунова — друга и соратника Чернышевского, публициста-демократа, друга рабочих. Похороны превратились в массовую политическую демонстрацию, и способствовали этому брусневцы. Весной 1891 г. устроили первую в России маевку. Речи рабочих затем отпечатали на гектографе. Таким же способом брусневцы выпустили и газету «Пролетарий». Вышло, правда, всего два номера, но в них освещалось политическое положение в стране, стачечная борьба. Размер газеты был невелик — в две сложенных четвертушки, ее переписывали от руки, под копірку. Газета, по воспоминаниям Бруснева, бралась рабочими нарасхват, «номера газеты зачитывались до того, что

от них в конце концов оставались лишь клочки»⁶.

Группа была разгромлена в 1892 г. Бруснев сослан в Якутию...

Первые петербургские социал-демократические группы положили начало пропаганде идей марксизма в рабочей среде. В связи с быстро растущим рабочим движением перед марксистскими группами возникла новая задача: перейти от замкнутой кружковой пропаганды к агитации среди широких масс пролетариата. Так наметился поворотный рубеж в истории общественно-революционного движения в России. Этот поворот неразрывно связан с началом деятельности В. И. Ленина в Петербурге.

...Зимой 1895 г. забастовали рабочие Семянниковского завода. Хозяева не хотели уступать. Грозили расправой. Некоторые готовы были пасть духом... В это время по рукам стали ходить листки.

— Здорово написано! — восхищались рабочие. — Не в бровь, а в глаз! Теперь мы знаем, что говорить нашим «толстопузым»...

Листовку эту написали совместно Владимир Ульянов и Иван Бабушкин — члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса России». Это была первая агитационная листовка в истории русской марксистской печати.

Владимир Ульянов был организатором «Союза...», объединившего в Петербурге все ранее существовавшие марксистские группы и кружки. Так было положено начало созданию революционной марксистской рабочей партии в России.

Первая листовка «Союза» была еще размножена от руки. Другие листовки печатались на гектографе и на новинке — мимеографе.

Мимеограф доставил из-за границы В. И. Ленин в 1895 г. Ему удалось провезти чемодан с двойным дном. В нем находились нелегальная литература и мимеограф. Член «Союза борьбы» Г. М. Кржижановский вспоминал: «Этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата»⁷.

Процесс печатания на мимеографе был прост: валик, смазанный типографской краской, прокатывали по навощенному трафарету с прорезанными на нем буквами, под который подкладывалась бумага. Работа была рассчитана на одного человека. Сравнительно быстро таким способом можно было напечатать большое число листовок.

В течение двух лет Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» выпустил 70 прокламаций по самым различным поводам. Вот названия некоторых из них: «Чего следует добиваться портовым рабочим», «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен», «Что такое социалист и политический преступник», «Рабочий праздник 1 Мая», «Чего требовать работницам фабрики „Лаферм“»... Авторами их были члены «Союза», рабочие-революционеры И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов, В. А. Князев, Б. И. Зиновьев и другие. Сами писали, сами печатали и разносили... Писали о нуждах рабочих, о положении на конкретной фабрике и заводе, а главное, выдвигали политические лозунги.

Рабочие читали, обменивались мнениями; «Ловко продернули!» — радовались в толпе читающих.

В. И. Ленин вникал во все стороны издательской деятельности «Союза». Особенно заботился он о том, чтобы составители листовок добросовестно и тщательно изучали положение рабочих, их условия труда, их требования.

М. А. Сильвин, член петербургского «Союза» рассказывает в своих воспоминаниях: «Кто-то из наших рабочих (Шелгунов или Меркулов) посещал Ленина на дому, и он до седьмого пота доводил его своими расспросами»⁸.

Листовки, написанные В. И. Лениным,— замечательный образец отношения к делу.

«Помню,— рассказывает Н. К. Крупская,— как собирался, например, материал о фабрике Торнтон. Решено было, что я вызову к себе своего ученика браковщика фабрики Торнтон Кроликова, уже выславшегося раньше из Петербурга, и соберу у него по плану, намеченному Владимиром Ильичем, все сведения. Кроликов пришел в какой-то занятой у кого-то шикарной шубе, принес целую тетрадь сведений, которые были им еще устно дополнены. Сведения были очень ценные. Владимир Ильич на них так и накинулся. Потом я с Апполинарией Александровной Якубовой, повязавшись платочками и придав себе вид работниц, сами ходили еще в общежитие фабрики Торнтон, побывали на холостой половине и на семейной. Обстановка была ужасающая. Только на основании так собранного материала писал Владимир Ильич корреспонденции и листки. Посмотрите его листок к рабочим и работницам фабрики Торнтон. Какое детальное знание дела в нем видно и какая это школа для всех работавших тогда товарищей»⁹.

Вот еще история одной из листовок Петербургского «Союза борьбы». Произошли беспор-

рядки на табачной фабрике «Лаферм». Здесь царил полный произвол администрации; расценки были крайне низкие, рабочих штрафовали по любому ничтожному поводу, взыскивали денежные поборы за кипяток, за хранение платья. Все это довело папиросниц до отчаяния и вызвало взрыв возмущения. Работницы бросали работу, выбрасывали через раскрытые окна на улицу табак, гильзы, ящики с готовой продукцией.

По приказу градоначальника фабрику оцепила полиция. «Бунтовщиц» поливали холодной водой из пожарных шлангов. Пошли аресты, десятки рабочих были высланы за пределы столицы.

«Союз борьбы» откликнулся на эти события листовкой. Ее распространяли члены «Союза» А. А. Якубова и Э. П. Невзорова (Кржижановская).

Об этом Н. К. Крупская рассказывает в своих воспоминаниях: «Свернув листки в трубочку так, чтобы их можно было удобно брать поодиночке, и пристроив соответственным образом передники, они, как только раздался гудок, пошли быстрым шагом навстречу работницам, валившим гурьбой из ворот фабрики, и почти пробежали мимо, рассовывая недоумевающим работницам в руки листки. Листок имел успех»¹⁰.

Фабричная инспекция была вынуждена поддерживать требования папиросниц. В новой листовке «Союз борьбы» разъяснял причины этих вынужденных «уступок», завоеванных работницами в результате их упорной борьбы. Обращаясь ко всем петербургским женщинам-пролетаркам, листовка призывала: «Берите пример с ваших лафермовских товарок. Подобно им выступайте против грабителей хозяев. Не оболь-

ИЗДАНИЕ КНИЖНОГО МАГАЗИНА А. Е. ВАСИЛЬЕВА.

ОБЪЯСНЕНІЕ
ЗАКОНА
О
ШТРАФАХЪ,
ВЗИМАЕМЫХЪ
СЪ
рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

ХЕРСОНЪ.
Типографія Б. И. Субботина. Екстерни. уд. г. Калинина.
1895.

Титульный лист брошюры В. И. Ленина

щайтесь мелочью, теперь завоеванною для всех вас лафермовскими папиросницами»¹¹.

И с другими листовками, выпущенными «Союзом борьбы», вынуждены были считаться хозяева предприятий. Об этом писал Ленин: «Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны... Случалось не раз, что одного появления листка оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований»¹².

Листовками дело не ограничивалось.

Стали выпускать и агитационные брошюры. Одну из первых написал Ленин в 1895 г. Называлась она «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Очень серьезно работал Ленин над этой брошюрой, беседовал с рабочими, выяснял обстановку на местах. Н. К. Крупская так пишет об этой работе: «В этой брошюре Владимир Ильич дал блестящий образец того, как надо было подходить к рабочему-середняку того времени и, исходя из его нужд, шаг за шагом подводить его к вопросу о необходимости политической борьбы»¹³.

Брошюру «О штрафах» печатали уже типографским способом.

Гектограф и мимеограф сослужили немалую службу революционному делу. Но для массовых изданий они не годились. Здесь нужен был «станок Гутенберга».

...Помогли связи Ленина с одной из последних народовольческих групп. С помощью членов группы Е. А. Прейс и А. А. Ергина удалось раздобыть старую народовольческую типогра-

фию, которая была спрятана под Боровичами. Ее перевезли в Петербург и разместили в доме № 23 по Крюкову каналу.

...Слесарное и портняжное дело братьев Михаила и Григория Тулуповых не то, чтобы процветало, но владельцев все же обеспечивало. Но особенно пригодились слесарные способности Григория Тулупова. Это именно он соорудил новый металлический печатный станок, когда прежний деревянный пришел в негодность.

На Крюковом канале печатали агитационную литературу для рабочих. Правда, первые «пробы» еще отдавали дань народническим увлечениям.

Такой была, например, брошюра «Радикалы и POSSИБИЛИСТЫ». Набравший ее Н. Е. Смирнов рассказывает: «Набираю и ворчу: зачем много иностранных слов, а мысли мало понятны? Стоит ли тратить время и средства для печатания такой книжки, которую мы, уже развитые рабочие, плохо понимаем? А что поймут заводские рабочие?»¹⁴

В ноябре 1895 г. В. И. Ленин писал члену группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельроду: «У нас завязаны сношения с народовольческой типографией, выпустившей уже 3 вещи (не наши) и берущей одну нашу». Тут же он просит прислать материал для рабочих брошюр: «Они напечатают с радостью»¹⁵.

3 декабря 1895 г. на Крюковом канале приступили к набору брошюры Ленина «Объяснение закона о штрафах». Одновременно печатали и другие издания.

Однако по конспиративным соображениям типографию решено было перебросить в новое место.

Остановились на Лахте... Сейчас к Лахте идет железнодорожная ветка. А тогда, в 90-е годы прошлого века, лучшего места для уединенного отдыха не было.

Дачу сняли в доме № 10 А. С. Белевский и Е. А. Прейс. Молодые хозяева были веселыми, общительными. Их часто посещали друзья из Петербурга. Устраивали пирушки, пикники, в саду пили чай с крыжовником. Катались на лодке по Финскому заливу... Дачники, как дачники.

Типографский станок перебросили сюда в мае 1896 г. Наборщиками стали Григорий Тулупов и Николай Белов. В Лахте завершили печатание ленинской брошюры «О штрафах». Тираж был большой — 3000 экз. А на титульном листе для отвода глаз было указано: «Херсон. Типография Б. И. Субботина».

Шеф жандармов был вне себя: в легальной типографии печатают с разрешения цензуры крамолу!

В Херсон была срочно отправлена шифрованная телеграмма, требовали немедленно выяснить, кто виноват в происходящем и дать ход делу... Мистификация сработала.

Такие же вымышленные выходные сведения поместили на брошюре «Что должен помнить и знать каждый рабочий», изданной под названием «Объяснение новых правил для рабочих по высочайше утвержденному закону 1 января 1896 года».

Когда печатались эти брошюры, Ленин уже был арестован. В доме предварительного заключения он написал от руки на четвертушках бумаги брошюру «О стачках». Правила ее и переписывала Н. К. Крупская. Брошюру должны были напечатать в Лахтинской типографии.

В «предварилке» Ленин писал молоком между строк. Помогли воспоминания детства. Однажды Мария Ильинична показала детям любопытный фокус. Она написала несколько слов на бумаге молоком и предложила детям прочитать это письмо. Удалось это сделать после того, как листок был нагрет над керосиновой лампой, и буквы под влиянием тепла выступили наружу.

...Веселая компания на Лахтинской даче казалась полицейскому исправнику все более подозрительной. Стали следить, кто приезжает, зачем? Следили и в Петербурге.

24 июня 1896 г. на дачу нагрянула полиция. Захватили шрифт, 4 пуда бумаги, бочонок краски, гранки наборов — в их числе брошюры «Царь-Голод», «Летучий листок» № 3, незаконченную брошюру «Иван-гвоздь» и ленинскую брошюру «О стачках». Рукопись этой брошюры не разыскана до сих пор.

Лахтинская типография — самая крупная подпольная типография 90-х годов. В ней печатались «солидные» издания, тиражом от 400 до 3000 экз.

Технической частью типографии ведал Николай Белов. А редактором всех изданий «Союза борьбы» был В. И. Ленин.

Глава VII НА КАРАВАННОЙ

...Среди тех, кто перенес все тяготы блокады, выстоял, выжил была и Ольга Матюшина — художница, писательница, большевичка.

Она была уже немолодой женщиной. За плечами — годы подпольной работы в партии, участие в революции, гражданская война...

Голод и холод подтачивали здоровье каждый день, каждый час. К этому присоединилось самое худшее — она слепа.

И все же она работала. Научилась писать по трафарету, почти не видя, только ощущая бумагу, перо. В ту блокадную зиму она начала писать книги о своем революционном прошлом. Вскоре появились одна за другой «Песнь о жизни», «Негасимые искры», «За дружбу»...

...Не попав в медицинский институт, юная Оля Матюшина поступила в 1905 году в книжный магазин «Вперед», который помещался на Караванной № 9.

Этот магазин не походил на прежний, в котором она раньше работала. Там полки были

нормальной величины, не надо лезть по стремянке под самый потолок. Прилавки и столы — добротные, красивые. Все отполировано, блестит. В кабинете хозяйки стояли глубокие кожаные кресла, огромный письменный стол. Книги толстые, в красивых переплетах...

В этом же магазине все не так. Полки некрашенные, тесаные, под самый потолок. Никакого паркета, никаких вольтеровских кресел, обыкновенные дешевенькие стулья. Но зато какие замечательные люди здесь работали! Революционеры, большевики¹.

Оля знала: это были социал-демократы, марксисты, соратники Ленина. Встречала здесь Оля и самого Владимира Ильича. Он приходил тайком, иногда переодетый. Рылся в книгах, а потом запирался в редакции и писал, правил корректуры, редактировал чьи-то рукописи.

«Ленин всегда был скромным, приветливым, всегда здоровался с продавщицей за руку. Улыбаясь, спрашивал: — Как штурмуете?.. Говорите, книг хороших мало?.. Это верно, и в беллетристике хорошей мы особенно нуждаемся! Но придет время, у нас все будет в изобилии»².

Ольге Матюшиной поручили заняться комплектованием библиотек для рабочих. Скомплектовала первую библиотечку и усомнилась, правильно ли подобрала книги? В это время мимо проходил Владимир Ильич. Поинтересовался, для кого эта библиотечка. Вот он перебрал кипу книг, извлек одну брошюру: — «Это — слишком сухая. На заводе много молодежи. Постарайтесь заинтересовать их, научите полюбить книгу...»³.

...У магазина постоянно вертелись шпики. Их уже знали. Как только они появлялись, Влади-

мира Ильича предупреждали, и он уходил черным ходом.

Вот и на этот раз... Владимир Ильич вместо кепки надел широкополую шляпу, натянул на один глаз черную повязку и, постукивая тросточкой, вышел через другой ход. Владимир Ильич выпрямился, стал выше, стройнее. В таком виде можно было смело пройти мимо следовавшего шпика. Трудно было узнать в этом важном господине «человека в кепке»...⁴

Книжный магазин и издательство «Вперед» были первыми крупными предприятиями книжного дела, организованными в Петербурге после революции 1905 г.

...В конце 1905 г. ЦК РСДРП поручил В. Д. Бонч-Бруевичу организовать в Петербурге партийный книгоиздательский центр.

Страна переживала революционный подъем. Царизм вынужден был пойти на некоторые уступки. Манифест 17 октября даровал «свободу» русскому народу. Это была бумажная свобода, о которой в народе распевали политические частушки:

Царь испугался, издал манифест,
мертвым — свободу, живых — под арест.

Фактическая свобода печати была завоевана благодаря активной деятельности рабочего класса.

В. И. Ленин писал: «Цензура была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры»⁵.

Революция благоприятствовала росту издательской деятельности. Появились легальные из-

дания марксистской, революционной литературы. В 1905 г., по словам В. И. Ленина: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, „низами“ так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России»⁶.

Надо было использовать момент — создать большевистское книжное дело. Разрешение на открытие типографии получил член партии, опытный подпольщик И. Я. Львов. Это была старая типография, которую пополнили машинами, хранившимися у Львова в Великом Устюге. Вскоре к ней присоединилось оборудование переброшенной из Баку в Петербург нелегальной типографии «Дело».

Стали выпускать журнал «Наша мысль». Редактором журнала значился А. Г. Циммерман. В действительности в начале 1905 года по паспорту Циммермана приехал нелегально в Россию В. Д. Бонч-Бруевич.

Журнал выходил меньше месяца. В феврале 1906 г. издание было приостановлено судебными властями. В этой связи Бонч-Бруевич писал за границу: «Журнал наш закрыт. Мы воскресаем под видом брошюрного издательства. Первые три книги Ленина выйдут на днях»⁷. На книгах ставили марку фирмы «Наша мысль». Так выпустили брошюры В. И. Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии»; работу П. Орловского (В. В. Воровского) — «Кадетская партия и государственная дума». Издания прекрасно разошлись.

Выпустила «Наша мысль» и издания, предназначенные для рабочих масс: картины из жизни пролетариата, портреты К. Маркса, Г. В. Пле-

ханова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, П. П. Шмидта. Они быстро раскупались.

Бонч-Бруевич задумал продолжить издание брошюр под новым названием «Библиотека наших читателей».

«Мы,— вспоминает Владимир Дмитриевич,— изменили формат нашего журнала, перешли на брошюрный и предполагали в каждой книжечке давать те или другие статьи наших ближайших товарищей, отказавшись от иллюстраций, или, во всяком случае, не считая это для себя обязательным. В то же время мы хотели продолжить издание наших картин»⁸. Вышли два выпуска. Первый состоял из статей П. Орловского, во второй вошли стихи и проза о вооруженном восстании в Москве 1905 года.

Одновременно Бонч-Бруевич решает открыть в Петербурге новое крупное большевистское издательство. Эту идею одобрил и В. И. Ленин.

Вот как рассказывает об этом Бонч-Бруевич: «Владимир Ильич самым внимательным образом отнесся к этому делу и сказал мне, что считает его чрезвычайно важным...; работа по книгоиздательству настолько партийно важна и необходима именно теперь, когда наступает реакция, что вы смело можете поступиться своей деятельностью в том или другом районе, сократив ее, чтобы вплотную приняться за это в высшей степени важное партийное предприятие»⁹.

Издательство появилось в апреле 1906 г. Его называли «Вперед». Так называлась и большевистская нелегальная газета, издававшаяся за границей под редакцией В. И. Ленина.

Склад нового издательства устроили в доме № 9 на Караванной (ныне — улица Толмачева), вблизи Невского проспекта. Сюда же поступили

неразошедшиеся издания «Нашей мысли», а вскоре к издательству на Караванной присоединилось еще два небольших партийных издательства «Утро» и «Марксист». Отныне на книгах, выпущенных новым издательством, значилось: «Книгоиздательство „Вперед“» и — подзаголовок — «Соединенное издательство „Марксиста“, „Нашей мысли“ и „Утра“».

...В Германии, где преследовалась социалистическая печать, в газетах и редакциях существовало особое лицо — *sitzredaktor* — редактор для отсидки.

Ему платили, и он отсиживал в тюрьмах положенный срок... вместо подлинного редактора.

Понадобилось нечто подобное для издательства «Вперед». Чтобы обезопасить себя от арестов, на всякий случай, имелся подставной ответственный редактор. Сначала им был бывший владелец издательства «Утро», живший по нелегальному паспорту на имя мещанина города Слуцка А. Е. Долгина, И. Р. Белопольский. Затем он «продал» свои права другому подставному лицу — С. А. Гербут-Гейбович.

В издательстве «Вперед» сотрудничала блестящая плеяда публицистов-ленинцев: Вацлав Вацлавович Воровский, Анна Ильинична Елизарова-Ульянова, сестра В. И. Ленина, Анатолий Васильевич Луначарский, Михаил Степанович Ольминский. Они были авторами, составителями и редакторами книг, выпущенных издательством. Общее руководство издательством от ЦК партии осуществлял Ленин.

Ленин часто бывал в издательстве, подолгу беседовал с Бонч-Бруевичем об изданиях, знакомился с планами, правил корректуру, вносил в рукописи свои замечания и исправления. Вни-

мательно относился Владимир Ильич и к распределению партийной литературы.

О. К. Матюшина передает разговор, состоявшийся с Марией Ильиничной Ульяновой:

«Однажды она сказала мне:

— Брат считает, что ты на ответственном посту.

— На ответственном посту? — изумилась я. — Да разве вы не сказали ему, что я младшая продавщица, самый последний человек?

— Владимир Ильич все знает. Он сказал: раз ты имеешь дело с покупателями книг, ты должна влиять на их выбор. Старайся продвигать нашу литературу.

Я всегда любила книгу, — пишет О. К. Матюшина, — но только после этих слов Ленина до конца поняла и почувствовала ее значение. Ленин сказал: книжник — на ответственном посту. Никогда ни на минуту нельзя забывать, что книга не просто товар, а огромная агитационная сила»¹⁰.

В. И. Ленин составлял рекомендательные списки литературы, советовал О. К. Матюшиной, какие книги включать в состав библиотечек для рабочих. А иногда говорил: «Вот эту брошюру давать не следует. И объяснял, почему не следует»¹¹.

Издательство «Вперед» много сделало для пропаганды решений IV Стокгольмского съезда РСДРП. В книгах и брошюрах с маркой «Вперед» разоблачалась предательская роль буржуазии, соглашательских партий и их вождей, разъяснялась тактика большевиков в условиях буржуазно-демократической революции, задачи пролетариата. Особое значение имели работы, написанные В. И. Лениным, книги, вышедшие под

его редакцией. Это было идейное богатство партии, рабочего класса России. Первой книгой В. И. Ленина, вышедшей в издательстве «Вперед», был «Доклад об объединительном съезде РСДРП».

...Вечером того дня, когда брошюра Ленина вышла в свет, В. Д. Бонч-Бруевич возвращался из издательства по Невскому проспекту. Его внимание привлекли крики мальчишек-разносчиков, которые пронзительно оповещали толпу: «Доклад Ленина царю!», «Доклад Ленина царю!» Сенсационная реклама делала свое дело: все бросались покупать столь «экстравагантное» издание...

Вмешательство обеспокоенной полиции лишь подогрело любопытство. 50 000 экземпляров, весь тираж книжки, разошелся в течение одного дня.

Издательство «Вперед» выпустило свыше 30 работ В. И. Ленина — намного больше, чем какое-либо другое дореволюционное большевистское издательство.

Ленин добивался, чтобы большевистские издания были доступны по цене самым широким слоям масс. Когда издательство назначило за брошюру «Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати» цену 5 копеек, В. И. Ленин настоял, чтобы она стоила не более 2 копеек¹². Местным партийным организациям предоставлялась скидка в 40%, многие издания «Вперед» вообще распространялись бесплатно.

Издательство продолжало работу и уже в условиях спада революционного движения, усиливавшейся реакции, подавления свобод... Цензура не пропускала многие издания, а появившиеся из печати конфисковывала полиция, судебные исполнители.

...Вот и на этот раз нагрянула полиция. Книжки и брошюры летели на пол, рвались, их топтали грязными сапожищами. Охранники опечатывали все помещения, а В. Д. Бонч-Бруевича и бухгалтера арестовали.

После выхода из тюрьмы первым делом надо было вывезти со склада изъятую литературу... Удалось незаметно продырявить водопроводные трубы. Вода хлынула и затопила магазин и склад.

Следственные власти были уверены, что трубы лопнули от мороза. Склад разрешили открыть для просушки на несколько дней, а для надзора приставили околоточных. Все же и под надзором удалось вывезти всю изъятую литературу.

Приходилось поступать и иначе.

Запрещались, скажем, книги издательства «Вперед». Новые под этой маркой издавать было бесполезно, их несомненно, конфискуют... И тогда ставили на обложке и титуле — «Новая волна».

Начинали преследовать издания с этой маркой, появлялись брошюры издательства «Борьба классов». За ним — «Вторая дума», затем — «Новая дума»...

Так, например, под фирмой «Новая волна» была выпущена брошюра В. И. Ленина «Роспуск думы и задачи пролетариата»; на книгах «Социал-демократия и выборы в Думу», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика», «Услышишь суд глупца» — значилась марка «Новая дума»; под фирмой «Пролетарское дело» была издана брошюра В. И. Ленина «Выступления Мартова и Череванина в буржуазной печати»...

Таковы были тактика, приемы борьбы партийных издательских работников. Так сражалась большевистская книга.

С окончательным поражением революции задача царских жандармов упростилась. В 1907 г. издательство «Вперед» было разгромлено царской охранкой.

Правда, большевикам удалось к этому времени подготовить открытие еще одного легального партийного издательства. Организовал его Михаил Сергеевич Кедров — неустрашимый революционер, которому партия поручала самые рискованные операции.

Создание издательства в условиях политического террора и репрессий также требовало инициативы и мужества. Кедров взялся за это. Помогло и то, что Кедров получил по наследству от умершего отца, известного адвоката и нотариуса Московского окружного суда, несколько десятков тысяч рублей. Эти деньги и были использованы для организации партийного издательства и книжного склада¹³.

Под названием «Зерно» новое издательство оформилось в 1906 году в дом № 110 по Невскому проспекту. Место было выбрано не случайно: поблизости находились большевистские склады литературы, конспиративные явки, где часто бывал, а иногда и жил в годы революции В. И. Ленин.

Активное участие в работе издательства «Зерно» принимали видные партийные деятели — Н. С. Ангарский (Клестов), Н. Н. Батурин (Замятин), Н. И. Подвойский.

«Зерно» выпускало, в основном, массовую политическую литературу. Было начато издание серии агитационных социал-демократических

брошюр «Книжки для всех». Чтобы обмануть полицию, брошюры печатали в Петербурге и Москве в разных типографиях. Цифры тиража в типографских книгах занижали в десятки раз — это помогало утаить значительную часть изданий от конфискации. В целях конспирации меняли заглавия книг. Так, конфискованная брошюра Ю. Равицкого «Казна и народ (Долой косвенные налоги!)» была напечатана вновь под названием: Новицкий «О податях и налогах» без указания типографии. Серия «Книжки для всех» пользовалась широкой популярностью. Никакие запреты не могли помешать рабочим и солдатам читать понравившиеся им книжки.

Самое замечательное издательское предприятие, осуществленное «Зерном», — выпуск избранных работ В. И. Ленина.

Об этом мечтал еще Бонч-Бруевич. Находясь в эмиграции перед революцией, он предложил Владимиру Ильичу издать целиком все им написанное. Когда появилось издательство «Вперед», Бонч-Бруевич еще более настоятельно предлагает напечатать полное собрание сочинений В. И. Ленина. Однако Владимир Ильич не согласился: «Зачем же полное? — говорил он... можно напечатать хотя бы избранное, только то, что сейчас имело бы значение для теоретического освещения целого ряда наших партийных вопросов, а вот со многими газетными статьями можно было бы повременить...»¹⁴

Но издавать начали уже в издательстве «Зерно».

На этот раз к Ленину обратился с предложением ответственный сотрудник издательства Н. С. Ангарский (Клестов). Как раз незадолго до этого в издательстве «Общественная польза»

вышел сборник произведений В. Г. Плеханова под названием «За двадцать лет».

Идея была такова — в ответ на этот сборник видного лидера меньшевизма, каким стал Плеханов после II съезда партии, выпустить сборник ленинских работ под тем же заглавием — «За двадцать лет».

Однако Владимир Ильич дал согласие лишь на издание сборника своих статей и книг под заглавием «За 12 лет».

Согласовали тираж — 3000 экземпляров.

Предполагалось выпустить 4 тома. В первый вошли крупнейшие ленинские труды: «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики...».

Корректуру сборника правил очень тщательно, придирчиво сам Ильич.

В январе 1908 г. В. И. Ленин писал А. М. Горькому: «Получили ли мою книгу (первый том собрания статей за 12 лет)? Я поручил из Питера послать Вам ее»¹⁵.

Вскоре после выхода в свет первого тома полиция конфисковала книгу, издателя привлекли к ответственности. Петербургский комитет по делам печати пришел к заключению, что статьи сборника «закljučают в себе изложение учения социал-демократии... и отличаются явно революционным направлением»¹⁶.

Надо было спасать от разгрома второй том. Его разбили на две части. В первую вошли все легальные статьи, во вторую — нелегальные.

В марте 1908 г. первая часть вышла под заголовком — «Вл. Ильин. Аграрный вопрос».

А вот судьба второй части была печальнее. В нее включили написанную Лениным в ноябре-декабре 1907 г. статью «Аграрная программа со-

циал-демократии в первой русской революции 1905—1907».

Книгу сразу же по выходе в свет конфисковали еще в типографии, и весь ее тираж уничтожили.

Кедрова вызвали на допрос к жандармскому ротмистру.

— Вы издатель этой книги?

Кедров ответил утвердительно и сразу же стал возмущаться: книга научного содержания, явно не предназначенная для широкого читателя, и к тому же в наборе, задерживается печатанием.

— По-видимому, делается это умышленно, чтобы разорить издательство?

Ротмистр обиделся... Он отводит приписываемые ему низменные побуждения. Означенная рукопись является явно преступной.

— Вот прочтите!

Это была переписанная от руки статья нелегального журнала «Заря», «Аграрная программа русской социал-демократии», написанная в 1902 году. Жандармы уловили несколько «страшных» слов о революции. Этого было достаточно. «Зловредную» рукопись нужно было уничтожить¹⁷.

В письме Н. А. Рубакину от февраля 1913 г. Ленин сообщал: «Книга „За 12 лет“ конфискована, и найти ее вряд ли возможно. Впрочем, я попытаюсь порасспросить кое-где и в случае удачи пришлю Вам»¹⁸.

У Владимира Ильича сохранился, к счастью, черновик статьи «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907», и работу удалось издать, но уже после февральской революции 1917 г.

Издательство «Зерно» выпустило первый массовый рабочий «Календарь для всех» на 1908 г. Тираж был велик — 60 000 экз. Таких тиражей большевистские издания еще не знали. Содержание его было разнообразным: статистические материалы, хроника революционных событий в России, очерки по истории рабочего движения, статьи о стачках, о положении крестьян, о профсоюзах, о русских политических партиях, об избирательном праве, библиографические материалы. Рабочий получал ответы на многие волнующие его вопросы. В «Календаре» была помещена статья Ленина «Международный социалистический конгресс в Штутгарте», специально написанная по просьбе издательства. «Можно с уверенностью сказать, что ни одна статья товарища Ленина не имела такого широкого распространения вплоть до 1917 года» — констатирует Кедров¹⁹.

Через своих активистов издательство «Зерно» мгновенно распространило «Календарь» по фабрикам и заводам, среди солдат и матросов.

Когда полиция нагрянула, она нашла несколько экземпляров, «предусмотрительно оставленных... ей на съедение» — шутил Кедров²⁰.

Последним изданием «Зерна» был сборник «Карл Маркс», выход которого был приурочен к 25-летию со дня смерти Маркса. В него вошли работа В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм», статья В. В. Воровского «К истории марксизма в России», статьи Розы Люксембург, М. А. Сильвина.

Весь тираж книги — 3150 экз. — удалось пустить в продажу.

Скрыть связи издательства с большевистским подпольем не удалось. Пошли обыски, слежки.

Сын Кедрова, академик Б. М. Кедров вспоминает: «Однажды к нам в „Зерно“ пришел полицейский... Увидев портрет Маркса, он спросил мою мать: „Это что же: Ваш родственник будет?“ Не знаю, что она ему ответила, но потом она всегда со смехом рассказывала про это и добавляла: „Пришли проверить, нет ли нелегальной марксистской литературы, а Маркса приняли за нашего родственника“»²¹.

В апреле 1908 г. издательство «Зерно» было разгромлено. Кедров и другие ответственные работники издательства были арестованы, заключены в тюрьму.

На несколько лет деятельность большевистских издательств в России прекратилась. Большевистская литература печаталась либо за границей, либо в глубоком подполье.

Лишь книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» чудом удалось выпустить в Московском издательстве «Зерно». Цензуру ввело в заблуждение философское название труда.

...Легальную работу, в том числе и книжное дело, большевики смогли наладить лишь с начала нового подъема рабочего движения.

В декабре 1910 г. появился первый номер легальной большевистской газеты «Звезда», выходят журналы «Просвещение», «Вопросы страхования», а 5 мая 1912 г. в Петербурге родилась ленинская «Правда».

Пришла пора возобновлять и книгоиздательскую деятельность.

И вновь за это дело берется Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Мысль о создании нового большевистского легального издательства подал В. И. Ленин. В беседе с В. Д. Бонч-Бруевичем, еще до своего

отъезда за границу, Ленин говорил: «...положение сейчас крайне трудное, как видите, мы остаемся у совершенно разбитого корыта: прессы у нас никакой нет, создать ее очень трудно, провал идет за провалом... нам сейчас же надо думать о том, как сохранить все, что только возможно из того, что еще осталось на легальном положении. Начинайте-ка вы сейчас же создавать легальное партийное издательство; начните, с чего хотите. Я рекомендовал бы начать с детской литературы: У Веры Михайловны (жены Бонч-Бруевича — И. Б.) имеется много прекрасных детских книг и книг для юношества, вот и переиздайте их... Одним словом, издавайте, что найдете нужным, лишь бы создать издательство, помня, что надо быть сейчас чрезвычайно осторожным. Теперь все идет через цензуру, и надо обмануть этих бдительных дурачков. Пускай они укрепятся в мысли, что ваше издательство строго научное, а также для детей и юношества. А потом, когда времена несколько изменятся, — а они изменятся обязательно, — постепенно начнете вливать социал-демократическую литературу. Я ваш постоянный сотрудник и знайте, что я буду подыскивать вам других наших писателей и присылать их работы. Я убежден, что наступит время, когда у нас разовьется большое партийное издательство»²².

Бонч-Бруевич рассказывает, что первый взнос на будущее издательство внесла Вера Михайловна Величкина — монету в 10 рублей золотом. При этом она говорила: «Раз Владимир Ильич хочет, чтобы издательство было, оно должно быть»²³.

Издательство называли «Жизнь и знание». Особое внимание уделяли культурно-просвети-

тельной работе в массах. Как и советовал Ленин, для легальности начали с выпуска книг «невинного» характера.

В январе 1910 г. впервые под маркой «Жизнь и знание» вышли две книжки — «Что рассказывала мама о полезных вещах, которые были у детей в комнате. Рассказы для младшего возраста». Это был пересказ с английского, который сделала и написала Вера Михайловна. Вторая — «Человек стал летать: прошлое, настоящее и будущее авиации». Затем были напечатаны еще несколько книг такого же характера. Среди них написанные В. М. Величкиной «Швейцария. Швейцарские горы; швейцарские города и деревни; жизнь швейцарского народа» и «Друг детей. Рассказ о замечательном швейцарском учителе Генрихе Песталоцци».

Детскую и юношескую литературу выпускали в двух сериях — «Детская библиотека» и «Библиотека для юношества».

За детской книгой пошла более серьезная, политическая, произведения писателей-реалистов.

Стали выходить популярные серии — «Библиотека обществоведения», «Библиотека наших читателей», «Общедоступная библиотека», «Библиотека мемуаров». Одна за другой выходят книги Маркса, Энгельса, Ленина, Крупской, Коллонтай...

В выборе книг Бонч-Бруевич руководствовался указаниями и советами В. И. Ленина. А для Владимира Ильича адрес издательства «Жизнь и Знание» был в России единственным партийным легальным адресом. Он писал члену заграничного бюро ЦК Я. С. Ганецкому: «Я пользуюсь пока лишь одним петроградским адресом:

Издательство „Жизнь и Знание“, г-ну Влад. Бонч-Бруевичу, Фонтанка, 38, кв. 19, Петроград. Этот издатель тотчас передаст „Правде“»²⁴.

Выпуск ленинских работ — одна из самых больших заслуг издательства «Жизни и Знание». До прекращения деятельности издательства летом 1918 г. в нем было издано 6 книг Ленина. В июле 1917 г. была издана брошюра «Политические партии в России и задачи пролетариата». Она была написана в популярной форме и касалась самых актуальных проблем дня. Тираж книги был по тем временам огромен — 50 000 экз. Об истории издания ленинской брошюры В. Д. Бонч-Бруевич писал О. К. Матюшиной: «Особенно задержалась его брошюра о политических партиях, которую мне удалось заставить через рабочком меньшевистской типографии все-таки в конце-концов отпечатать, и мы ее выпустили 50 тыс. экземпляров. Количество это ужасало всех моих сотоварищей по „Жизни и Знанию“, полагавших, что брошюра эта очень долго не разойдется и потом все были в восторге и удивлялись, что брошюра разошлась в течение 10 дней, так как со всех районов приезжало очень много депутатов рабочих и забирали ее сотнями и тысячами»²⁵.

Была переиздана в «Жизни и Знании» работа Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов». Издательство выпустило такие выдающиеся ленинские труды, как «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки» и «Государство и революция», которую Ленин писал в подполье в августе-сентябре 1917 г.

Для широких народных масс Бонч-Бруевич задумал особую «Копеечную библиотеку». Она стала выходить с 1915 г. под названием «Дешевая библиотека». Книжечки маленького формата в иллюстрированных обложках стоили от 3 до 10 копеек, а тираж составлял 10—15 тысяч экземпляров. Материал для изданий брали самый разнообразный. Это и художественная литература; брошюры на общественные темы («Биржи труда»), по санитарному просвещению («Отчего происходят заразные болезни и как их лечат (Микробы)», «Как действуют спиртные напитки на человека», «Почему действительно нельзя пить денатурированный спирт, политуру и одеколон»). Писалось это на злобу дня.

После февральской революции появилась возможность печатать политические брошюры, которые раньше цензура не пропускала. Одна за другой выходят такие популярные в рабочей среде книжки, как «Христианство и социализм» А. Бебеля, «Пауки и мухи» К. Либкнехта, «Кто чем живет» С. Р. Дикштейна и др.

Обновилось содержание и «Библиотеки обществоведения». Особое внимание обращалось на разоблачение империалистического характера войны, которую не прекращало Временное правительство. Этому способствовали книги «Сельскохозяйственные рабочие и война», «Война после мира», «Что такое империализм?» и другие.

В издательстве «Жизнь и Знание» сотрудничал А. М. Горький. По просьбе Бонч-Бруевича он возглавил литературно-художественный отдел. Горький часто заходил в книжный магазин «Жизнь и Знание», читал письма заказчиков, расспрашивал, что говорят покупатели.

В издательстве «Жизнь и Знание» вышло 11 томов собрания сочинений Горького. Этот факт сделал издательство известным. О. К. Матюшина рассказывает:

«Спокойную атмосферу обычного делового дня нарушил крик упаковщика Югана:

— «Горького» привезли! «Горького»!

Юган пробежал через магазин и широко открыл парадную дверь... Как будто сговорившись, мы бросились на лестницу, всем хотелось принять участие в выгрузке первой книги Горького. Встали цепочкой по всей лестнице, и пачки, как белые птицы, перелетали из рук в руки.

Быстро окончилась разгрузка. Высокий штабель книг вырос посредине склада... Шура все сосчитала, проверила. Развязала первую пачку, вынула самый хороший экземпляр и подала Владимиру Дмитриевичу. Он прочел медленно и торжественно:

— «Максим Горький. Жизнь ненужного человека»... Это большая победа издательства, год назад совсем неизвестного!.. Владимир Дмитриевич прервал общее молчание: — Дружья, начинайте работать с первой книгой из собрания сочинений Алексея Максимовича!»²⁶

С издательством сотрудничали многие русские писатели-реалисты — «демократическая поэтическая братия», — как писал Бонч-Бруевич.

Издательство заключило договоры с писателями С. И. Гусевым-Оренбургским, С. Юшкевичем, А. М. Федоровым, Д. Я. Айзманом, Скитальцем и др. Дружественные отношения сложились между Бонч-Бруевичем и Демьяном Бедным. «Жизнь и Знание» выпустило несколько книг известного пролетарского поэта — «Дивное и другие сказки», «Пирог да блин», «Вся-

кому свое. Басни», «Мошна туга, всяк ей слуга. Басни».

При издательстве работали книжный магазин и склад. Здесь принимались заказы на литературу, велась работа по устройству новых книжных магазинов и складов, подбирались библиотечки для рабочих, расширялись и составлялись новые библиотеки и читальни. Работы было много, и она приносила столь нужные для деятельности издательства доходы. Одновременно книжный склад и магазин «Жизнь и Знание» служили удобным местом для партийных явок и встреч.

О том, как работал партийный магазин, вспоминает Ольга Константиновна Матюшина, служившая в нем до революции:

«Первые книги из тиража мы рассылаем по тюрьмам, где томились политические. Потом старались, чтоб книги попали в самые отдаленные, глухие места. Отыскивали книголюбов, которые сумели бы пропагандировать книгу, рассказать о ней, составить картотеки.

...Мы всегда умели разыскать требуемую книгу в других магазинах, издательствах, на складах»²⁷.

В 1913 г. в Петербурге появилось еще одно легальное партийное издательство «Прибой». Книги с его маркой начали выходить с января 1913 г. Во главе его стояли М. С. Ольминский, А. И. Елизарова, М. А. Савельев, Ф. И. Драбкина и другие видные партийные литераторы. Идейное руководство издательством осуществлял ЦК РСДРП.

Всего несколько месяцев просуществовало это издательство до войны. В это время большевистская фракция Государственной думы про-

Подъ ред. Б. Г. ДАНСКАГО

СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХЪ

ВЪ РОССІИ И НА ЗАПАДѢ

Томъ I. Выпускъ II

- Б. Соловьевъ.** Обеспеченіе рабочихъ на случай болѣзни до введенія страхования. Что даетъ рабочимъ законъ 23 іюня 1912 года
О. Сальская. Постатейный обзоръ положенія и закона 23 іюня 1912 года объ обеспеченіи рабочихъ на случай болѣзни

Съ таблицами и діаграммами въ текстѣ

СПБ. 1913.

*Титульный лист I тома издания
„Страхование рабочих в России и на Западе.“*

водила так называемую «страховую кампанию», имевшую политический характер. Издательство включилось в нее, выпустило ряд книг по вопросам социального страхования рабочих. И среди них капитальный труд: «Страхование рабочих в России и на Западе».

Это многотомное, по замыслу, энциклопедическое издание должно было охватить все вопросы теории и практики страхования рабочих в России и за рубежом. В полной мере этот замысел осуществить не удалось. Но и вышедшие тома привлекли широкое внимание демократической общественности. Это издание можно было найти в каждой рабочей библиотеке.

О характере изданий «Прибоя» можно судить и по брошюре Б. Г. Данского «Предупреждение несчастных случаев...» Вот что говорилось о ней в постановлении Петербургского комитета по делам печати: «Из приведенного содержания брошюры вытекает, что капиталистическая форма производства превращает рабочих в жертву голода и несчастного случая и попросту убивает их, что хозяева капиталистических предприятий единолично пользуются всеми благами, производимыми руками рабочих, и в то же время подвергают этих же рабочих эксплуатации и выжиманию пота, оставляя им в удел только увечья и, что, наконец, рабочие должны вести с этими темными сторонами капиталистического хозяйства и со своими классовыми противниками упорную и энергичную борьбу»²⁸. Книга, конечно, была подвергнута аресту, а виновные привлечены к суду.

Но самым значительным событием деятельности «Прибоя» стал выпуск в 1914 г. книги «Марксизм и ликвидаторство». План сборника

был составлен В. И. Лениным. Ему же принадлежит значительная часть материалов — статьи, предисловие, послесловие. Цензор, просмотревший издание, всполошился: сборник явно направлен «к преступному подстрекательству рабочих масс», возбуждает их «к ниспровержению существующего государственного и общественного строя...»²⁹ Издательство едва успело до конфискации вывезти из типографии почти весь тираж.

Вышел в издательстве «Прибой» и первый популярный карманный справочник-календарь для рабочих — «Спутник рабочего на 1914 год». В нем можно было найти много полезных в политико-образовательном отношении сведений: перечень профессиональных союзов и рабочих просветительных обществ, сведения о рабочей прессе, о порядке издания законов, о фабричном законодательстве, страховые законы, сведения о смертности по различным профессиям, о политических партиях в Государственной думе, разнообразные сведения по вопросам политики и экономики. В «Спутнике рабочего» была перепечатана и статья В. И. Ленина «Стачки в России». Владимира Ильича это издание порадовало. В декабре 1913 г. он пишет Инессе Арманд: «Получил 1 экз. „Спутника рабочего“. 5000 экз. уже разошлись!! Ура!!»³⁰

Пропагандистский характер «Спутника...» не укрылся от внимания цензуры. В постановлении Петербургского комитета по делам печати на основании доклада цензора говорилось: «Как ни старается автор календаря быть осторожным в изложении намеченной им социал-демократической программы, как ни старается он избежать выставления определенных пролетарских лозун-

гов, тем не менее даже в таких заметках, как биография Августа Бебеля, Карла Маркса, Фердинанда Лассалья, Н. Г. Чернышевского и др. проглядывает сочувствие автора к учению перечисленных лиц и даже призыв к практическому осуществлению их заветов и продолжению их деятельности...»³¹

На книгу был наложен арест. Запоздалый... Так как весь тираж «Спутника» — 5000 экз. — разошелся молниеносно, в течение 1 дня.

1 марта 1914 г. вышло второе издание «Спутника». Издательство на этот раз пошло «навстречу» цензуре, изъяв ряд неугодных ей материалов. Цензурного запрета не последовало, и 12 000 экз. «Спутника» вновь полностью разошлись.

В начале 1914 г. издательство «Прибой» выпускает несколько политических брошюр о жизни рабочих в России и за рубежом: «Безработица и локауты», «Доля шахтера», «Наша армия», «Рабочее движение во Франции» и др. В условиях военного времени их агитационно-пропагандистская роль была велика.

В 1914 г. под редакцией А. М. Горького в издательстве «Прибой» выходит первый «Сборник пролетарских писателей». Инициатива этого издания принадлежала большевистской «Правде». При ее редакции была организована первая литературная группа пролетарских авторов. Узнав об этом, А. М. Горький писал с Капри своему другу А. Н. Тихонову — в то время заведовавшему беллетристическим отделом «Правды»:

«Кружок беллетристов дело столь хорошее, столь близкое мне, что, когда я прочитал письмо Ваше, меня прямо рвануло в Питер,— всем су-

ществом рвануло! Ой, как бы я был там на месте!»³²

Вскоре эта возможность представилась. В связи с трехсотлетием царствования дома Романовых — 21 февраля 1913 г. была объявлена амнистия. В канун 1914 г. Горький возвратился в Россию. А спустя некоторое время стало известно, что сборник произведений пролетарских писателей выйдет под его редакцией.

Литературовед и книговед С. М. Брейтбург обнаружил один из протоколов заседаний литературного кружка пролетарских поэтов и беллетристов. В нем говорилось: «На заседании группы авторов 1 апреля (1914 года), признаны годными произведения:

Д. Гордеева — Божья пряжа (рассказ) — принят с поправками.

В. Торский — На порубке (Миниатюра).

Ив. Ерошин — Мой путь, Весна (Стихотворения).

Як. Бердников — Весна, Ну, смелее же пой... (Стихотворения).

В. Кириллов — Звезды (Стихотворение).

Произведения эти авторы обещались доставить в редакцию «Путь Правды» Д. Одинцов»³³.

В марте 1914 года на петербургской квартире Горького состоялась беседа с пролетарскими писателями. В ней приняли участие будущие авторы сборника — около полутора десятка рабочих поэтов и беллетристов. Встреча носила конспиративный характер, так как за Горьким и пролетарскими писателями велась полицейская слежка. Обстановка была «самая задушевная и товарищеская», царило радостное возбуждение — были взволнованы рабочие, писатели,

растроган и взволнован был и сам А. М. Горький.

В начале 1914 г. в «Правде» появилось первое извещение о подготовке к изданию сборника пролетарских поэтов-сотрудников «Звезды» и «Правды». В адрес «Прибоя» — Измайловский проспект, 9, квартира 91 — стали поступать отовсюду стихи, рассказы, пьесы. В течение трех месяцев было получено свыше 450 рукописей, присланных 94 авторами. В основном это были рабочие, ремесленники, крестьяне, приказчики. Были и курьезные случаи. Среди корреспондентов оказались... беллетрист-извозчик, поэт-городовой и даже торговец свечами в епархиальной лавке одного из губернских городов! Шли письма из тюрьмы и ссылки...

Весь этот огромный материал был внимательно и терпеливо просмотрен Горьким. Отобрали лучшие и отмеченные печатью дарования, хотя и неказистые, на первый взгляд, рукописи. Горький тщательно их редактировал: правил, сокращал, а иногда и заново писал отдельные места.

В вводной статье к сборнику пролетарских писателей Горький писал: «...Кто знает будущее? — возможно, сб этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы»³⁴. Это были поистине пророческие слова!

«Сборник пролетарских писателей» стал одной из последних книг, выпущенных «Прибоем» до революции.

Когда началась первая мировая война большевистские организации стали преследоваться. Пошли массовые облавы, аресты без суда и следствия. Было закрыто издательство «Жизнь

и Знание». Прекратило свою деятельность и издательство «Прибой».

Новая эпоха началась с Октября. Стала создаваться система советских издательств. И одним из первых возникло издательство «Коммунист». Его основу составили слившиеся воедино издательства «Прибой» и «Жизнь и Знание». Так, эстафета, начатая первыми большевистскими партийными издательствами, возникшими еще в годы первой русской революции, была подхвачена книжными издательствами Советской России.

Книжный Петербург уходил в прошлое. На смену ему шел советский книжный Ленинград.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- ¹ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887, т. 1, с. 333.
- ² Там же.
- ³ Письма и бумаги Петра Великого. М.—Л., 1950, т. 9, вып. 1, с. 12.
- ⁴ Бахтиаров А. А. История книги на Руси. СПб., 1890, с. 110—111.
- ⁵ Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 214.
- ⁶ Там же, с. 213.
- ⁷ Письма и бумаги Петра Великого. М.—Л., 1959, т. 9, вып. 1, с. 106.
- ⁸ Полное собрание законов российской империи. СПб., 1830, т. 7, с. 217.
- ⁹ Пекарский П. П. Указ. соч., т. 2, с. 656.
- ¹⁰ Гаврилов А. В. Очерки истории С.-Петербургской Синодальной типографии. СПб., 1911, с. 99—101.
- ¹¹ Шицгал А. Г. Русский гражданский шрифт 1708—1958. М., 1959, с. 258.
- ¹² Тредиаковский В. К. Разговор между Чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой... СПб., 1748, с. 358.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Райков В. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1947, с. 260—261.
- ¹⁵ Анекдоты князя италийского графа Суворова Римникского. Изданные Е. Фуксом. СПб., 1827, с. 23—24.

- ¹⁶ См. подробнее: Баренбаум И. Е. Начало издания французской переводной книги в России (первая четверть XVIII в.) — В кн.: Книга. Исслед. и материалы, 1976. Сб. 32, с. 102.
- ¹⁷ Бахтияров А. А. Указ. соч. 2—3, с. 109.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 301.
- ¹⁹ Ведомости, 1708, 20 июля.
- ²⁰ Балицкий Г. В. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908, с. 32.
- ²¹ Первое учение отроком. СПб., 1723.
- ²² Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 115—116.
- ²³ Там же, с. 98.
- ²⁴ Книга в России. От начала письменности до 1800 года. М., 1924, ч. 1, с. 215—216.

Глава II

- ¹ Боголюбов В. Н. И. Новиков и его время. М., 1916, с. 18.
- ² Там же, с. 19.
- ³ Н. И. Новиков и его современники. М., 1961, с. 23.
- ⁴ Новиков Н. И. Избранные соч. М.—Л., 1951, с. 35.
- ⁵ Н. И. Новиков и его современники, с. 24.
- ⁶ Там же, с. 57.
- ⁷ Там же, с. 52.
- ⁸ Там же, с. 78.
- ⁹ Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1961, с. 170.
- ¹⁰ Новиков Н. И. Указ. соч., с. 277.
- ¹¹ Древняя российская вивлиофика. СПб., 1773, ч. 1, с. 135—136.
- ¹² Там же, с. 33.
- ¹³ Там же, Предисл.
- ¹⁴ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 47.
- ¹⁵ Н. И. Новиков и его современники, с. 100.
- ¹⁶ Новиков Н. И. Указ. соч., с. 112.
- ¹⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.—Л., 1962, т. 2, с. 306.
- ¹⁸ Н. И. Новиков и его современники, с. 159.
- ¹⁹ Там же, с. 175.
- ²⁰ Там же, с. 333.
- ²¹ Там же, с. 334.

- 22 Хрестоматия по истории русской книги. 1564—1917. М., 1965, с. 63.
- 23 Там же.
- 24 Макогоненко Г. Указ. соч., с. 507.
- 25 Там же, с. 465—483.
- 26 Городская и деревенская библиотека. М., 1782, ч. 2, с. 358.
- 27 Там же, с. 362.
- 28 Там же, ч. 4, с. 356.
- 29 Там же, с. 357.
- 30 Карамзин Н. Соч. СПб., 1848, с. 545.
- 31 Хрестоматия по истории русской книги. 1564—1917. М., 1965, с. 69.
- 32 Новиков Н. И. Указ. соч., с. 671.
- 33 Мартынов Б. Журналист и издатель И. Г. Рахманинов — 1753—1807. Тамбов, 1962, с. 16.
- 34 Полонская И. М. И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Радищева — Тр./Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М.—Л., 1955, т. VIII, с. 356.
- 35 Жихарев С. П. Записки современника. М.—Л., 1955, с. 356.
- 36 Мартынов Б. Ф. Указ. соч., с. 17.
- 37 Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867. Прил., с. 35.
- 38 Мартынов Б. Ф. Указ. соч., с. 44.
- 39 Там же, с. 47—48.
- 40 Там же, с. 64.
- 41 Степанов Н. А. Крылов. М., 1958, с. 22—23.
- 42 Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1945, т. 1, с. 146.
- 43 Хрестоматия по истории русской книги. 1564—1917. М., 1965, с. 75.
- 44 Крылов И. А. Указ. соч., т. III, с. 256.

Глава III

- 1 Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882. СПб., 1903, с. 53.
- 2 См. в кн.: Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929, с. 234.
- 3 Хрестоматия по истории русской книги, 1564—1917. М., 1965, с. 98—99.
- 4 Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, с. 172.
- 5 Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, с. 704.

- ⁶ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч., с. 217.
- ⁷ Там же, с. 218.
- ⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955—1956, т. 9, с. 28.
- ⁹ Там же, т. 1, с. 98.
- ¹⁰ Цявловский М. Письма Пушкина и к Пушкину. М., 1925, с. 38.
- ¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1937, т. 13, с. 93.
- ¹² Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930, с. 120.
- ¹³ Никитенко А. В. Дневник в трех томах. М., 1955, т. 1, с. 145.
- ¹⁴ Гессен С. Указ. соч., с. 132.
- ¹⁵ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 9, с. 246.
- ¹⁶ Там же, т. 2, с. 123.
- ¹⁷ Никитенко А. В. Указ. соч., с. 142.
- ¹⁸ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.—Л., 1930, с. 450.
- ¹⁹ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 9, с. 242.
- ²⁰ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 10, с. 53—54.
- ²¹ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 9, с. 241.
- ²² Там же, с. 244.
- ²³ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч., т. 272.
- ²⁴ Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб., 1858, т. I, с. V.
- ²⁵ Русский библиофил. СПб., 1911, № 1, с. 33.
- ²⁶ Дневник А. С. Пушкина 1833—1835. М.—Пг., 1923, с. 49.
- ²⁷ Романовский И. Книга и жизнь. М., 1950, с. 24—25.
- ²⁸ Там же, с. 23.
- ²⁹ Люблинский С. Б. Книжная лавка И. В. Сленина.— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1975, сб. 30, с. 117.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Указ. соч., с. 356.
- ³² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1948, т. 3, с. 105.
- ³³ Рылесв К. Ф. Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, с. 458.
- ³⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1964, т. 8, с. 67.
- ³⁵ Белинский В. Г. Указ. соч., т. 10, с. 193.
- ³⁶ Дельвиг А. А. Соч. СПб., 1893, с. 148.
- ³⁷ Современник, 1854, т. XLIII. Отдел III, с. 50.
- ³⁸ Люблинский С. Б. Указ. соч., с. 184.
- ³⁹ Булгарин Ф. Соч. СПб., 1830. ч. 1, с. 135—136.

- ¹ Либрович С. Ф. На книжном посту. СПб.,— М., 1883, с. 452.
- ² Толстой Л. Н., Полн. собр. соч. М., 1937, т. 47, с. 37.
- ³ Либрович С. Ф. Указ. соч., с. 446.
- ⁴ Там же, с. 6.
- ⁵ Пантелеев Л. Ф. Из моей памяти о М. О. Вольфе.— в сб. Изв. книжных магазинов товарищества М. О. Вольф.— Вестн. лит., 1916, № 11—12, с. 203.
- ⁶ Либрович С. Ф. Указ. соч., с. 465.
- ⁷ Стебницкий М. (Лесков Н. С.) Некуда. СПб., 1867, т. 1, с. 185.
- ⁸ Либрович С. Ф. Указ. соч., с. 212—213.
- ⁹ Сидоров А. А. История оформления русской книги. М.— Л., 1946, с. 329.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 60.
- ¹¹ Либрович С. Ф. Указ. соч., с. 383—384.
- ¹² Там же, с. 388.
- ¹³ Нива, 1904, № 50, с. 1008.
- ¹⁴ Эйзен И. Книгоиздательство А. Ф. Маркса. СПб., 1901, с. 23.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 80.
- ¹⁶ Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952, с. 439—440.
- ¹⁷ Там же, с. 442.
- ¹⁸ Чехов А. П. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 20, с. 214—215.
- ¹⁹ Там же, т. 18, с. 48.
- ²⁰ Сидоров А. А. История оформления русской книги. М., 1964, с. 336.
- ²¹ Гнедич П. Художественные издания А. Ф. Маркса — Нива, 1904, № 50, с. 1008.
- ²² К истории издателей в России — Книжный вестн., 1904, № 50, с. 1437.
- ²³ Динерштейн Е. Издано А. Ф. Марксом — Книжное обозрение, 1976, 3 дек.
- ²⁴ Книга в России. М., 1925, ч. 2, с. 474.
- ²⁵ Глинский Б. Б. Алексей Сергеевич Суворин. СПб., 1912, с. 23.
- ²⁶ Либрович С. Ф. Указ. соч., с. 123.
- ²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43—44.
- ²⁸ Там же, с. 43.
- ²⁹ Дневник А. С. Суворина. М.— Пг., 1923, с. 82—83.

- ³⁰ Краткий очерк издательской деятельности Алексея Сергеевича Суворина и развития принадлежащей ему типографии «Нового времени». СПб., 1900, с. 9.

Глава V

- ¹ Сергеев А. А. III отделение и Крымская война.— Красный архив, 1923, т. III, с. 294.
- ² Русская старина, 1881, т. XXX, с. 228.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.
- ⁴ Литературное наследство. М., 1953, т. 61, ч. 1, с. 499.
- ⁵ Шелгунов Н. В. Воспоминания. М., 1967, т. 1, с. 132.
- ⁶ Серно-Соловьевич Н. А. Исповедь.— В кн.: Литературное наследство, т. 25/26, с. 430.
- ⁷ Революционное движение 1860-х годов. М., 1932, с. 45.
- ⁸ Там же, с. 117.
- ⁹ Серно-Соловьевич Н. А. Окончательное решение крестьянского вопроса. Берлин, 1861, с. III.
- ¹⁰ Московские ведомости, 1861, № 46. Прил.
- ¹¹ Современник, 1862, № 1 — «Современное обозрение», с. 97—98.
- ¹² Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятых годах.— Каторга и ссылка, 1927, сб. 34, с. 32.
- ¹³ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, д. 50, л. 9; Кошовенко Е. А. О подлинном тексте одного важного документа.— Вопр. истории, 1956, № 1, с. 130.
- ¹⁴ ЦГАОР, ф. 112, д. 56, лл. 281, 283.
- ¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, д. 5881, л. 3.
- ¹⁶ Там же, л. 3.
- ¹⁷ Буташевская С. Дневник девочки. СПб., 1862, с. VI—VII.
- ¹⁸ Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, с. 167—168.
- ¹⁹ Баренбаум И. Е. Книгоиздательская деятельность Н. Г. Чернышевского в годы демократического подъема.— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1973, сб. 96, с. 109.
- ²⁰ Сборник рассказов в прозе и стихах. СПб., 1863.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, 1862 г., оп. 1, д. 74, л. 139 об.
- ²² Шлоссер Ф. Всемирная история. СПб., 1861, с. 30—31.
- ²³ Лемке М. К. Указ. соч., с. 22.

- ²⁴ Литературное наследство. М., 1959, т. 67, с. 725.
- ²⁵ Там же, с. 753.
- ²⁶ Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 173.
- ²⁷ Лемке М. К. Указ. соч., с. 221.
- ²⁸ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах. М., 1960, т. 19, с. 58—59.
- ²⁹ Процесс Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939, с. 26.
- ³⁰ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 155, л. 2 об.
- ³¹ Шульгин В. Н. Из истории поздних связей Герцена и Огарева с Россией.— В кн.: Литературное наследство, т. 63, с. 338.
- ³² Баренбаум И. Е. Н. А. Серно-Соловьевич (1834—1860). Очерк книготорговой и книгоиздательской деятельности. М., 1961, с. 115—118.
- ³³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 278, л. 20.
- ³⁴ Буланова-Трубникова О. К. Три поколения. М.—Л., 1928, с. 86.
- ³⁵ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 219/876, лл. 30—34.
- ³⁶ Виленская Э. С. Революционное подполье в России. М., 1965, с. 367.
- ³⁷ Баренбаум И. Е. «Издательская артель» И. А. Рождественского и П. В. Михайлова и революционное подполье середины 60-х годов XIX в.— В кн.: Федоровские чтения. 1975. История революционной печати. М., 1977, с. 77—87.
- ³⁸ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 155, л. 52, а также Буланова-Трубникова О. А. Три поколения. М.—Л., 1928, с. 86—87.
- ³⁹ Елисеев Г. Э. Соч. в 2-х т. М., 1894, т. 1, с. 672—673.
- ⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 29, д. 14; ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, д. 220, л. 16.
- ⁴¹ Баренбаум И. Е. Книгоиздательская деятельность Н. Г. Чернышевского в годы демократического подъема.— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1973, т. 26, с. 106—107.
- ⁴² Уроева А. В. Книга, живущая в веках. М., 1967, с. 86—103.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 776, г. 1868, оп. 4, д. 30, л. 18 и об.
- ⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 11, д. 81, л. 21 об — 22.
- ⁴⁵ Водовозов В. И. Детские рассказы и стихотворения. СПб., 1871, с. 5—6, 11, 80.
- ⁴⁶ Буланова-Трубникова О. К. Указ. соч., с. 87.
- ⁴⁷ См.: Сапунова Г. Ее прекрасный век. Рассказ о внучке декабриста.— Ленинградская правда, 1976, 10 сент.

Глава VI

- ¹ Благоев Д. Мои воспоминания. М.—Л., 1928, с. 31.
- ² Агитационная литература русских революционных народников. Л., 1970, с. 163.
- ³ Там же, с. 173—174.
- ⁴ Благоев Д. Указ. соч., с. 42.
- ⁵ Овсянникова С. Группа Благоева. М., 1959, с. 59.
- ⁶ Бруснев М. И. Возникновение первых социал-демократических организаций.—Пролетарская революция, 1923, № 14, с. 24.
- ⁷ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, т. 1, с. 153.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 20.
- ¹⁰ Там же, с. 19.
- ¹¹ Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1934, с. 26.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 55.
- ¹³ Крупская Н. К. Указ. соч., с. 15.
- ¹⁴ Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1929, с. 187.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 10.

Глава VII

- ¹ Матюшина О. К. Окрыленные люди. Л., 1967, с. 17.
- ² Матюшина О. К. За дружбу. Л., 1955, с. 191.
- ³ Матюшина О. К. Окрыленные люди, с. 20.
- ⁴ Матюшина О. К. За дружбу, с. 193.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 321.
- ⁶ Там же, т. 22, с. 83.
- ⁷ Бонч-Бруевич В. Д.—Ф. Циммерману.—Красный архив, 1934, № 1, с. 190—191.
- ⁸ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. М., 1961, т. 2, с. 387.
- ⁹ Там же, с. 391.
- ¹⁰ Звезда, 1959, № 9, с. 138.
- ¹¹ Там же, с. 139.
- ¹² Бонч-Бруевич В. Д. Большевицкие издательства дела в 1905—1907 гг. Л., 1933, с. 72.
- ¹³ Лейберов И. П. Ленин и издательство «Зерно» в Петербурге.—История СССР, 1970, № 2, с. 154.
- ¹⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. М., 1961, т. 2, с. 410.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 120.

- ¹⁶ Иоффе А. М. Издательская деятельность большевиков в 1905—1907 гг. М., 1971, с. 234.
- ¹⁷ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 413—414.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 158.
- ¹⁹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 1, с. 411.
- ²⁰ Там же, с. 411.
- ²¹ Лейберов И. П. Указ. соч., с. 159.
- ²² Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969, с. 56—57.
- ²³ Там же, с. 57.
- ²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 407.
- ²⁵ Цит. по: Голубева О. Д. Книгоиздательство «Жизнь и знание» (1909—1918).— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1966, сб. 13, с. 157—158.
- ²⁶ Матюшина О. К. Негасимые искры. Л., 1960, с. 69.
- ²⁷ Матюшина О. К. Окрыленные люди, с. 87.
- ²⁸ Шварцман С. М. Книгоиздательство «Прибой» (1913—1914).— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1966, сб. 13, с. 166.
- ²⁹ Там же, с. 174.
- ³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 243.
- ³¹ Шварцман С. М. Указ. соч., с. 175.
- ³² Горький М. Письмо к А. Н. Тихонову-Сереброву от 23 мая 1913 года.— В кн.: Горьковские чтения 1953—1957. М., 1959, с. 42.
- ³³ Брейтбург С. М. Максим Горький — редактор «Сборников пролетарских писателей» (по неопубликованным источникам).— В кн.: Книга. Исслед. и материалы. М., 1965, сб. 10, с. 69.
- ³⁴ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1953, т. 24, с. 169.

Оглавление

Глава I
„ГОСУДАРЕВА ПИСЬМОПЕЧАТНЯ“
3

Глава II
РОССИИ ВОЛЬНЫЕ СЫНЫ
33

Глава III
МЕЦЕНАТЫ И КОММЕРСАНТЫ
86

Глава IV
„К ВОЛЬФУ ЗАГЛЯНЕШЬ —
ДОСТАНЕШЬ.“
125

Глава V
МОЛОДЫЕ ШТУРМАНЫ
ГРЯДУЩЕЙ БУРИ
171

Глава VI
В БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
РАБОЧЕГО КЛАССА
203

Глава VII
НА КАРАВАННОЙ
217

ПРИМЕЧАНИЯ
245

ОГЛАВЛЕНИЕ
254

Иосиф Евсеевич Баренбаум

КНИЖНЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

ИБ № 315

Редактор *И. П. Глазырина*

Художник *С. С. Верховский*

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технический редактор *А. Э. Коган*

Корректор *А. В. Соцкова*

Сдано в набор 2.08.79. Подписано в печать 28.01.80.
А-10154. Формат 70 × 90/32. Бум. мелованная. Гарни-
тура академическая. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,36.
Уч.-изд. л. 10,56. Тираж 25 000 экз. Заказ № 450.

Изд. № 2369. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга», Москва, К-9,
ул. Неждановой, д. 8/10

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома

при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28

~~Ѧ~~

Ѣ

I

A-3085,

395 089

~~Ѥ~~

Ѧ

Ѥ

~~Ѥ~~

~~Ѥ~~

~~Ю~~

Ю

Ю

~~Ю~~

Ю

~~Ѡ~~

Ѡ

Ѡ

Ѡ

~~Ѳ~~

Ѳ

~~Ѳ~~

~~Ѳ~~